

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4/2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Букина И.С., канд. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Нефёдова Н.П.
(ответственный секретарь журнала)
Корнилова М.Г.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела –
заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным
науками РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой
экономической теории Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 4/2026

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
- 5.2.4. Финансы (экономические науки),
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (в ядро РИНЦ)

Журнал входит в базу данных Russian Science Citation Index

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Одинцова А.В.

Вопросы институционализации опорных населенных пунктов
в контексте приоритетов пространственного развития России 7

Захаров И.Н.

О базовом пенсионном доходе, его размерах и источниках выплат 31

Тимофеева О.И.

Диагностика отклонений инвестиционного цикла объектов
незавершенного строительства в государственном секторе 48

ФИНАНСЫ

Миленков А.В., Фрумина С.В.

Финансовое консультирование на основе ИИ: от преодоления
информационной асимметрии к новым рискам и регуляторным
вызовам 70

Банникова В.А.

Товары – маркеры внимания населения к инфляции: изменения
их категорий и видов в условиях трансформации российской
экономики за период 2014–2026 гг. 96

Крук Д.М.

Влияние цифровых технологий на трансформацию ключевых
элементов финансовой архитектуры 118

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Абрамов В.Л., Абанина И.Н.

Оценка возможностей наращивания российского несырьевого
неэнергетического экспорта на рынки стран БРИКС+ 134

Мигранян А.А., Литвинов А.И.

Трансформация парадигм международной торговли
и формирование санкционно устойчивой логистики
в системе «Россия–Центральная Азия» 157

Чернова В.Ю.

Ближневосточный кризис и продовольственная безопасность:
последствия для агропродовольственного комплекса ЕАЭС 176

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Odintsova A.V.

Issues of Institutionalization of Support Population Points in the Context of Russia's Spatial Development Priorities	7
--	---

Zakharov I.N.

On Basic Pension Income: Amounts and Sources of Payment	31
---	----

Timofeeva O.I.

Diagnosis of Investment Cycle Deviations in Unfinished Construction Projects in the Public Sector	48
--	----

FINANCE

Milenkov A.V., Frumina S.V.

AI-Driven Financial Advisory: from Overcoming Information Asymmetry to New Risks and Regulatory Challenges	70
---	----

Bannikova V.A.

Marker Goods of Inflation Attention: Changes in their Categories and Types under the Transformation of the Russian Economy, 2014–2026	96
---	----

Kruk D.M.

The Impact of Digital Technologies on the Transformation of Key Elements of Financial Architecture	118
---	-----

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Abramov V.L., Abanina I.N.

Assessment of the Possibilities of Increasing Russian Non-Resource Non-Energy Exports to the BRICS+ Markets	134
--	-----

Mihranyan A.A., Litvinov A.I.

Transformation of International Trade Paradigms and Formation of Sanctions Resilient Logistics in the "Russia–Central Asia" System	157
---	-----

Chernova V.Yu.

The Middle East Crisis and Food Security: Implications for the EAEU Agricultural and Food Security Complex	176
---	-----

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

А.В. ОДИНЦОВА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
руководитель Центра федеративных отношений
и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН

ВОПРОСЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОПОРНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРИОРИТЕТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В статье анализируются вопросы, связанные с институционализацией опорных населенных пунктов в качестве пространственного приоритета государственной политики социально-экономического развития Российской Федерации. Показано, что Стратегия пространственного развития России до 2030 г. с перспективой до 2036 г., принятая в 2024 г., сохраняет преемственность со Стратегией 2019 г. и в то же время определяет новые подходы к решению проблемы социально-экономической дифференциации территорий страны. Автор исходит из того, что институционализация опорных населенных пунктов предполагает как формирование совокупности условий, создающих благоприятную институциональную среду для выполнения ими тех функций и реализации тех приоритетов, ради которых они были введены, так и обеспечение единства институционального поля пространственного развития России. Рассматривается вопрос о неизбежной взаимосвязанности опорных населенных пунктов и муниципальных образований и возникающей в связи с этим необходимости обеспечения принципа комплементарности в реформировании институционального поля пространственного развития нашей страны для обеспечения синергетического эффекта функционирования двух названных институтов.

Ключевые слова: *пространственное развитие, институционализация, институциональная комплементарность, опорные населенные пункты, приоритеты пространственного развития, местное самоуправление, муниципальные образования, федеративные отношения.*

УДК: 332.025.12, 33.011

EDN: AXUQWF

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_7_30

Новая государственная инициатива, зафиксированная в обновленной Стратегии пространственного развития Российской Федерации¹ в качестве важнейшего пространственного приоритета государственной социально-экономической политики России до 2030 г., – создание по всей территории страны системы опорных населенных пунктов (ОНП), а также первые результаты по ее реализации породили оживленные дискуссии в научном сообществе. При этом в многочисленных исследованиях, посвященных ОНП, нашли отражение как теоретические, так и практические аспекты управления пространственным развитием нашей страны.

К первой группе исследований можно отнести те, которые связаны с определением истоков самой идеи опорности (как правило, ее связывают с концепцией В. Кристаллера) [5; 6], с ее противопоставлением заложенной в первой Стратегии пространственного развития Российской Федерации² ориентации на преимущественное развитие крупных и крупнейших городских агломераций. Вторая группа исследований охватывает пласт связанных с институционализацией опорных населенных пунктов проблем, например, таких как: обеспечение непротиворечивости включения института ОНП в общую институциональную архитектуру не только пространственного развития, но и системы федеративных отношений; определение прозрачных источников финансирования функций, возложенных на опорные населенные пункты (до сих пор ясности по этому вопросу нет); система показателей корректной оценки результативности развития ОНП и др. Наконец, требует решения и проблема нормативно-правового закрепления такой базовой категории, как «населенный пункт». Несмотря на признание ОНП в качестве пространственного приоритета страны, в существующем законодательстве нет однозначного определения самого понятия «населенный пункт».

Некоторые вопросы из первой группы упомянутых выше исследований были уже рассмотрены автором ранее [9]. В данной работе мы сосредоточимся на анализе проблем, которые относятся ко второй группе исследований. При этом в первую очередь сконцентрируемся на ряде исходных моментов, связанных с пониманием процесса институционализации.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-п. <https://docs.cntd.ru/document/1310767692> (дата обращения: 12.06.2026).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-п. <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 10.06.2026).

К пониманию содержания феномена институционализации (институты и институционализация)

Понятие «институт» сегодня является, пожалуй, одним из наиболее часто употребляемых в социально-экономической науке. Об институтах говорят практически все исследователи, анализирующие те или иные аспекты социально-экономического развития: институт заработной платы, институт семьи, институты банковской сферы, институты развития и т. п. Не исключением стали и опорные населенные пункты. Они рассматриваются в качестве института не только в научных исследованиях, но и в обсуждениях на различных площадках. Так, например, в июне 2024 г. Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера организовал круглый стол, на котором обсуждался вопрос *о системе ОНП как о новом институте пространственного развития страны*³.

Мы не будем подробно рассматривать вопрос о сущности институтов. В целом в предлагаемой статье мы придерживаемся наиболее распространенной их трактовки, идущей от Д. Норта, согласно которой институты – это правила и нормы, определяющие порядок взаимодействия в обществе. Вместе с тем определенность в вопросе о сущности институтов не обуславливает автоматически определенности ни в вопросе о сущности процесса институционализации, ни (что непосредственно связано с предыдущим) в понимании того, в чем заключается развитие того или иного института.

Напомним, что предпосылки возникновения институтов могут быть двоякого рода. Их появление может быть результатом более или менее эволюционного развития общества или какой-либо его составляющей. И в данном случае речь идет о своеобразном естественном отборе наиболее социально эффективных механизмов, норм и правил. К этой же «модели» появления новых институтов относится и эволюционный процесс реформирования институтов в соответствии с изменяющимися условиями. Зачастую здесь можно наблюдать и превращение неформальных институтов, основанных на традициях и обычаях, в институты формальные, которые закрепляются и становятся одной из составляющих институциональной архитектуры общества. Институты, источником которых становятся подобного рода эволюционные процессы, имея под собой достаточно прочный исторический, социальный, культурный базис, безусловно, с самого начала в целом вписываются в существующую институциональную архитектуру.

³ http://region.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/158665/ (дата обращения: 30.06.2026).

Однако формирование многих институтов, особенно в периоды более или менее серьезных трансформаций, связано с реформированием различных сфер социально-экономической системы, а значит с большим или меньшим нарушением принципа эволюционности. И здесь вопросы изменения институциональной структуры, включения нового института в существующую институциональную архитектуру становятся определяющими. Причем причины подобных трансформаций могут быть разными. Это могут быть вынужденные институциональные трансформации, связанные с внешними вызовами. В качестве примера здесь можно привести нынешние институциональные трансформации российского биржевого рынка в условиях санкционного давления и геополитических вызовов. Внешние шоки вызывают необходимость приспособления к ним посредством изменений в институциональной архитектуре, конечной целью которых является сохранение функциональности всей системы при минимизации транзакционных издержек.

Также это могут быть институциональные изменения, связанные с изменениями в приоритетах социально-экономической политики государства (в том числе в аспекте рассматриваемой в статье проблемы – пространственного развития России). Как известно, согласно Д. Норту и Л. Дэвису, институциональная структура представляет собой многомерную систему координат, которую образует институциональная среда⁴. В данном случае выдвижение новых приоритетов и создание новых механизмов, безусловно, требуют не только формирования новой системы и структуры институтов, обеспечивающих достижение новых целевых установок, но и непротиворечивости этих новых приоритетов и механизмов всей ранее сложившейся системе институтов, так или иначе оказавшихся завязанными на новые цели. С этой точки зрения вопросы, связанные с развитием опорных населенных пунктов, неизбежно пересекаются, например, с основными направлениями муниципальной реформы, основы которой зафиксированы в Федеральном законе № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (Федеральный закон № 33-ФЗ)⁵.

⁴ См.: Норт Д. Вклад неoinституционализма в понимание проблем переходной экономики. https://royallib.com/read/nort_duglas/vklad_neoinstitutsionalizma_v_ponimanie_problem_perehodnoy_ekonomiki.html#0 (дата обращения: 26.03.2026).

⁵ Федеральный закон № 33-ФЗ от 20.03.2025 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319 (дата обращения: 26.03.2026).

Таким образом, речь идет об институционализации новых норм и правил и комплементарности всех составляющих институциональной архитектуры. Отсутствие подобной комплементарности может привести (и часто приводит) к тому, что формируемые новые институты (несмотря на их нормативно-правовое закрепление) не смогут обеспечить достижения приоритетов и целей, для которых они вводятся [14].

Посмотрим с этих позиций на эволюцию приоритетов пространственного развития Российской Федерации. Как можно оценить перспективы их институционализации в существующей институциональной архитектуре страны? Какие проблемы и противоречия видны уже сегодня, а каких, при надлежащем к ним внимании, возможно избежать?

Корректировка приоритетов пространственного развития России

Специалистам по региональной экономике хорошо известно, что первая в истории Российской Федерации Стратегия пространственного развития (Стратегия-2019) изначально критиковалась за ее ориентацию исключительно на развитие крупных и крупнейших городских агломераций как центров экономического роста. Ставка на развитие таких центров должна была обеспечить решение основной проблемы пространственного развития страны – сократить стабильно глубокий уровень межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации территорий. Справедливости ради надо отметить, что в годы реализации Стратегии-2019 признавалось наличие нескольких уровней центров экономического роста, по-разному влияющих на пространственное развитие страны. Так, помимо крупных и крупнейших городских агломераций, заявленных в Стратегии-2019, были выделены агломерации второго эшелона, со своими задачами и проблемами. В работах отечественных исследователей поднимался вопрос о том, что развитие городских агломераций «второго эшелона», наблюдаемое сегодня во многих странах мира, в России имеет особые предпосылки в силу значительной доли сельских населенных пунктов [2; 7; 13].

В определенной степени эта проблема получила отражение и в официальных документах. Так, в принятой в 2019 г. госпрограмме «Комплексное развитие сельских территорий» речь шла о сельских агломерациях как о совокупности опорного населенного пункта и прилегающей территории. Именно в этой Программе еще в 2020–2021 гг. был утвержден перечень сельских агломераций, к которым

были отнесены и малые города с численностью населения не более 30 тыс. человек⁶.

Однако об «агломерациях второго эшелона» всерьез говорили исключительно научные исследователи. Внимание же практиков и особенно руководителей различных уровней публичной власти было сосредоточено на агломерациях, составляющих первую из выделенных в СПР-2019 групп (уровней).

В итоге ориентация пространственного развития Российской Федерации на приоритетное развитие крупных и крупнейших городских агломераций привела к ускорению темпов роста лишь регионов-лидеров. А что касается межрегиональной дифференциации, то она еще больше увеличилась: по валовому региональному продукту на душу населения – с 3,7 раза в 2017 г. до 4,2 раза в 2022 г., а по инвестициям в основной капитал на душу населения – с 4,1 раза в 2017 г. до 4,7 раза в 2023 г.⁷ Продолжается и процесс концентрации производства в крупнейших субъектах Российской Федерации. По данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в 2021 г. на долю первых 10 субъектов РФ приходилось 54,6% суммарного ВРП, в 2024 г. – 55,8%. При этом состав регионов, занимающих первые позиции, практически не изменился. В целом за 2022–2024 гг. 79,7% суммарного прироста ВРП было обеспечено за счет западных регионов страны [4, с. 56].

Таким образом, результаты реализации СПР-2019 подтвердили гипотезу, согласно которой центростремительный сдвиг в организации производительных сил, наблюдаемый в России, растущая концентрация населения и экономической активности в крупнейших городах приводят лишь к обострению проблем «неперспективных» территорий, к анклализации – стихийному сжатию хозяйственной ойкумены [3].

Нерешенность задачи сокращения межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации потребовала корректировки пространственных приоритетов России. В соответствии с новым подходом к пространственным приоритетам в Стратегии пространственного развития до 2030 г. с перспективой до 2036 г. (Стратегии-2024) отнесены:

⁶ Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696 в ред. Постановления Правительства РФ от 12.12.2024 г. № 1767. <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/71e/kbn14agdze4vmnsuwh31luraah54eeux.pdf> (дата обращения: 25.05.2026).

⁷ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р. <https://docs.cntd.ru/document/1310767692> (дата обращения: 12.06.2026).

- система опорных населенных пунктов, которые формируют системы расселения, инфраструктуры и экономики Российской Федерации и обеспечивают развитие прилегающих к ним территорий;
- основные направления развития федеральных округов Российской Федерации, Арктической зоны Российской Федерации и новых субъектов Российской Федерации, а также геостратегических территорий Российской Федерации, которые учитывают их специфику, новые вызовы и возможности для их развития.

По замыслу разработчиков Стратегии-2024 место крупных городских агломераций в качестве основного института преодоления тенденции углубления межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации должны занять опорные населенные пункты, приоритетное развитие которых будет способствовать (как заявлено в Стратегии) достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающих территорий.

Как нами уже было отмечено, институционализация нового пространственного приоритета развития России – опорных населенных пунктов – предполагает формирование совокупности условий, при которых ОНП будут выполнять те задачи и те функции, ради реализации которых, собственно говоря, они и были заявлены. Традиционно важнейшей задачей, стоящей перед политикой пространственного развития Российской Федерации, является преодоление устойчивой межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в уровнях социально-экономического развития регионов, городов и населенных пунктов. Таким образом, можно говорить об определенной преемственности двух Стратегий.

Как в первом, так и во втором документе речь идет о сокращении меж- и внутрирегиональной дифференциации. Однако если в рамках теоретической концепции Стратегии-2019 выделялось относительно небольшое количество точек роста – крупных и крупнейших городских агломераций (речь шла о 40 крупных и крупнейших агломерациях), то нынешняя Стратегия основана на гораздо большем количестве таких точек, более или менее равномерно расположенных по территории субъектов Российской Федерации (в Перечне опорных населенных пунктов, утвержденных Минэкономразвития Российской Федерации, их значится 2 160). При этом многие из этих опорных населенных пунктов являются сельскими поселениями, которые становятся центрами предоставления услуг для территорий, прилегающих к ним.

Формирование единого перечня опорных населенных пунктов направлено на концентрацию инструментов и ресурсов для содействия достижению национальных целей, в том числе для снижения дифференциации в социально-экономическом развитии террито-

рий страны. При этом финансирование опорных населенных пунктов основано по преимуществу на системе мер государственной поддержки. Можно сказать, что в основе СПР-2024 лежит идея, согласно которой задачей населенных пунктов, которым присвоен статус опорных, становится не просто аккумулярование ресурсов (прежде всего бюджетных – федеральных и региональных), а их аккумулярование для вложения в комплексное развитие ОНП по принципу «развивая себя, развивай и прилегающие территории».

Идея, безусловно, позитивная. Но то, каким образом она будет реализована, во многом зависит от перспектив институционализации опорных населенных пунктов в общей институциональной архитектуре страны.

С учетом вышесказанного, выделим основные, на наш взгляд, составляющие процесса институционализации ОНП: – это цели, механизмы и финансовое обеспечение, а также оценочные показатели. Остановимся на них более подробно.

Институционализация опорных населенных пунктов в качестве пространственного приоритета России

Цели. Как уже было нами отмечено, преемственность двух Стратегий пространственного развития проявляется в основной задаче, поставленной в обоих документах. Эта задача связана с необходимостью преодоления межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации, которая, повторим, так и не была решена за годы реализации Стратегии-2019. И хотя в Стратегии-2024 эта задача стоит не на первом месте в содержащемся в ней перечне основных направлений и задач пространственного развития Российской Федерации, совершенно ясно, что именно ее решение в наибольшей степени отвечает национальным интересам Российской Федерации.

Эта проблема была выделена в качестве одной из центральных еще в начале 2000-х гг. в целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)», где было отмечено, что «различия в развитии субъектов Российской Федерации по основным социально-экономическим показателям достигли критического уровня, ... что значительно затрудняет проведение единой общероссийской политики социально-экономических преобразований»⁸. Сегодня же о важности этой задачи свидетельствует, в частности, то, что сокра-

⁸ Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717 «О федеральной целевой программе “Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)”». <http://base.garant.ru/183843/>. Действие программы прекращено Постановлением Правительства РФ от 22.06.2006 г. № 388.

щение дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню и темпам социально-экономического развития, качеству жизни, стимулирование развития экономического потенциала регионов, укрепление их бюджетной обеспеченности выделены в качестве отдельной цели обеспечения экономической безопасности страны в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁹.

На фоне преемственности в постановке задач пространственного развития в новой Стратегии наблюдается определенное смещение акцента (фокуса) с вопросов преимущественно экономического характера на вопросы расселенческие. В рамках Стратегии-2019, ориентированной на развитие крупных и крупнейших городских агломераций, во многом, согласно концепции Ф. Перру, во главу угла были поставлены крупные центры экономического роста, выделенные в соответствии с эффективной экономической специализацией регионов, перечень которых занимал значительную часть содержания этой Стратегии.

Отмеченное выше смещение акцента в Стратегии-2024 на расселенческих аспектах переводит пространственное развитие в логику народосбережения. Такая логика направлена, по сути, на сохранение населения, проживающего на всей территории России, и предполагает, помимо прочего, его закрепление, формирование условий для развития человеческого капитала на основе достижения соответствующих современному уровню цивилизационного развития стандартов качества жизни. Речь идет о том, чтобы обеспечить улучшение среды для жизни в опорных населенных пунктах на 30% в 2030 г. и на 60% – к 2036 г.

Итак, сравнение двух Стратегий позволяет говорить не только о преемственности в целеполагании, но и об определенном смещении акцентов. В рамках Стратегии-2019 предполагалось, что предпосылкой сокращения отмеченной дифференциации станет ускоренное развитие крупных центров экономического роста, которые, обеспечив решение экономических проблем, опосредованно решат и проблемы социальные (прежде всего, рост доходов населения, повышение уровня жизни и пр.). В Стратегии-2024 наблюдается обратная логика. Обеспечение комфортных условий жизни для населения, решение совокупности социальных проблем должно, создав предпосылки для ограничения оттока населения, сформировать базис для повышения инвестиционной привлекательности территорий и ускоренного экономического развития в целом.

В этом отношении заслуживают внимания выделенные П.А. Минакиром и С.Н. Найденом факторы, связанные с развитием человеческого

⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. <https://docs.cntd.ru/document/607148290?ysclid=mpmcmiwvo3599905894>.

капитала и сдерживающие развитие дальневосточных регионов: ограниченный выбор мест квалифицированной работы; низкий уровень оплаты труда; отсутствие комфортного жилья или высокие цены на него; низкий уровень доступности и качества услуг социальной сферы (ЖКХ, образование, здравоохранение, культура); оторванность от центральной части страны из-за высоких транспортных тарифов на национальных и региональных маршрутах [8].

Тот факт, что работы процитированных авторов связаны прежде всего с социально-экономическим развитием Дальнего Востока, никоим образом не умаляет (а скорее, повышает) значимость результатов их исследований для формирования современной политики пространственного развития. Ведь Дальний Восток представляет собой регион, где проблемы пространственного развития, прежде всего в силу географических условий, проявляются особенно выпукло. Речь главным образом идет о проблеме оттока населения, для решения которой, как показывает опыт (в том числе реализации первой Стратегии пространственного развития Российской Федерации), механизмы чисто институционального характера, связанные лишь с привлечением инвестиций, являются недостаточными. В той или иной мере выделенные П.А. Минакиром и С.Н. Найденом факторы характерны для большинства регионов Российской Федерации, что ограничивает возможности пространственного развития. Для их преодоления в значительной степени и предназначена реализация концепции опорных населенных пунктов, направленная, прежде всего, на создание комфортных условий жизни для населения на основе развития инфраструктуры населенных пунктов.

В целом, цели, заявленные в Стратегии-2024, не только вписываются в общую логику пространственного развития, но и соответствуют общей концепции национальной безопасности Российской Федерации. Однако реализация целей, как известно, требует выработки адекватных механизмов финансирования. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Механизмы финансирования. В основу развития опорных населенных пунктов положен проектный принцип, что создает предпосылки для комплексного и целенаправленного государственного финансирования приоритетных направлений, связанных, прежде всего, с расширением инфраструктуры, обеспечивающей комфортные условия жизни для населения.

Как известно, история развивается по спирали. И решение анализируемой проблемы не является исключением. «Общая идея заселения региона, создания и поддержания потенциала социального и демографического развития за счет формирования массивов стимулов для населения успешно реализовывалась, когда функционировала система прямого государственного патронажа (выделено нами – А.О.),

т. е. стимулы создавались и финансировались самим государством по всем прямым и обратным связям» [8, с. 57].

Нынешняя система мер государственной поддержки развития опорных населенных пунктов отличается большим разнообразием. Ее основу составляют принципы проектного финансирования. В совокупности используемых механизмов можно выделить: бюджетные программы, инфраструктурные кредиты, инфраструктурные облигации, механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП), налоговые льготы и пр.

Основным механизмом, призванным обеспечить реализацию современных пространственных приоритетов России, безусловно, является национальный проект «Инфраструктура для жизни»¹⁰, включающий 12 федеральных проектов, касающихся жилищного строительства, транспортной и коммунальной инфраструктуры, социальных объектов и цифровизации. Одной из инициатив рассматриваемого нацпроекта стал федеральный проект «Развитие инфраструктуры в населенных пунктах»¹¹, центром внимания которого и стали опорные населенные пункты. Этот федеральный проект стал одним из примеров интеграции программы Минстроя РФ (вопросы развития коммунальной инфраструктуры и благоустройства), Минтранса РФ (вопросы приведения дорог в нормативное состояние) и Минпросвещения РФ (строительство и реконструкция школ и детских садов). Предусмотрены и различные региональные инициативы.

Известно, что важное место в пространственной структуре Российской Федерации занимают сельские территории, на долю которых приходится 90% всех земельных площадей и более 25% численности населения страны. А с учетом сельских агломераций эта доля достигает 34,7%. В перечне опорных населенных пунктов более 50% приходится на малые города, поселки городского типа и села.

Поставленная в рамках Стратегии-2024 задача создания условий для прекращения оттока постоянно проживающего населения малых и средних городов, сельских территорий во многом объясняется несовершенством сложившегося ранее подхода к управлению развитием сельских территорий. Большое значение для преодоления проявившихся ранее тенденций депопуляции соответствующих территорий имеет госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий», направленная на создание благоприятных условий для работы и про-

¹⁰ Реализация проекта «Инфраструктура для жизни» началась в 2025 г. взамен нацпроектов «Жилье и городская среда» и «Безопасные и качественные дороги», действовавших с 2019 г.

¹¹ Федеральный проект «Развитие инфраструктуры в населенных пунктах» – часть национального проекта «Инфраструктура для жизни». Его запустили 1 января 2025 г., срок реализации – до 31 декабря 2030 г. Главная цель – улучшить качество среды для жизни в опорных населенных пунктах на 30% к 2030 г. и на 60% к 2036 г.

живания населения. Предусмотренный в рамках названной госпрограммы комплекс мероприятий реализуется за счет субсидий из федерального и регионального бюджетов, а также за счет вклада муниципальных образований, частных компаний и местных жителей.

Вместе с тем с учетом того, что, как было отмечено нами выше, в сформированный Правительством перечень сельских агломераций вошли не только чисто сельские поселения, но и малые города с численностью населения не более 30 тыс. человек, нынешняя система поддержки сельских территорий, по мнению академика А. Костяева, несет в себе опасность оседания ограниченных средств названной госпрограммы исключительно в городских поселениях, которые входят в сельские агломерации. Развитие же действительно вымирающих и особо нуждающихся в государственной помощи населенных пунктов может оказаться без поддержки¹². Об указанной опасности сегодня пишут многие исследователи, отмечая реальный риск того, что значительная часть ресурсов в рамках государственных программ, изначально предназначенная для сельской местности, пойдет на развитие районных центров и малых городов [11]. И это несмотря на то, что качество жизни там изначально выше, чем на селе. «При относительно небольшой численности опорных населенных пунктов (всего 1,38% от населенных пунктов с населением до 50 тыс. человек) и недостаточном развитии качественной дорожной сети и общественного транспорта неизбежно возникнут проблемы с обслуживанием прилегающих территорий и особенно удаленных сельских населенных пунктов» [10].

Своеобразной косвенной формой финансирования развития опорных населенных пунктов можно считать одну из составляющих работы по облегчению долговой нагрузки регионов – практику списания их задолженности по бюджетным кредитам. Предусмотрено, что до 2029 г. часть высвобождаемых в результате списания бюджетной задолженности средств направляется субъектам Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных государственными программами субъектов РФ, в том числе в рамках федеральных проектов, входящих в национальные проекты в сфере реализации инфраструктурных проектов по развитию опорных населенных пунктов¹³. Сегодня субъекты РФ имеют возможность списать до двух третей бюджетных

¹² <https://iz.ru/1503447/sergei-gurianov/rasselis-tut-v-rossii-poiavitsia-pochti-2-tys-selskikh-aglomeratcii>

¹³ Об утверждении правил списания задолженности субъектов Российской Федерации перед Российской Федерацией по отдельным бюджетным кредитам и направления субъектами Российской Федерации средств, высвобождаемых в результате списания задолженности субъектов Российской Федерации по указанным бюджетным кредитам. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2025 г. № 79. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=487975>

кредитов при условии направления не менее 50% высвобождающихся средств на проекты в сфере ЖКХ, на развитие опорных населенных пунктов, на проекты обновления общественного транспорта и пр.

Важным с точки зрения развития ОНП направлением расходования средств, высвобождаемых в результате списания задолженности, является реализация мастер-планов развития городов и инфраструктурных проектов в опорных населенных пунктах. В 2025 г. такими возможностями воспользовалось 58 субъектов РФ, в результате чего их нагрузка сократилась примерно на 230 млрд руб. В 2026 г. задолженность списана 54 регионам на общую сумму 175 млрд руб.¹⁴

Государственная поддержка опорных населенных пунктов не ограничивается мерами, касающимися исключительно формирования комфортных условий для жизни. В центре внимания и проблемы, связанные с проектами по реализации региональных программ развития промышленности в опорных населенных пунктах, которые не входят в состав городских агломераций. На эти цели предусмотрены федеральные субсидии, рассчитываемые с применением повышающего коэффициента, равного 1,5. Кроме того, в рамках поддержки проектов по созданию и развитию объектов инфраструктуры технопарков в сфере электронной промышленности, реализуемых в опорных населенных пунктах, не входящих в состав городских агломераций, может применяться повышающий коэффициент, равный 10. При этом приоритетными направлениями развития таких территорий должны быть определены радиоэлектроника и микроэлектроника¹⁵.

Говоря о развитии опорных населенных пунктов, нельзя не остановиться на механизмах, в основе которых – разнообразные формы партнерства бизнеса, государства и общества. Так, развитие опорных населенных пунктов является одним из приоритетов в деятельности Фонда развития территорий, который, являясь публично-правовой компанией, оказывает помощь в переводе принимаемых на местах решений в конкретные проекты, выступая, по сути, как связующее звено между федеральным центром и субъектами Федерации¹⁶. Одной из задач Фонда является полное сопровождение проектов (от поддержки при подготовке заявок до мониторинга реализации проектов), финансируемых за счет инфраструктурных кредитов.

¹⁴ <http://government.ru/docs/58904/> (дата обращения: 30.05.2026).

¹⁵ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2026 г. № 493. <http://static.government.ru/media/files/EgmxUSHwiLslAyyvOtDiPgqpAxsGhFAY.pdf> (дата обращения: 13.06.2026).

¹⁶ «Фонд развития территорий» – институт развития, созданный в 2022 г. в результате слияния государственной корпорации Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства и публично-правовой компании Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства.

Примером партнерских отношений государства и бизнеса может служить автономная некоммерческая организация Агентство стратегических инициатив (АСИ) по продвижению новых проектов, созданная для поддержки общественно значимых инициатив и проектов. Разработанный АСИ Атлас сервисно-инфраструктурных решений включает готовые решения в ключевых сферах развития опорных населенных пунктов (транспорт, жилье, ЖКХ и социальная инфраструктура). Подобные разработки вносят свой вклад в формирование программ комплексного развития ОНП. Одним из таких решений стала созданная на основе обобщения опыта Нижегородской области программа по развитию электродвижения. В ее основе – модель развития электродвижения, представленная компанией Нурет (ключевым оператором Концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в России до 2030 г.).

Таким образом, можно говорить о комплексной и многоаспектной системе механизмов, обеспечивающих поддержку развитию опорных населенных пунктов. Насколько эта система работает на достижение основной цели пространственного развития? Корректный ответ на этот вопрос возможен только при наличии адекватного показателя (системы показателей), отражающего то, в какой степени решается основная проблема пространственного развития, связанная с социально-экономической дифференциацией.

Показатели оценки результатов политики развития ОНП. С учетом вышесказанного полагаем, что именно эта составляющая институционализации опорных населенных пунктов является ключевой. Насколько же используемые критерии и показатели отвечают основной задаче пространственного развития Российской Федерации – задаче сокращения межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в уровнях социально-экономического развития?

Следует отметить, что этот вопрос ставился уже в ходе реализации Стратегии-2019. Многие исследователи обращали внимание на необходимость при оценке результативности и эффективности реализации Стратегии определять агломерационный эффект центров экономического роста. Способствует ли концентрация ресурсов и рабочей силы в крупных центрах экономического роста решению основной проблемы пространственного развития – сокращению межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации территорий? Влияет ли такая политика на пространственное развитие близлежащих (в терминологии СПР-2024 – прилегающих) территорий и России в целом? В работах многих исследователей ответ на данный вопрос был скорее отрицательным. Да и итоги реализации первой Стратегии пространственного развития подтвердили это.

Что же мы имеем сегодня? В качестве основного интегрального индикатора оценки развития опорных населенных пунктов используется показатель «улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах», методика расчета которого утверждена Приказом Минстроя России от 2 декабря 2024 г. № 811/пр. В расчет названного показателя включены 16 отраслевых составляющих, которые отражают состояние различных видов инфраструктуры опорных населенных пунктов.

Оценка хода реализации Стратегии пространственного развития происходит главным образом с точки зрения объемов бюджетного (федерального и регионального) финансирования, которые направляются на реализацию принимаемых проектов. Безусловно, увеличение бюджетных расходов на инфраструктуру опорных населенных пунктов является критически важным для повышения комфортности жизни населения. Вместе с тем рост показателей бюджетного финансирования, с одной стороны, и повышение комфортности жизни населения – с другой, не всегда идут параллельно.

Так, например, на состоявшемся III Всероссийском форуме тружеников села, при обсуждении проблем развития малых населенных пунктов, оценки представителей власти и мнения самих жителей разошлись¹⁷. Государственные деятели сделали акцент на общих количественных показателях. В частности, Д.Н. Патрушев отметил, что на реализацию госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий» за последние шесть лет направлено почти 0,5 трлн руб., а глава Минсельхоза РФ О.Н. Лут сообщила, что, по оценкам, в ближайшие три года помимо бюджетных ассигнований в развитие сельских территорий инвесторы вложат еще 5,5 млрд руб. своих собственных средств. Приведенные цифры, по мнению официальных лиц, достаточно четко свидетельствуют о качественных изменениях в реализации пространственных приоритетов России. Что касается самих работников, живущих в сельской местности, то они говорили преимущественно о совсем других, более насущных, проблемах: о неподъемной стоимости подключения крестьянского хозяйства к электричеству, о низких зарплатах сельских почтальонов и о высоких комиссиях маркетплейсов за продажу фермерской продукции. Недостаток внимания к этим вопросам, безусловно, отражается на оценках качества среды для жизни самих жителей.

Данный, касающийся достаточно частного вопроса пример является одной из многочисленных иллюстраций разрыва оценок властных структур и оценок тех, кто непосредственно оценивает «качество среды для жизни».

¹⁷ Труженики села и закона. В Совете Федерации поговорили про развитие малых населенных пунктов // Коммерсантъ. 26.05.2026. <https://www.kommersant.ru/doc/8689796> (дата обращения: 20.06.2026).

Таким образом, хотя система опорных населенных пунктов, безусловно, меняет модель пространственного развития страны, однако имеющаяся система показателей не позволяет дать корректную оценку реализации рассматриваемого пространственного приоритета развития России. Да и к тому же основной утвержденный показатель «Улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах» касается только жителей ОНП.

По нашему мнению, оценка развития ОНП должна исходить из того, насколько новые механизмы способствуют решению основной задачи пространственного развития Российской Федерации. А задача эта – преодоление меж- и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации территорий России. И в этом процессе развитие опорных населенных пунктов представляет собой лишь средство. С этих позиций должно оцениваться и развитие института ОНП. Основным показателем здесь должны стать не объемы финансовых ресурсов, направляемых на развитие ОНП через различного рода государственные программы и институты развития (хотя и это важно), а то, насколько преодолевается названная выше дифференциация, насколько расширяются возможности для населения, причем не только опорных населенных пунктов, но и, что не менее важно, прилегающих территорий, в получении услуг, необходимых для комфортного образа жизни. Именно это будет означать выполнение опорными населенными пунктами функций и задач, ради достижения которых были введены новые механизмы. И именно эти показатели будут говорить о развитии опорных населенных пунктов как института.

Говоря об институционализации опорных населенных пунктов, не следует забывать, что институциональное поле, в рамках которого происходит пространственное развитие, представляет собой сложную систему, обеспечение непротиворечивости которой является важнейшей предпосылкой эффективности социально-экономического развития России в целом. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Комплементарность институционального поля пространственного развития.

Как известно, важнейшим фактором результативности и эффективности политики пространственного развития Российской Федерации является то, насколько в ней учитываются основополагающие принципы федеративной природы российской государственности и федеративных отношений. Как известно, одним из элементов федеративных отношений является местное самоуправление, при определении территориальной основы которого в качестве важнейшей составляющей используется понятие «населенный пункт». Иначе говоря, любые

реформы и трансформации в сфере местного самоуправления так или иначе отражаются на населенных пунктах; и наоборот, институциональные изменения в системе населенных пунктов должны быть сопряжены с изменениями, происходящими в рамках муниципальной реформы. Ведь очевидно, что люди, проживающие в населенных пунктах, и люди, живущие в муниципальных образованиях, – это одни и те же люди, со своими потребностями, интересами и проблемами. Более того, вопросы, решаемые опорными населенными пунктами, и вопросы, отнесенные к функциям местного самоуправления, во многом пересекаются. И здесь и там речь идет преимущественно о вопросах, связанных с повседневными потребностями населения.

Рассмотрим с этих позиций, как соотносятся новации Стратегии-2024 и положения Федерального закона № 33-ФЗ. Выделим несколько, на наш взгляд, наиболее явных проблем.

Напомним, что *опорный населенный пункт*, согласно Стратегии-2024, и в соответствии с другими, принятыми в ее развитие нормативными актами – это *населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности*.

Неоднократное упоминание о населенных пунктах присутствует и в перечне видов муниципальных образований, представленном в Федеральном законе № 33-ФЗ. В соответствии с Законом, к муниципальным образованиям относятся: городской округ, муниципальный округ и внутригородское муниципальное образование города федерального значения. В состав территории городского округа входят один или несколько городов и (или) иных городских населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями. Сюда также могут входить территории сельских населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, и территории, предназначенные для развития социальной, транспортной и иной инфраструктуры городского округа. Муниципальным же округом является муниципальное образование, в состав территории которого входят один или несколько сельских населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями. В состав территории муниципального округа также могут входить территории городских населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, и территории, предназначенные для развития социальной, транспортной и иной инфраструктуры муниципального округа¹⁸.

¹⁸ Федеральный закон N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/

Однако, ни в Стратегии-2024, ни в Федеральном законе № 33-ФЗ, ни в каких-либо других законодательных актах определение базового для этой области права понятия «населенный пункт» на сегодняшний день не дается¹⁹. И это особенно странно в условиях, когда система опорных населенных пунктов объявлена пространственным приоритетом страны.

Неурегулированность данного вопроса создает возможность использования неоднозначных подходов как к трактовке проблем населенных пунктов, так и проблем, связанных с муниципальными образованиями.

Так, на практике возникает вполне закономерный вопрос. Кто должен нести ответственность за достижение показателей, стоящих перед опорными населенными пунктами?

Здесь возможны варианты. Это может быть (что вполне логично) сам населенный пункт, важнейшей задачей которого (в соответствии со Стратегией-2024) является улучшение качества среды для жизни на основе создания необходимой коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры как для населения самого ОНТ, так и для жителей прилегающих территорий. Это может быть муниципальное образование, на территории которого расположен конкретный ОНП (являющийся чаще всего административным центром этого муниципального образования). Наконец, это может быть государство, которое (опять же в соответствии с буквой Стратегии-2024) проводит по отношению к опорным населенным пунктам политику по приоритетной концентрации ресурсов, в том числе в целях реализации национальных проектов, государственных программ, программных документов и прочих инструментов.

Так, в соответствии с Приказом Минстроя России от 2 декабря 2024 г. № 811/пр (ред. от 10.02.2025) «Об утверждении методики расчета показателя “Улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах” федерального проекта “Развитие инфраструктуры в населенных пунктах” национального проекта “Инфраструктура для жизни”»,

¹⁹ Единственным исключением, которое нам удалось найти, является Закон Московской области от 31 января 2013 г. № 11/2013-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Московской области». В п. 7 ч. 1 ст. 3 населенный пункт определяется как часть территории, служащая постоянным или преимущественным местом проживания и жизнедеятельности людей, имеющая сосредоточенную застройку в пределах границы, установленной в соответствии с законодательством Российской Федерации. (Закон Московской области от 31 января 2013 г. № 11/2013-ОЗ (ред. от 12.12.2024 г.) «Об административно-территориальном устройстве Московской области» (принят постановлением Мособлдумы от 17 января 2013 г. № 3/40-П) (вместе с «Перечнем административно-территориальных единиц Московской области») (с изм. и доп., вступающими в силу с 27.12.2024 г.).

о котором речь шла выше, предусмотрено, что исполнительный орган местного самоуправления ответственен за достижение значений компонентов показателя в конкретном ОНП. То есть за достижение на территории опорных населенных пунктов утвержденных показателей несут ответственность органы местного самоуправления, а не сами опорные населенные пункты.

Полагаем, что требуют серьезной проработки вопросы, связанные с распределением ответственности между опорными населенными пунктами и муниципальными образованиями в части достижения целей, поставленных перед ОНП. Ведь распределение бюджетных средств, идущих на финансирование опорных населенных пунктов, идет через муниципальные образования, имеющие свои (муниципальные) бюджеты, а не непосредственно через опорные населенные пункты (таких бюджетов не имеющие).

Следующая проблема связана с различными вариантами позиционирования ОНП по отношению к муниципальным образованиям. На сегодняшний день существует два таких варианта.

Первый вариант. ОНП (и территориально, и по проживающему населению) соответствует муниципальному образованию. В результате населенный пункт (он же муниципальное образование) становится опорным по отношению к близлежащим территориям (в т. ч. муниципальным образованиям), в это муниципальное образование не входящим. Такой вариант предполагает проведение серьезных экспертных оценок с целью корректного определения реального охвата влияния данного ОНП (определения «реально прилегающих» территорий). Отсутствие подобных оценок может стать серьезным фактором разрыва социально-экономического пространства, тем более что на сегодняшний день выделенные в нормативных документах базовые критерии определения ОНП выполняются далеко не всегда. В Докладе «Социально-экономическое пространство современной России: основные оси развития», подготовленном и представленном на бюро Отделения наук о Земле РАН (ОНЗ РАН) А. Трейвишем и Т. Нефёдовой отмечается, что «из 117 ОНП в исследованном «межстоличье» им соответствуют только 43 – около 38% пунктов; в столичных регионах с мощными агломерациями эта доля ниже»²⁰.

Второй вариант. Статус опорного приобретает один населенный пункт внутри муниципального образования (как правило, его административный центр). В этом случае в рамках одного муниципалитета возникает некий привилегированный опорный населенный пункт,

²⁰ Заседание бюро ОНЗ РАН. От пространственного развития России – к роли науки в стратегическом планировании. <https://new.ras.ru/press-center/zasedanie-byuro-onz-ran-ot-prostranstvennogo-razvitiya-rossii-k-rol-i-nauki-v-strategicheskom-planiro/> (дата обращения: 20.06.2026).

получающий изначально больший объем бюджетной поддержки. Таким образом, в соответствии с действующими механизмами финансирования один населенный пункт, ставший опорным, получает от государства дополнительную финансовую поддержку, а другой оказывается изначально такой поддержки лишенным. Не противоречит ли это основам и принципам местного самоуправления?

Напомним, что важнейшей составляющей реформы местного самоуправления, закрепленной в Федеральном законе № 33-ФЗ, является переход к одноуровневой системе местного самоуправления, где базовыми муниципальными образованиями становятся городские и муниципальные округа. Отход от поселенческого принципа организации местного самоуправления, фактическое упразднение двухуровневой модели «район-поселение» проходил достаточно сложно и стал результатом последовательного и поэтапного процесса укрупнения муниципальных образований. За период с 2021 по 2026 г. количество муниципальных образований сократилось с 20 303 до 15 698 соответственно. Причем самое заметное сокращение произошло за последний год, то есть именно при переходе многих регионов на одноуровневую систему. Хотя в законе предусмотрено право субъектов Федерации выбирать модель местного самоуправления, однако правом сохранения двухуровневой системы с сельскими и городскими поселениями воспользовалось лишь полтора десятка субъектов РФ²¹. С учетом этого существующие механизмы финансирования ОНП можно рассматривать в качестве своеобразной формы «навязывания» одноуровневой системы местного самоуправления.

Заключение

Развитие системы опорных населенных пунктов, безусловно, представляет собой новый поворот в решении проблемы межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации территорий России. Взятие государством на себя ответственности за решение одной из ключевых задач пространственного развития России является одним из проявлений принципов социального государства, одной из важных функций которого является сокращение разрывов в уровне бюджетной обеспеченности и доступности базовых социальных благ между регионами и отдельными территориями [12].

Уже сегодня можно говорить о позитивных тенденциях в институционализации опорных населенных пунктов в регионах, об их важ-

²¹ В их число входят: Воронежская, Курская, Ростовская области, Ненецкий АО, Адыгея, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Северная Осетия, Башкирия, Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ, Тува, Еврейская автономная область, Якутия.

ной роли в решении проблемы оттока населения. В качестве примера можно привести опыт города Магадан Чукотской области, где на протяжении десятилетий практически не велось строительство нового жилья и который в 90-е годы среди наиболее крупных населенных пунктов Чукотки характеризовался одним из самых высоких показателей оттока населения – 52,2 тыс. человек (34,4%) [1]. Включение города в перечень опорных населенных пунктов изменило ситуацию в лучшую сторону. На сегодняшний день завершено 10 из 45 мероприятий, предусмотренных мастер-планом города. Уже работает новый аэропорт, инженерная школа и другие важные для формирования современной среды для жизни объекты. Все это отразилось на показателях динамики населения: в 2025 г. в Магадане впервые наблюдался рост численности его населения (пусть и незначительный)²².

Вместе с тем существует ряд важных с точки зрения процесса институционализации системы опорных населенных пунктов проблем, которые до сих пор не нашли однозначного решения.

Прежде всего речь идет о показателях оценки результатов развития ОНП. Ставка лишь на оценку динамики объемов финансирования опорных населенных пунктов не может дать полного представления о реальных процессах как с точки зрения решения основной проблемы пространственного развития Российской Федерации – сокращения межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации, так и с точки зрения развития самого института опорных населенных пунктов.

В критерии оценки результативности развития ОНП должны быть обязательно включены и показатели, характеризующие изменения для населения прилегающих территорий, чтобы отследить и предотвратить возможность очередного витка углубления дифференциации (на этот раз между ОНП и прилегающими территориями). На первых порах это могут быть различные опросные методики.

Не менее важным является и обеспечение институциональной комплементарности в механизмах, связанных с развитием опорных населенных пунктов, с одной стороны, и основными составляющими муниципальной реформы, и принципами местного самоуправления – с другой. Концентрация бюджетных ресурсов (федеральных и региональных) в опорных населенных пунктах, как это заявлено в Стратегии-2024, не должна ущемлять интересы других территорий, в том числе муниципальных образований, не попавших в перечень опорных населенных

²² <https://olanovosti.ru/lenta-novostej/3129-chislennost-naseleniya-na-01-01-2024-goda-po-naselennym-punktam-magadanskoj-oblasti>; https://www.49gov.ru/common/upload/1/editor/file/CHislennost_naseleniya_Magadanskoy_oblasti_po_munitsipalnym_obrazovaniyam_na_1_yanvarya_2025_goda.pdf

пунктов. В противном случае мы столкнемся с деформацией принципов местного самоуправления и федеративных отношений²³.

Взаимосвязанность опорных населенных пунктов и муниципальных образований очевидна. Важно найти действенные механизмы, которые обеспечивали бы эффективное взаимодействие (комплементарность) первых и вторых, т. е. механизмы, способные обеспечить синергетический эффект двух институтов.

ЛИТЕРАТУРА /REFERENCES

1. Бреславский А.С. Кризис урбанизации в Магаданской области (конец 1980-х – 2010-е гг.): динамика структурных и демографических показателей // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1227–1243. [Breslavskiy A.S. The crisis of urbanization in the Magadan region (late 1980s – 2010s): dynamics of structural and demographic indicators // *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1227–1243]. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1227-1243. (In Russ.).
2. Кожевников С.А., Ворошилов Н.В., Патракова С.С. и др. Городские агломерации «второго эшелона»: особенности, проблемы и стратегические приоритеты развития: монография / Вологодский научный центр Российской академии наук / Под ред. С.А. Кожевникова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2025. С. 11–14. [Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V., Patrakova S.S. et al. Urban Agglomerations of the «Second Echelon»: Features, Problems, and Strategic Development Priorities: Monograph / Edited by S.A. Kozhevnikov. Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda: VolRC RAS, 2025. Pp. 11–14. (In Russ.).]
3. Дегтярев П.Я. Анклавный вектор пространственного развития России // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). С. 67–73. [Degtyarev P.Ya. Anclave Vector of Russia's Spatial Development // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2018. No. 7 (417). Pp. 67–73. (In Russ.).]
4. Денежно-кредитная и бюджетная политика в России: особенности взаимодействия / Под ред. член-корреспондента РАН А.А. Широ́ва. М.: Клуб печати, 2026. Научный доклад ИНП РАН. М., 2026. [Monetary and Fiscal Policy in Russia: Features of Interaction / Edited by A.A. Shirov. Corresponding Member of the RAS. Moscow: Club of Printing, 2026. 404 p. Scientific Report of the Institute for Economic Forecasting of the RAS. Moscow, 2026. (In Russ.).] DOI: 10.47711/sr1-2026.
5. Дружинин А.Г., Колосов В.А. Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4 (211). С. 47–57. [Druzhinin A.G., Kolosov V.A. Russia's Spatial Development Strategy for the Period up to 2030: Innovations and Unresolved Challenges // *Studies on Russian Economic Development*. 2025. No. 4 (211). Pp. 47–57. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-211-47-57.
6. Маркварт Э., Киселева Н., Соснин Д. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // *Власть*. 2022. № 2. С. 95–111. [Markovart E., Kiseleva N., Sosnin D. The System of Reference Settlements as a Mechanism for Managing

²³ О чем мы писали в более ранних работах (см., например: [14]).

- Spatial Development: Theoretical and Practical Aspects // The Authority. 2022. No. 2. Pp. 95–111. (In Russ.)]
7. Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. 2017. Т. 47. № 7. С. 5–19. [Melnikova L.V. City Size, Efficiency, and Economic Growth // EKO. Vol. 47. No. 7. Pp. 5–19. (In Russ.)]
 8. Минакир П.А., Найденов С.Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов // Регион: экономика и социология, 2020. № 3 (107), С. 30–61. [Minakir P.A., Naidenov S.N. Social Dynamics in the Far East: The Defect of Ideas or the Failure of Institutions // Region: Economics and Sociology, 2020. No. 3 (107), Pp. 30–61. (In Russ.)] DOI: 10.15372/REG20200302
 9. Одинцова А.В. Опорные населенные пункты – новый приоритет пространственного развития Российской Федерации // Федерализм. 2025. № 30(1). С. 2–70. [Odintsova A.V. Supportive Settlements – a New Priority of the Spatial Development of the Russian Federation // Federalism. 2025. Vol. 30. No. 1. Pp. 2–70. (In Russ.)] DOI: 10.21686/2073-1051-2025-1-52-70.
 10. Петриков А.В. Устойчивое развитие российского села как специфическая мера демографической политики // Федерализм. 2026. Т. 31. № 1 (121). С. 76–91. [Petrikov A.V. Sustainable Development of the Russian Village as a Specific Measure of Demographic Policy // Federalism. 2026. Vol. 31. No. 1 (121). Pp. 76–91. (In Russ.)] DOI: 10.21686/2073-1051-2025-4-76-91.
 11. Россия 2035: пространство развития. Научный доклад / под ред. член-корреспондента РАН А.А. Широ́ва. М.: Динамик Принт, 2025. [Russia 2035: Space of Development. Scientific Report / edited by A.A. Shirov, Corresponding Member of the RAS. Moscow: Dynamic Print, 2025. (In Russ.)]
 12. Широ́в А.А., Кузнецова О.В., Михеева Н.Н., Узьяков М.Н. Роль пространственного развития при достижении национальных целей российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4 (211). С. 11–23. [Shirov A.A., Kuznetsova O.V., Mikheeva N.N., Uzyakov M.N. The Role of Spatial Development in Achieving the National Goals of the Russian Economy // Studies on Russian Economic Development. 2025. No. 4 (211). Pp. 11–23. (In Russ.)] DOI: 10.47711/0868-6351-211-11-23.
 13. Экономика российских городов и городских агломераций. Вып. 5. Крупнейшие городские агломерации России в глобальной экономике. М.: Фонд «Институт экономики города», 2020. [The Economy of Russian Cities and Urban Agglomerations. Iss. 5. The Largest Urban Agglomerations of Russia in the Global Economy. Moscow: Institute of Urban Economics Foundation, 2020. (In Russ.)]
 14. Бухвальд Е.М., Виленский А.В., Одинцова А.В., Сорокина Н.Ю. Новая Стратегия пространственного развития Российской Федерации: старые проблемы и новые решения: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2025. [Buchwald E.M., Vilensky A.V., Odintsova A.V., Sorokina N.Yu. The New Spatial Development Strategy of the Russian Federation: Old Problems and New Solutions: Scientific Report. M.: Institute of Economics of the RAS, 2025. (In Russ.)]

Дата поступления рукописи: 11.06.2026 г.

Дата принятия к публикации: 13.08.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Одинцова Александра Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра федеративных отношений и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
Aleksod@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra V. Odintsova – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Head of the Center for Federal Relations and Regional Development, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
Aleksod@yandex.ru

ISSUES OF INSTITUTIONALIZATION OF SUPPORT POPULATION POINTS IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S SPATIAL DEVELOPMENT PRIORITIES

The article analyzes issues related to the institutionalization of support population points as a new spatial priority of the state policy for the socioeconomic development of the Russian Federation. It has been shown that the Strategy for Russia's Spatial Development until 2030 with a perspective until 2036, published in 2024 maintains continuity with the 2019 Strategy while also defining new approaches to solving the problem of socio-economic differentiation of the country's territories. The author assumes that the institutionalization of reference settlements, involves both the formation of a set of conditions that create a favorable institutional environment for them to perform the functions and priorities for which they were introduced, and the provision of a unified institutional framework for spatial development of Russia. It is considered the issue of inevitable interconnectedness of support population points and municipalities and the resulting need to ensure complementarity in reforming the institutional framework for spatial development in our country to ensure a synergistic effect in the functioning of the two named institutions.

Keywords: *spatial development, institutionalization, institutional complementarity, support population points, spatial development priorities, local self-government, municipalities, federal relations.*

JEL: A10, R50, R58.

И.Н. ЗАХАРОВ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Лаборатории исследования базового пенсионного дохода
ФГБУН Институт экономики РАН

О БАЗОВОМ ПЕНСИОННОМ ДОХОДЕ, ЕГО РАЗМЕРАХ И ИСТОЧНИКАХ ВЫПЛАТ¹

Обоснованы предложения по введению базового пенсионного дохода в качестве элемента перспективной модели пенсионной системы и для повышения материальной обеспеченности пенсионеров. Проанализированы текущие пенсионные выплаты в разрезе их составных частей. Рассмотрены направления имплементации базового пенсионного дохода как исходного уровня социальных гарантий в финансовую модель пенсионной системы. Определен оптимальный размер данного дохода, рассчитан общий объем расходов на его выплату и выделены потенциальные источники его финансирования. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к вопросу определения источников финансирования базового пенсионного дохода. Предложены решения по корректировке налогового законодательства в целях обеспечения выплаты данного дохода.

Ключевые слова: базовый пенсионный доход, пенсионная система, обязательное пенсионное страхование, государственное пенсионное обеспечение, социальная политика, пенсия.

УДК: 369

EDN: CNCKGM

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_31_47

Введение

На современном этапе своего развития социально-экономическая система России сталкивается с серьезными вызовами, характеризующимися фундаментальными сдвигами в демографической структуре общества и в институте семьи, трансформацией рынка труда и сферы занятости, снижением финансовой обеспеченности социальных гарантий, а также необходимостью повышения качества жизни социально

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00228 «Базовый пенсионный доход: риски и возможности введения в Российской Федерации». <https://rscf.ru/project/25-18-00228/>

уязвимых слоев населения. В этих условиях российская пенсионная система, являющаяся центральным элементом социальной защиты граждан пожилого возраста, оказывается в сложном положении. В первую очередь встает вопрос о ее долгосрочной финансовой обеспеченности и сбалансированности, а во вторую – о необходимости увеличения материальной обеспеченности пенсионеров и поддержания их покупательной способности.

Пенсионная система в России построена на основе традиционных моделей пенсионного обеспечения, базирующихся на солидарно-распределительном механизме, согласно которому экономически активная часть населения финансирует выплату пенсий текущим получателям, перераспределяя денежные ресурсы между возрастными поколениями. Для ее финансовой устойчивости необходимо, чтобы соотношение числа плательщиков взносов и получателей пенсий составляло 2 к 1. Однако демографические прогнозы показывают, что в перспективе сокращение численности занятых будет усиливаться [1], а рост численности лиц старше 65 лет продолжится, увеличивая демографическую нагрузку [2]. Кроме того, трансформация сферы занятости в сторону индивидуализации труда сужает количество источников финансовых поступлений в пенсионную систему. К 2050 г. численность самозанятого населения может превысить численность наемных работников [3]. Следует также отметить, что отдельные категории занятых либо уплачивают фиксированный платеж, который значительно ниже размера страхового платежа среднестатистического работника по найму, либо освобождены от его уплаты вовсе [4].

Пенсионные реформы в Российской Федерации конца XX – начала XXI века были направлены на решение таких ключевых задач развития пенсионной системы, как обеспечение ее финансовой устойчивости и повышение уровня материального обеспечения пенсионеров. Однако проблемы низкой покупательной способности пенсий [5] и «бедности пенсионеров как наиболее уязвимой категории граждан» [6, с. 59] остались нерешенными. Целевой ориентир Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации² (далее – Стратегия), предусматривающий, чтобы средний размер трудовой пенсии по старости составлял не менее 2,5–3,0 прожиточного минимума пенсионера (ПМП), не достигнут. В 2025 г. он составил только 1,5 ПМП. Размер коэффициента замещения утраченного заработка пенсией снизился с 35,3% в 2015 г. до 26,0% в 2025 г.

² Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.12.2012 г. № 2524-р. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139981 (дата обращения: 07.03.2026).

Достижение целевого ориентира Стратегии и повышение материального обеспечения пенсионеров требует разработки и внедрения новых механизмов социальной защиты и определения дополнительных источников ее финансирования. Однако возникает противоречие между растущими социальными обязательствами и имеющимися экономическими ресурсами, поскольку бюджетные возможности государства объективно ограничены. В связи с этим в научном и экспертном сообществах активно обсуждаются вопросы совершенствования действующей пенсионной модели [7]. Рассматриваются в том числе концепция универсального базового дохода и введение в пенсионную систему страны базового пенсионного дохода (БПД) [8; 9], а также ведутся дискуссии о необходимых для этого источниках финансирования [10].

Целью данной работы является определение оптимального размера базового пенсионного дохода и источников его финансирования, обеспечивающих долгосрочную финансовую стабильность пенсионной системы. При этом учитывается, что институциональная специфика российской экономики, включая высокий уровень теневой занятости, дифференциацию доходов, демографические диспропорции и структурные особенности налоговой базы, формирует уникальный контекст для оценки потенциальных источников финансирования БПД.

Особенности имплементации БПД в пенсионную систему России и состояние финансирования текущих пенсионных обязательств

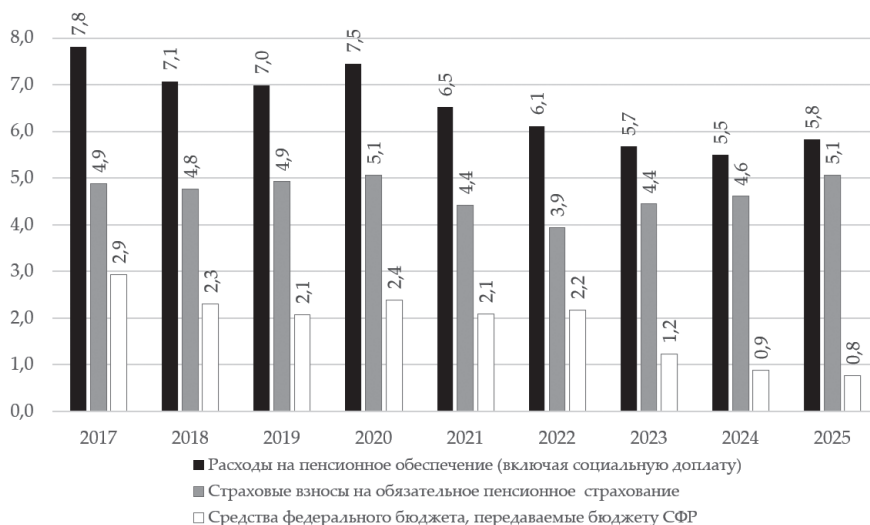
Современные модели пенсионных систем мира, будучи институционально разнообразными, основываются как на страховых, так и на нестраховых принципах предоставления населению социальных гарантий. Однако в последние годы активно поднимается вопрос о целесообразности усиления нестрахового компонента и расширения охвата регулярными выплатами широкого круга получателей, закрывающими базовые потребности на основе всеобщности и безусловности. Это аргументируется необходимостью преодоления хронической бедности и повышения материальной обеспеченности населения пенсионного возраста. Всеобщая социальная защита, основанная на использовании элементов теории базового дохода, все чаще рассматривается исследователями как наиболее эффективная [11; 12].

В российской науке проблематика имплементации концепции базового дохода в пенсионную систему также нашла отражение, причем в исследованиях и теоретического, и практического характера [10; 13; 14; 15]. Ученые выделяют как положительные эффекты от практического использования концепции базового дохода, так и проблем-

ные зоны. Ключевыми положительными эффектами обозначаются: сокращение сегрегации в доходах разных групп населения; упрощение законодательных норм для приобретения права на государственную поддержку; повышение доступности товаров и услуг для пенсионеров; укрепление социальной стабильности; прозрачность в расчете размера пенсионного дохода; защита от монетарной бедности среди получателей пенсий. Среди проблем выделяют: ожидаемый рост расходов на выплату БПД; необходимость изыскания дополнительных источников финансирования и долговременной финансовой обеспеченности данного дохода; а также настороженность населения к очередной трансформации государственной пенсионной системы. Исследователи при этом сходятся во мнениях, что базовый доход в настоящее время должен быть дополняющим элементом в общей системе социальной защиты, вводиться поэтапно и охватывать определенную категорию получателей [16].

Предлагаемая модель имплементации БПД в пенсионную систему России предполагает ее трансформацию в трехуровневую [9]. Первый уровень составит солидарно-распределительная (публичная) часть, представляющая собой выплату БПД в установленном размере для граждан, достигших нормативного пенсионного возраста, и иных лиц, выполнивших условия законодательства. На данном уровне государство гарантирует защиту от абсолютной монетарной бедности и деприваций. При этом источник финансового обеспечения должен иметь иной, отличный от пенсионного страхования механизм, характеризующийся нестраховой природой. Второй уровень представлен корпоративно-страховой пенсией для застрахованных лиц. Здесь решается задача доведения материального обеспечения получателя до нормативных стандартов в соответствии со Стратегией и с учетом страхового вклада граждан. Страховые взносы сохраняются как единственный источник финансирования. Третий уровень предполагает выделение предусмотренных законодательством надбавок с учетом особых жизненных обстоятельств гражданина. Таким образом, реализация модели обеспечит как горизонтальный охват всех социально-демографических групп населения, так и вертикальный – по государственным социальным обязательствам.

Важной исследовательской задачей является обоснование разделения источников финансирования на страховые и нестраховые, определение размера БПД, а также поиск дополнительных источников для его выплаты с учетом полученного в пилотных проектах опыта по внедрению базового дохода в разных странах мира. В то же время предлагаемые решения по имплементации БПД необходимо реализовывать во взаимосвязи с текущими финансовыми параметрами пенсионных обязательств России. С этой целью рассмотрим динамику показате-

Источник: составлено автором по: СФР. <https://sfr.gov.ru/opendata/>; Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s1995-2025.xlsx; Счетная палата Российской Федерации. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b80/r6og02f5c70arn2ze4hmnotmqdh5o4q6/Operdoklad-IV-2025-SFR.pdf> (дата обращения: 17.02.2026).

Рис. Доходно-расходная часть пенсионной системы, % от ВВП

лей доходно-расходной части бюджета Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (СФР) в части обязательного пенсионного страхования (ОПС) и государственного пенсионного обеспечения (ГПО) за 2017–2025 гг.³ Из анализа исключены показатели обязательного социального страхования, мер поддержки материнства и детства.

Доходная часть пенсионной системы состоит из непосредственно поступивших страховых взносов на ОПС и средств федерального бюджета, передаваемых СФР на финансовое обеспечение принятых публичных обязательств. Следует отметить, что за рассматриваемый период объем страховых взносов увеличился с 4,9 до 5,1% ВВП (см. рис.), а объем федеральных трансфертов сократился с 2,9 до 0,8%. В 2024 г. объем собственных средств на ОПС составил 4,6% ВВП, размеры трансфертов на валоризацию пенсионных прав – 0,2% ВВП, средств на компенсацию выпадающих доходов бюджета СФР – 0,4% ВВП, на компенсацию нестраховых периодов – 0,08% ВВП, на выплату пенсий по государственному пенсионному обеспечению – 0,6% ВВП. Трансферты в основном покрывают дефицит пенсионной системы, обусловленный государственными обязательствами по повышению

³ Официальное опубликование детализированной статистики, позволяющей провести декомпозицию доходно-расходной части пенсионной системы России, было начато в 2017 г.

материального обеспечения застрахованных лиц, имевших трудовой стаж до 1991 г., льготным статусом отдельных категорий страхователей по уплате страховых взносов и выплатой пенсий в рамках государственного пенсионного обеспечения.

Изменение объема государственных пенсионных обязательств с учетом ежегодной индексации пенсий с целью обеспечения покупательной способности и недопущения снижения материального обеспечения пенсионеров имело разнонаправленную динамику. В совокупности доля расходов на пенсионные выплаты в ВВП страны за исследуемый период составила в среднем 6,5% ВВП (см. рис.). Для сравнения отметим, что соответствующие расходы за тот же период в странах ОЭСР составили 8,1%⁴.

В ранее проведенных исследованиях нами рассматривались регулярные выплаты, которые в перспективе могли стать базой или составной частью БПД [8]. К ним отнесены: фиксированная выплата к страховой пенсии (ФВ); ранее предусмотренный законодательством фиксированный базовый размер страховой части трудовой пенсии; социальные пенсии; социальные доплаты к пенсии, гарантирующие минимальный уровень потребления; и надбавка за уход. Представляет интерес анализ финансовых расходов на отдельные виды этих выплат в общих расходах пенсионной системы (см. табл. 1).

За 2017–2025 гг. размер средств, направляемых на финансирование фиксированной выплаты к страховой пенсии, рассчитанный по отношению к ВВП, сократился с 2,3 до 1,7%. За тот же период размер повышения ФВ, установленной для ряда категорий населения в соответствии с нормами законодательства (наличие иждивенцев, достижение 80-летнего возраста, инвалидизация I группы, выработка стажа в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним, и иные), составлял в среднем 0,4% ВВП. Непосредственно пенсионные права граждан, выраженные в страховой пенсии, составляли наибольшую долю расходов пенсионной системы – от 3,1% ВВП в 2017 г. до 2,4% ВВП в 2025 г. Расходы на валоризацию сократились на 0,3 процентных пункта. Размер сумм возмещения за иные периоды, включаемые в страховой стаж (нестраховые периоды (НП)), имел положительную динамику, что свидетельствует о некотором усилении нестрахового элемента в расчетном размере страховой пенсии, но не превышал 0,1% ВВП. Расходы на выплату пенсий по ГПО (89–90% – это расходы на выплату социальных пенсий) в 2025 г. составили 0,3% ВВП.

⁴ Pensions at a Glance 2025: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing. 2025. https://www.oecd.org/en/publications/pensions-at-a-glance-2025_e40274c1-en.html (дата обращения: 07.03.2026).

Таблица 1

Расходы на финансирование фиксированной выплаты, страховых и социальных пенсий и иных надбавок в 2017–2025 гг. (% от ВВП)

Структура расходов	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего расходы ОПС и ГПО	7,0	6,5	6,8	7,2	6,0	5,4	5,6	4,8	5,3
Фиксированная выплата к страховой пенсии	2,3	2,1	2,2	2,4	2,0	1,8	1,8	1,6	1,7
Повышение фиксированной выплаты	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4
Страховая пенсия без надбавок и ФВ	3,1	2,9	3,0	3,2	2,7	2,4	2,5	2,1	2,4
Сумма валоризации	0,7	0,6	0,6	0,7	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4
Нестраховые периоды	0,02	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Социальная пенсия	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3

Источник: рассчитано автором по: СФР. <https://sfr.gov.ru/opendata/>; Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s1995-2025.xlsx (дата обращения: 17.02.2026).

Для достижения целей Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы России необходимо провести переоценку пенсионных прав застрахованных лиц с целью увеличения размера страховой пенсии (СП) или существенно изменить размер фиксированной выплаты с одновременной корректировкой источника ее финансирования. При этом в действующем механизме установления пенсии значительный вклад в достижение нормативного размера коэффициента замещения вносят элементы нестрахового, компенсирующего характера. Дальнейшее совершенствование пенсионной системы, предполагающее имплементацию БПД, следует рассматривать в ключе перераспределения и разделения источников финансирования с учетом экономического содержания выплат.

Дополнительные финансовые средства на выплату БПД и пенсий

Прежде чем приступать к определению потребности в средствах на выплату БПД, следует рассмотреть варианты его денежного размера, коррелирующего с целевыми ориентирами Стратегии и способствующего повышению материального обеспечения пенсионеров. В предлагаемой пенсионной модели уровень БПД обеспечивает минимальную государственную гарантию с наибольшим численным охватом полу-

чателей, что защищает от абсолютной монетарной бедности и депривации [9]. Однако при рассмотрении размера данного дохода целесообразно учесть возможности финансового обеспечения и будущую нагрузку на источники финансирования.

Расчеты произведены по данным за 2025 г. В качестве исходного размера БПД был взят прожиточный минимум пенсионера по Российской Федерации, утвержденный на текущий календарный год. Использовались четыре размера БПД (0,5 ПМП, 1,0 ПМП, 1,5 ПМП, 2,0 ПМП) и три сценария расчета размера базового пенсионного дохода при его внедрении в архитектуру пенсионной системы. Первый предусматривает выплату БПД одновременно с текущей страховой пенсией, состоящей из непосредственно самой страховой выплаты, включая надбавки и повышения, и фиксированной выплаты. Второй – выплату БПД одновременно с СП с исключением ФВ и размеров компенсированных нестраховых периодов. И третий – выплату БПД одновременно с СП с исключением размеров компенсированных НП и перераспределением высвободившегося эквивалента ФВ, рассчитанного в значении индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК) и учтенного в размере страховой пенсии.

Оптимальным, судя по результатам проведенных расчетов, представляется третий сценарий. При его реализации удастся сохранить пенсионные права застрахованных лиц, ослабить нестраховой механизм в расчете размера пенсии в ОПС, учесть в большем объеме страховой вклад граждан, существенно повысить материальное обеспечение пенсионеров. При размере БПД 0,5 ПМП достигнутый показатель целевого ориентира составит 1,9 ПМП, а коэффициент замещения утраченного заработка – 28,9%; при размере 1,0 ПМП соответственно – 2,4 ПМП и 36,4%; при размере 1,5 ПМП – 2,9 ПМП и 43,9%; при размере 2,0 ПМП – 3,4 ПМП и 51,4% (см. табл. 2, 3).

Полное достижение целей Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы России обеспечивается размером БПД в значении 1,5 ПМП и выше. Однако с учетом общего баланса между нестраховой и страховой составляющих пенсионной модели, целесообразно выбрать размер БПД, равный 1,0 ПМП, утвержденному на соответствующий выплатной год. Трансформация социальной пенсии в рамках государственного пенсионного обеспечения в БПД (до размеров ПМП с сохранением пятилетнего временного лага с начала ее выплаты по сравнению с началом выплаты страховой пенсии по старости) не противоречит экономическому механизму финансирования выплаты, упрощает процедуру администрирования социальной доплаты к пенсии (полное исключение из законодательства) и позволяет обеспечить размер гарантированного государством минимума с учетом надбавок (повышений) для отдельных категорий получателей (например, дети, оставшиеся без попечения обоих родителей, инвалиды I группы).

Таблица 2

**Расчетные размеры пенсионного дохода
с учетом имплементации БПД в пенсионную систему**

БПД (отноше- ние к ПМП)	БПД, руб.	СП и БПД	СП с БПД без ФВ и НП	СП с БПД без НП и с перераспределением ФВ, рассчитанного в значении ИПК	СП с БПД без НП, руб.	Пенсии по ГПО (соци- альные пенсии), руб.	Пенсии по ГПО (социальные пенсии)
0,5 ПМП	7625	2,1 ПМП	1,4 ПМП	1,9 ПМП	29403	15250	1,0 ПМП
1,0 ПМП	15250	2,6 ПМП	1,9 ПМП	2,4 ПМП	37028	15250	1,0 ПМП
1,5 ПМП	22875	3,1 ПМП	2,4 ПМП	2,9 ПМП	44653	22875	1,5 ПМП
2,0 ПМП	30500	3,6 ПМП	2,9 ПМП	3,4 ПМП	52278	30500	2,0 ПМП

Рассчитано автором по: СФР. Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенного им пенсионного обеспечения. <https://sfr.gov.ru/opendata/>; Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sp_2.2_2026.xlsx; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sp_2.3_2026.xlsx (дата обращения: 17.02.2026).

Таблица 3

**Коэффициент замещения утраченного заработка с учетом
имплементации БПД в пенсионную систему, %**

БПД (отноше- ние к ПМП)	СП и БПД	СП с БПД без ФВ и НП	Размер СП с БПД без НП и с перераспределением ФВ, рассчитанного в значении ИПК
0,5 ПМП	31,2	20,7	28,9
1,0 ПМП	38,7	28,2	36,4
1,5 ПМП	46,1	35,7	43,9
2,0 ПМП	53,6	43,2	51,4

Рассчитано автором по: СФР. Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенного им пенсионного обеспечения. <https://sfr.gov.ru/opendata/>; Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sp_2.2_2026.xlsx; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sp_2.3_2026.xlsx (дата обращения: 17.02.2026).

Расчет средств, необходимых для внедрения БПД ($V_{\text{БПД}}$) в системе ОПС, осуществлялся методом прямого счета по формуле (1).

$$V_{\text{БПД}} = \text{Числ}_{\text{пенс}} * \text{Разм}_{\text{БПД}}, \quad (1)$$

где: $\text{Числ}_{\text{пенс}}$ – численность получателей пенсий по ОПС и ГПО (социальные пенсии) в 2025 г.; $\text{Разм}_{\text{БПД}}$ – ожидаемый размер БПД на одного получателя.

Расчет средств на выплату БПД и пенсии в системе ГПО ($V_{\text{ПВГПО}}$) про-
изводился по формуле (2).

$$V_{\text{ПВГПО}} = V_{\text{БПД}} - V_{\text{СП}} - \text{Числ}_{\text{СД}} * \text{СД}, \quad (2)$$

где: $V_{\text{БПД}}$ – расходы на выплату БПД; $V_{\text{СП}}$ – расходы на выплату социаль-
ной пенсии; $\text{Числ}_{\text{СД}}$ – численность получателей социальной доплаты в
ГПО; СД – средний размер социальной доплаты к пенсии, финансиру-
емой за счет межбюджетных трансфертов.

Для определения общего объема расходов на выплату БПД и пенсии
в системе ОПС ($V_{\text{ПВОПС}}$) предложен алгоритм (формула (3)), включа-
ющий перераспределение расчетных индивидуальных пенсионных
коэффициентов, выделяемых из расходов на ФВ; сохранение размеров
повышения ФВ в зависимости от утвержденных законодательством
жизненных событий в общем размере пенсии; исключение расчетного
размера валоризации и размера компенсации нестраховых периодов
из пенсии; исключение расходов на социальную доплату к пенсии,
финансируемую за счет федерального бюджета.

$$V_{\text{ПВОПС}} = V_{\text{БЛД}} + \text{Числ}_{\text{пенс}} * (\text{СП} - \text{ФВ} + \text{Пов}_{\text{ЖС}} + \text{ИПК}_{\text{ФВ}} * \\ * \text{СПК} - \text{Вал} - \text{НП} - \text{СД}), \quad (3)$$

где: $V_{\text{БЛД}}$ – расходы на выплату БПД; $\text{Числ}_{\text{пенс}}$ – численность полу-
чателей пенсий по ОПС; СП – средний размер страховой пенсии;
ФВ – средний размер фиксированной выплаты; $\text{Пов}_{\text{ЖС}}$ – средний раз-
мер повышения к пенсии в зависимости от жизненной ситуации;
 $\text{ИПК}_{\text{ФВ}}$ – эквивалент ФВ, рассчитанный в индивидуальных пенси-
онных коэффициентах 2025 г.; СПК – стоимость индивидуального пен-
сионного коэффициента в 2025 г.; Вал – средний размер валоризации;
НП – средний размер компенсаций за иные периоды, засчитываемые
в страховой стаж (нестраховые периоды); СД – средний размер соци-
альной доплаты к пенсии, финансируемой за счет межбюджетных
трансфертов.

По результатам расчетов, общий объем средств, необходимый для
обеспечения выплаты БПД в размере 1 ПМП для получателей страхо-
вых и социальных пенсий, составил 3,5% ВВП. Ожидаемые дополни-
тельные расходы в ОПС – 7,6% ВВП, в ГПО не потребуются, поскольку
текущие расходы на выплату социальных пенсий и социальных
доплат к ним равны ожидаемым расчетным расходам. Расчет общей
потребности в дополнительных средствах с учетом текущих расходов
на выплату пенсий и сопутствующих государственных гарантий пока-
зывает, что в 2025 г. потребовалось бы изыскать 5,6 трлн руб., или 2,6%
ВВП (см. табл. 4).

Таблица 4

**Ожидаемые расходы при имплементации БПД
в пенсионную систему РФ, % ВВП**

БПД (отно- шение к ПМП)	БПД в системе ОПС*	БПД в системе ГПО	БПД и пенсии в системе ОПС	Общая потребность в дополнительных средствах
0,5 ПМП	1,6	0,2	6,1	0,9
1,0 ПМП	3,2	0,3	7,6	2,6
1,5 ПМП	4,7	0,4	9,2	4,4
2,0 ПМП	6,3	0,6	10,8	6,1

* Учитывалась общая численность пенсионеров – получателей страховых пенсий.

Рассчитано автором по: СФР. <https://sfr.gov.ru/opendata/>; Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sp_2.2_2026.xlsx; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sp_2.3_2026.xlsx; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s1995-2025.xlsx (дата обращения: 17.02.2026).

Источники обеспечения выплаты БПД

Результаты проведенных расчетов подтверждают вывод о необходимости выделения дополнительных и отдельных источников финансирования базового пенсионного дохода, отличных от источников финансирования страховых пенсий [8; 15; 17]. При этом, с одной стороны, нельзя допустить снижения расходов на материальное обеспечения граждан и размеров установленных им выплат в целом, с другой – излишнего обременения хозяйствующих субъектов и граждан налогообложением, а также дефицитного финансирования пенсионной системы без стабильных источников дохода.

Представляется, что механизм обеспечения выплаты БПД должен соответствовать следующим критериям. Во-первых, это фискальная устойчивость. Поступления средств не должны быть подвержены значительной волатильности в зависимости от фаз экономического цикла. Во-вторых, широта охвата (широта налоговой базы). Источник финансирования должен инкорпорировать максимально широкий круг экономических агентов для диверсификации нагрузки на каждого отдельно взятого участника и предполагает обязательную легализацию доходов от неформальной занятости. В-третьих, нейтральность. Источник финансирования не должен провоцировать существенные искажения рыночных стимулов к легальной трудовой и инвестиционной активности (например, стимулирование теневой занятости). В-четвертых, долгосрочность. Финансовая модель должна оставаться устойчивой на долгосрочном горизонте планирования

(10 и более лет), принимая во внимание социально-демографические изменения.

Любой вид налогообложения, если подходить формально, может служить источником финансирования выплаты БПД. Самое очевидное решение – это использование поступлений подоходного налога и налога на добавленную стоимость. Оба этих налога обладают значительной фискальной емкостью, широкой базой и в совокупности обеспечивают относительно прогнозируемый уровень поступлений. Перспективными также являются «налог на роскошь» (повышенные ставки имущественного и транспортного налогов), акцизы и штрафы.

Выбор подоходного налога в качестве одного из источников выплаты БПД обосновывается не только его фискальным потенциалом, но и перераспределительным эффектом прогрессивного налогообложения, при котором налоговое бремя ложится преимущественно на высокодоходные группы населения, а также низкими административными издержками. Отметим, что с 1 января 2025 г. была введена пятиступенчатая прогрессивная шкала ставки по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ). Повышенный налог в 2025 г. принес в консолидированный бюджет России 750 млрд руб., что на 16% больше, чем в 2024 г.⁵ В перспективе целесообразно рассмотреть корректировку ставок НДФЛ до уровней 13, 18, 20, 22 и 24%. Что касается налога на добавленную стоимость, то, по расчетам Минфина России, повышение его ставки на 2 п. п. – с 20 до 22% – принесет федеральному бюджету 4,42 трлн руб. в период 2026–2028 гг.⁶ В 2026 г. доходы выросли почти на 20% по сравнению с аналогичным периодом 2025 г.⁷ Тем не менее текущие налоги, хотя и имеют потенциал с точки зрения обеспечения выплаты БПД, но он существенно ограничен предельной величиной налогового бремени, когда высокий уровень ставки увеличивает риски фискальной неустойчивости системы и ее долгосрочной стабильности, а также социальных конфликтов.

Наиболее эффективным механизмом повышения собираемости налоговых поступлений в федеральный бюджет и, как следствие, изыскания необходимого объема средств на финансирование БПД является целенаправленная и системная легализация заработной платы. Согласно консенсусным оценкам, доля неформальной занятости

⁵ Аналитический портал ФНС России. В 2025 году поступления НДФЛ выросли на 16%. <https://analytic.nalog.gov.ru/news/104> (дата обращения: 01.05.2026).

⁶ Новостной сайт «Интерфакса». Минфин заложил в трехлетний бюджет 4,4 трлн руб. поступлений от повышения НДС на 2 п.п. <https://www.interfax.ru/business/1049081> (дата обращения: 01.05.2026).

⁷ Федеральная налоговая служба. Отчет по форме № 1-НМ (2025 г.) https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/16031004/ (дата обращения: 01.05.2026).

в России превышает 20,0% [18, с. 13]. Из-за этого сумма выпадающих налоговых поступлений, часть которых могла бы служить базой для выплаты БПД, по расчетам экспертов, составляет ежегодно 3,0% ВВП [19, с. 441].

Остановимся и на альтернативных налоговых источниках для выплаты БПД. Среди них достаточно эффективным мог бы стать налог на капитал, включая налог на состояние (богатство) или на финансовые операции [10]. Это позволит в условиях сохраняющегося неравенства в распределении имущественных активов задействовать ресурсную базу, которая в значительной степени выведена из-под традиционного подоходного обложения, что обеспечит расширение фискальной базы без увеличения нагрузки на трудовые доходы и потребление. Однако для сохранения долгосрочной стабильности поступлений ставка налога должна быть небольшой – в диапазоне 1–3%.

Еще одним фискальным источником выступает налог на наследство, расширенный до обложения любых форм передачи богатства: как по завещанию, так и в порядке прижизненного дарения. Данный налог позволяет задействовать значительный объем аккумулированных межпоколенческих трансфертов, что существенно расширяет налоговую базу без дополнительного изъятия текущих трудовых доходов. Его введение даст возможность рассматривать базовый доход как механизм справедливого распределения накопленного поколенческого капитала [17]. В результате будет разрешена коллизия, при которой нетрудовые доходы (трансферты), получаемые бенефициарами без приложения трудовых усилий (наследство, завещания), подлежат обложению по минимальным ставкам, в то время как доходы от трудовой деятельности облагаются прогрессивно или по повышенным ставкам.

И наконец, в качестве источника могут рассматриваться экологические налоги и платежи. Увеличение ставки налогов на энергоносители, на природные ресурсы (НДПИ), платы за негативное воздействие на окружающую среду, платежей за землепользование способно покрыть часть расходов на выплату БПД. С точки зрения теории ренты любые выплаты со стороны пользователей природных ресурсов следует интерпретировать как компенсацию обществу за использование общественного достояния, юридически закрепленного за государством. Например, обсуждаемый в Российской Федерации налог на выбросы углекислого газа (углеродный налог) можно рассматривать как один из источников финансирования БПД. Базовый размер ставки предлагается установить в размере 1000 руб. за тонну выбросов. В результате на выплаты БПД можно было бы направить 2,1 млрд руб.⁸

⁸ Рассчитано по данным Statbase: «Выбросы CO₂ | Россия». <https://statbase.ru/data/rus-carbon-dioxide-emissions/> (дата обращения: 03.05.2026).

Заключение

На основе результатов проведенного анализа можно сделать вывод о том, что обеспечение устойчивого финансирования базового пенсионного дохода, в том числе и в долгосрочной перспективе, возможно. Однако это потребует реализации комплексного подхода, сочетающего фискальную ответственность государства с принципами социальной справедливости и обязательности исполнения принятых гарантий. Игнорирование социальных аспектов при трансформации действующей пенсионной системы может привести к долгосрочным негативным последствиям для социальной стабильности и экономического развития страны.

Введение БПД в размерах, определенных по результатам проведенных расчетов, обеспечит достижение целевых ориентиров Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации и повышение материального обеспечения российских пенсионеров. Рассмотренные подходы к определению источников финансирования БПД, безусловно, потребуют внесения изменений в бюджетное и налоговое законодательство. В частности, необходимо законодательно закрепить целевое назначение части поступлений от НДС, НДФЛ, НДС и иных налогов и платежей. Также потребуется усилить государственную политику в области легализации теневого сектора экономики, сокращения теневой занятости и учета доходов работающих застрахованных лиц.

В предлагаемой модели пенсионной системы с включением в нее базового пенсионного дохода обеспечение государственных гарантий и финансовой устойчивости – это не просто техническая задача бюджетного планирования и налогового администрирования. Это вопрос социальной справедливости и политической стабильности. Базовый пенсионный доход, обеспеченный устойчивыми источниками финансирования, позволит нетрудоспособным гражданам чувствовать себя защищенными, а государству – сохранить доверие общества. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на детальное актуарное моделирование предложенных источников выплат БПД и оценку их макроэкономических эффектов.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Потапенко В.В.* Старение населения и демографическая нагрузка на российскую пенсионную систему // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 5. С. 27–45. [*Potapenko V.V.* Population aging and the demographic burden on the Russian pension system // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 5. Pp. 27–45. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_27_45.

2. Юмагузин В.В., Винник М.В. Прогноз численности и демографической нагрузки населения России до 2100 года // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4 (193). С. 98-111. DOI: 10.47711/0868-6351-193-98-111. [Translated version: Yumaguzin V.V., Vinnik M.V. Forecast of population size and demographic burden in Russia up to 2100 // Studies on Russian Economic Development. 2022. No. 4 (33). Pp. 422–431. DOI: 10.1134/s1075700722040141].
3. Человек. Труд. Экономика: коллективная монография. М: Директ-Медиа, 2024 / Под общ. ред. Е.В. Вашаломидзе. [Human. Labour. Economics: a collective monograph. M.: Direct-Media, 2024. / General ed. E.V. Vashalomidze. (In Russ.).]
4. Сафонов А.Л., Долженкова Ю.В. Факторы финансовой несбалансированности обязательной системы пенсионного страхования: анализ российской практики // Финансы: теория и практика. 2020. № 6 (24). С. 108–122. [Safonov A.L., Dolzhenkova Yu.V. Factors of financial imbalance in the compulsory pension insurance system: the case of Russia // Finance: theory and practice. 2020. No.6 (24). Pp. 108–122. (In Russ.).] DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-108-122.
5. Урусова А.Б. Оценка возможностей повышения эффективности функционирования пенсионной системы Российской Федерации // Сибирская финансовая школа. 2022. № 2 (146). С. 136–143. [Urusova A.B. Assessment of opportunities to improve the efficiency of the pension system of the Russian Federation // Siberian financial school. 2022. No. 2 (146). Pp. 136–143. (In Russ.).] DOI: 10.34020/1993-4386--2022-2-136-143.
6. Соловьев А.К. Анализ методов индексации пенсий с целью достижения благополучия старших поколений // Уровень жизни населения регионов России. 2025. № 1 (21). С. 59–71. [Soloviev A.K. Analysis of pension indexation methods in order to achieve the well-being of older generations // Living standards of the population in the regions of Russia. 2025. No. 1 (21). Pp. 59–71. (In Russ.).] DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_1_4_59_71.
7. Бойтуш О.А., Новикова Н.Ю., Плешакова М.В. Направления совершенствования системы пенсионного обеспечения граждан России // Фундаментальные исследования. 2025. № 10. С. 8-14. [Bojtush O.A., Novikova N.Yu., Pleshakova M.V. Directions for improving the pension provision system for citizens of the Russian Federation // Fundamental research. 2025. No. 10. Pp. 8–14. (In Russ.).] DOI: 10.17513/fr.43909.
8. Универсальный базовый доход: шанс для России?: Монография / Под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Е.В. Одинцовой. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова. Ижевск: Шелест, 2022. [Universal Basic Income: A Chance for Russia?: Monograph / Edited by V.N. Bobkov (ex. ed.), E.V. Odintsova. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics. Izhevsk: Shelest, 2022. (In Russ.).] DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022.
9. Бобков В.Н., Захаров И.Н., Шерстобитова Ю.А. Проблемы введения базового дохода в российскую национальную пенсионную систему // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2026. № 1 (19). С. 157–176. [Bobkov V.N., Zakharov I.N., Sherstobitova Yu.A. Issues of introducing a basic income into the Russian national pension system // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2026. No. 1(19). Pp. 157–176. (In Russ.).] DOI:10.15838/esc.2026.1.103.12.
10. Некрасов Ф.О. Безусловный базовый доход: от утопии к реальности // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 108–118. [Nekrasov F.O. Unconditional basic income: from utopia to reality //

- Scientific works: institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2020. No.18. Pp. 108–118. (In Russ.)] DOI: 10.47711/2076-318-2020-108-118.
11. Beck D., Peters R., Bridge G., Poitier F., Pearson B. Modern Welfare in the United Kingdom is a Universal (Dis)Credit to Beveridge. Is it Time for a Basic Income? // Social Policy & Administration. 2024. No.2 (58). Pp. 299–312. DOI:10.1111/spol.13002.
 12. Goedemé T., van Lancker W. A Universal Basic Pension for Europe's Elderly: Options and Pitfalls // Basic Income Studies. 2009. No. 1 (4). DOI: 10.2202/1932-0183.1119.
 13. Бобков В.Н., Пилус А.Г., Смирнова Е.А. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // Российский экономический журнал. 2024. № 4. С. 87–113. [Bobkov V.N., Pilyus A.G., Smirnova E.A. Basic income and pension systems: research overview and transformation frameworks // Russian economic journal. 2024. No.4. Pp. 87–113. (In Russ.)] DOI: 10.52210/0130-9757_2024_4_87_113.
 14. Гонтмахер Е.Ш. Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? // Экономическая политика. 2019. № 2 (14). С. 156–177. [Gontmakher E.Sh. Basic income: A prologue to social policy in the 21st century? // Economic policy. 2019. No. 2 (14). Pp. 156–177. (In Russ.)] DOI:10.18288/1994-5124-2019-2-156-177.
 15. Капелюшников Р.И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? // Вопросы экономики. 2020. № 8. С. 95–127. [Kapeliushnikov R.I. Universal basic income: Does it have a future? // Voprosy ekonomiki. 2020. No.8. Pp. 95–127. (In Russ.)] DOI: 10.32609/0042-8736-2020-8-95-127.
 16. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Смирнова Е.А., Коваленко В.В. Риски и возможности введения универсального базового дохода в российскую пенсионную систему // Уровень жизни населения регионов России. 2025. № 4 (21). С. 577–590. [Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Smirnova E.A., Kovalenko V.V. Risks and opportunities of introducing a basic income in Russia into the Russian pension system // Living standards of the population in the regions of Russia. 2025. No. 4 (21). Pp. 577–590. (In Russ.)] DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_6_577_590.
 17. Van Parijs F., Vanderborght Ya. Basic Income. A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Moscow: HSE Publishing House, 2020.
 18. Зудина А.А. Неформальная занятость под санкциями: случай России (2022–2023 гг.) // Экономическая социология. Т. 27. № 1. Январь 2026. С. 11–42. [Zudina A. Informal Employment under Sanctions: The Case of Russia in 2022–2023 // Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya. Vol. 27. No. 1. January 2026. Pp. 11–42. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1726-3247-2026-1-11-42.
 19. Куницына Н.Н., Джиоев А.В. Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // Экономика региона. 2023. № 2 (19). С. 437–450. [Kunitsyna N.N., Dzhioev A.V. Dependence of informal employment on population income in Russian regions: lessons from the pandemic // Economy of regions. 2023. No.2 (19). Pp.437–450. (In Russ.)] DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-11.

Дата поступления рукописи: 11.06.2026 г.

Дата принятия к публикации: 13.08.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Захаров Игорь Николаевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исследования базового пенсионного дохода ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9978-388X
Zakharov@inecon.ru

ABOUT THE AUTHOR

Igor N. Zakharov – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Laboratory for Basic Pension Income Research, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9978-388X
Zakharov@inecon.ru

ON BASIC PENSION INCOME: AMOUNTS AND SOURCES OF PAYMENT⁹

The paper substantiates the proposals for introducing a basic pension income as an element of a prospective pension system model and as a tool for enhancing the material well-being of retirees. The current pension benefits are analyzed with respect to their constituent components. Various approaches to the implementation of the basic pension income as a baseline level of social guarantees within the financial framework of the pension system are examined. The optimal amount of such income is determined, the total expenditure required for its disbursement is estimated, and potential sources of its financing are identified. It is concluded that a comprehensive approach is essential when addressing the question of funding sources for the basic pension income. Accordingly, solutions are proposed for adjusting tax legislation in order to ensure the payment of this income.

Keywords: *basic pension income, pension system, mandatory pension insurance, state pension provision, social policy, pension.*

JEL: H55.

⁹ The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00228 “Basic retirement income: risks and opportunities of introduction in the Russian Federation”. <https://rscf.ru/project/25-18-00228/>

О.И. ТИМОФЕЕВА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра мониторинга открытости бюджетов Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации; доцент Кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

**ДИАГНОСТИКА ОТКЛОНЕНИЙ ИНВЕСТИЦИОННОГО
ЦИКЛА ОБЪЕКТОВ НЕЗАВЕРШЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ¹**

Эффективность бюджетных инвестиций во многом определяется структурой капитальных вложений и распределением ресурсов между инвестиционными проектами на разных стадиях их реализации. В этой связи особое значение приобретает анализ незавершенного строительства как совокупности объектов, позволяющий диагностировать отклонения инвестиционного цикла и оценивать их распространенность с позиций бюджетной эффективности. Цель исследования – разработка и апробация подхода к оценке структуры незавершенного строительства на основе классификации его объектов. Методология исследования основана на использовании данных бюджетной отчетности и формализованных критериев, характеризующих статус объектов и параметры инвестиционного цикла. Эмпирический анализ данных восьми субъектов Российской Федерации показывает, что лишь 27,6% инвестиционных проектов реализуются без существенных отклонений, при этом на их долю приходится 36,7% объема произведенных расходов. Основная часть анализируемой совокупности объектов представлена проектами с различными формами отклонений либо с недостаточностью информации для их оценки. Предложенный подход превращает данные бюджетной отчетности из инструмента учета объектов капитального строительства в инструмент управления незавершенным строительством с позиций бюджетной эффективности.

Ключевые слова: *незавершенное строительство, объекты капитального строительства, инвестиционный цикл, отклонения инвестиционного цикла, бюджетные инвестиции, бюджетная отчетность, управленческие решения.*

УДК: 330.322.14 (045), 336.581 (045)

EDN: FQNHAM

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_48_69

¹ Автор выражает благодарность рецензенту и научному редактору за содержательные замечания и рекомендации, способствовавшие совершенствованию статьи.

Введение

Проблема незавершенного строительства в России сохраняет свою значимость, что подтверждается официальными статистическими данными. Дополнительную актуальность она приобретает в связи с тем, что в сложнейших современных геополитических условиях особенно недопустимо неэффективное отвлечение бюджетных средств. По состоянию на конец 2023 г. в незавершенном строительстве находилось 97,6 тыс. зданий и сооружений, из которых 6,9 тыс. единиц были приостановлены или законсервированы (см. табл. 1).

Таблица 1

Число зданий и сооружений, находящихся в незавершенном строительстве (на конец года)

	2015	2019	2020	2021	2022	2023
Число зданий, сооружений, находящихся в незавершенном строительстве, – всего	97 965	77 826	80 758	82 420	88 007	97 625
в том числе приостановленные или законсервированные	13 525	9 416	8 441	8 818	7 008	6 912

Примечание: в представленных Росстатом данных источник финансирования объектов незавершенного строительства не выделяется.

Источник: Росстат. Строительство в России. 2024. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Stroit_2024.htm (дата обращения: 03.06.2026).

Несмотря на сокращение почти в два раза количества приостановленных и законсервированных объектов в 2023 г. по сравнению с 2015 г., их абсолютное число остается значительным, что указывает на сохранение масштабов проблемного сегмента.

С 2022 г. на федеральном уровне реализуются комплексные меры по снижению объемов незавершенного строительства. Сформирован федеральный реестр незавершенных объектов капитального строительства, в который включаются объекты, строительство или реконструкция которых осуществляется полностью или частично за счет средств федерального бюджета. По данным Минстроя России, управленческие решения приняты уже по 896 объектам, включенным в федеральный реестр². Характер принимаемых решений различается в зависимости от состояния объекта, степени готовности и перспектив дальнейшего использования и может предусматривать как заверше-

² Минстрой России. Решения почти по 900 недостроям приняты с 2022 года. 22.04.2026. https://www.minstroyrf.gov.ru/press/resheniya-pochti-po-900-nedostroyam-prinyaty-s-2022-goda/?sphrase_id=2605020 (дата обращения: 03.06.2026).

ние строительства, так и списание, приватизацию, передачу или снос объекта.

Работа по сокращению объемов незавершенного строительства ведется и на региональном уровне. Градостроительный кодекс предусматривает возможность формирования региональных реестров незавершенных объектов капитального строительства, строительство и реконструкция которых полностью или частично осуществлялась за счет средств региональных и местных бюджетов. К началу 2026 г. в большинстве субъектов Российской Федерации приняты правовые акты, регламентирующие порядок формирования и ведения таких реестров, что формально создает институциональную основу для учета и последующего сокращения соответствующих объектов³.

В качестве целевого показателя комплексной государственной программы «Строительство» предусмотрено сокращение к 2027 г. не менее чем в два раза количества объектов, включенных в федеральный реестр⁴. Вместе с тем данные Счетной палаты Российской Федерации показывают, что проблема сохраняет устойчивый характер: по состоянию на 1 января 2025 г. на федеральном уровне насчитывалось 4277 объектов незавершенного строительства (включая планомерно строящиеся объекты), а за 2024 г. их количество уменьшилось лишь на 2,2%. При этом число проблемных объектов, строительство которых приостановлено более чем на шесть месяцев, составило 430 единиц⁵. Таким образом, сокращение незавершенного строительства остается стратегической задачей государственной политики и требует не только принятия решений по отдельным объектам, но и анализа структуры всего массива объектов незавершенного строительства.

Существующие механизмы учета и мониторинга незавершенного строительства в большей степени ориентированы на принятие управленческих решений по отдельным объектам, чем на анализ совокупности объектов незавершенного строительства в целом. Более того, федеральный реестр не представлен в открытом доступе в виде систематизированной базы данных, сведения о нем публикуются преимущественно в формате новостных сообщений. Аналогичная ситуация

³ По состоянию на 01.02.2026 положения о порядке формирования и ведения региональных реестров объектов незавершенного строительства были выявлены в нормативных правовых актах 83 субъектов Российской Федерации (по данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», региональная версия).

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2022 г. № 1730 (ред. от 17.10.2025) «Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации «Строительство»».

⁵ Счетная палата Российской Федерации. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2024 год (основные положения). 2025. С. 31. <https://ach.gov.ru/audit/> (дата обращения: 05.06.2026).

характерна и для регионального уровня, где соответствующие реестры формируются, но, как правило, не раскрываются. Это существенно ограничивает возможности анализа структуры незавершенного строительства и выявления отклонений инвестиционного цикла по всей совокупности объектов. Одним из немногих доступных источников информации для такого анализа выступают данные бюджетной отчетности, позволяющие получить комплексное представление о составе и характеристиках объектов незавершенного строительства.

В условиях невысоких темпов экономического роста возрастают риски отклонения инвестиционных проектов от первоначальных параметров реализации. Ограничение бюджетных возможностей усиливает конкуренцию за ресурсы, а капитальные вложения за счет средств бюджетов оказываются наиболее уязвимыми к сокращению, что повышает риски затягивания сроков ввода объектов, приостановки строек и формирования новых проблемных объектов незавершенного строительства. В этой связи особое значение приобретает формирование целостного представления о структуре незавершенного строительства и объеме задействованных в нем финансовых ресурсов. Это позволяет перейти от анализа отдельных объектов к анализу незавершенного строительства как целостного явления.

Несмотря на значительное число исследований, посвященных бюджетным инвестициям и управлению инвестиционными проектами, вопросы анализа незавершенного строительства как совокупности объектов не получили самостоятельного освещения. В этой связи представляется целесообразным обратиться к исследованиям, посвященным причинам незавершенного строительства, механизмам управления инвестиционными проектами и подходам к оценке результатов их реализации.

Обзор литературы

В научной литературе проблема незавершенного строительства в государственном секторе рассматривается в рамках исследований инвестиционных проектов, реализуемых за счет бюджетных средств. Для отечественных и зарубежных работ характерен вывод о закономерности отклонений от первоначальных параметров проектов, включая увеличение сроков реализации, рост стоимости и недостижение заявленных результатов.

Наиболее подробно данная проблематика рассмотрена на примере крупных инфраструктурных проектов. Показано, что для таких проектов характерна устойчивая тенденция к занижению прогнозируемых затрат и завышению ожидаемых выгод, приводящая к систематическим перерасходам и затягиванию сроков реализации (напри-

мер, см.: [1; 2; 3]). Эти эффекты связаны с недооценкой сложности проектов и с ограничениями подходов к оценке рисков [4; 5]. В более широком контексте политической экономии они интерпретируются через концепцию «белых слонов», отражающую перераспределение ресурсов в пользу проектов с низкой общественной эффективностью, но высокой политической привлекательностью [6]. При ограниченной институциональной способности к освоению инвестиций увеличение объемов вложений сопровождается ростом издержек и снижением эффективности реализации [7].

Ряд исследований посвящен проектам, прекращенным на стадии реализации. Незавершенность рассматривается как самостоятельный феномен, обусловленный сочетанием факторов, а отклонения инвестиционного цикла проявляются как в форме избыточного продолжения неэффективных проектов [8], так и их досрочного прекращения [9; 10].

В отечественной литературе проблема незавершенного строительства анализируется через призму институциональных и организационных факторов реализации государственных инвестиций. Ее воспроизводство связывается с особенностями планирования проектов, включая утверждение финансирования при недостаточной готовности проектной документации, а также несогласованность полномочий и дублирование инструментов инвестиционного планирования [11]. Аналогичные эффекты институциональной несогласованности отмечаются и в зарубежных исследованиях [12]. Эти выводы соотносятся с исследованиями, подчеркивающими значимость институциональной организации инвестиционного процесса и качества управления [13].

В ряде работ систематизированы причины нарушений параметров реализации инвестиционных проектов, включая финансовые, организационные и институциональные факторы [14; 15]. Наряду с этим разрабатываются методы оценки, отбора и приоритизации инвестиционных проектов [16]. Предлагаются также управленческие механизмы, направленные на сокращение объемов незавершенного строительства [17]. Вместе с тем сохраняющийся масштаб незавершенного строительства свидетельствует об ограниченной эффективности применяемых инструментов. Подходы к оценке рисков ориентированы преимущественно на количественное измерение отклонений инвестиционного цикла и в меньшей степени учитывают институциональные условия их формирования [18; 19].

Отдельное направление связано с оценкой экономических последствий незавершенного строительства. Замораживание капитальных вложений приводит к потерям недополученной выгоды, а затягивание инвестиционного цикла – к снижению совокупного экономического эффекта [20; 21]. В более широком контексте незавершенное строительство рассматривается как форма накопления экономических

потерь [22], оказывающая влияние на динамику экономического роста [23]. Помимо финансовых последствий, объекты незавершенного строительства могут формировать депрессивные пространства и ухудшать экологические и социальные характеристики территорий [24; 25].

Проведенный обзор показывает, что незавершенное строительство рассматривается преимущественно как проявление институциональных дефектов инвестиционного процесса и источник экономических и социальных потерь. В существующих исследованиях основное внимание сосредоточено на причинах возникновения объектов незавершенного строительства и подходах к принятию решений по отдельным проектам. При этом инвестиционные проекты, как правило, не рассматриваются как элементы единой совокупности государственных капитальных вложений, а особенности их отражения в бюджетной документации остаются недостаточно исследованными. Более того, в современной экономической литературе практически отсутствуют исследования, предлагающие формализованный инструментарий для комплексной оценки массивов объектов незавершенного строительства. Тем самым сохраняется исследовательский пробел, связанный с отсутствием подходов, позволяющих анализировать незавершенное строительство как целостное явление. В этой связи в статье ставится задача разработки и апробации подхода к классификации объектов незавершенного строительства в государственном секторе на основе данных бюджетной отчетности. Предложенный подход позволяет перейти от анализа отдельных объектов к анализу всей совокупности объектов незавершенного строительства, выявлять отклонения инвестиционного цикла и использовать данные бюджетной отчетности как инструмент управленческой аналитики.

Понятие незавершенного строительства в системе государственных капитальных вложений

Длительный характер инвестиционно-строительных процессов требует уточнения содержания понятия незавершенного строительства. В законодательстве данный термин сформулирован в обобщенном виде: объектом незавершенного строительства признается любой объект, прочно связанный с землей, строительство которого не завершено. Вместе с тем длительность реализации проекта сама по себе не свидетельствует о наличии проблемы, если строительство осуществляется в соответствии с параметрами инвестиционного цикла. Риск неэффективного использования бюджетных средств возникает в случае приостановления, консервации или фактического прекращения строительства, когда произведенные вложения не приводят к созданию функционирующего объекта.

В ст. 55.34 Градостроительного кодекса Российской Федерации⁶ используется категория «незавершенный объект капитального строительства», применяемая к объектам, финансируемым за счет средств бюджетов бюджетной системы и включенным в федеральный или региональные реестры незавершенных объектов капитального строительства. Таким образом, выделяется особый сегмент незавершенного строительства – объекты капитального строительства, реализуемые с использованием бюджетных средств, – являющийся предметом настоящего исследования. При этом внутри данной категории объединяются как объекты, находящиеся в процессе плановой многолетней реализации, так и объекты с приостановленным или прекращенным финансированием. С точки зрения управления общественными финансами их разграничение имеет принципиальное значение, поскольку именно последняя группа формирует риски прямых потерь и возникновения дополнительных бюджетных обязательств, что приводит к замораживанию ресурсов и снижению эффективности бюджетных инвестиций.

В управленческой практике для обозначения подобных случаев используется категория «проблемные объекты», к которым относятся приостановленные, законсервированные и длительно реализуемые проекты. В таких случаях вложенные средства не трансформируются в функционирующую инфраструктуру, а объекты требуют дополнительных расходов на завершение, содержание или демонтаж. Оценить объем подобных потерь в масштабах всей системы государственных капитальных вложений возможно только при наличии доступных и сопоставимых данных, позволяющих анализировать всю совокупность объектов незавершенного строительства.

Для целей настоящего исследования используются следующие понятия:

Незавершенное строительство – совокупность объектов капитальных вложений, не введенных в эксплуатацию;

Объект незавершенного строительства – единица учета капитальных вложений, не введенная в эксплуатацию;

Проблемный объект – объект незавершенного строительства, характеризующийся существенными отклонениями инвестиционного цикла (приостановка, консервация или длительная реализация).

⁶ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 04.08.2026 г.).

Ограниченность информации об объектах незавершенного строительства

Информационная база, необходимая для анализа масштабов незавершенного строительства, носит фрагментарный характер. Статистические источники являются агрегированными и не предоставляют данные в разрезе источников финансирования и стадий реализации проектов. Федеральные и региональные реестры незавершенных объектов в большинстве случаев не представлены в открытом доступе. В итоге бюджетная документация становится основным системным источником информации об объектах капитального строительства, финансируемых за счет средств бюджетов. Однако ее аналитический потенциал ограничен архитектурой бюджетной классификации, определяющей способы группировки и представления данных.

Одной из ключевых особенностей является несоответствие структуры бюджетных данных логике проектного управления. Несмотря на использование программно-целевых инструментов, самостоятельная категория «проект» в бюджетной классификации отсутствует. *Объекты капитального строительства интегрированы в государственные программы наряду с мероприятиями текущего характера, что затрудняет их идентификацию и анализ на разных стадиях реализации. Соответственно, принцип завершения ранее начатых проектов не встроен в бюджетный процесс, а перераспределение средств в пользу новых инициатив не ограничено.*

Отсутствие институционально закрепленного приоритета завершения проектов усиливается практикой бюджетного планирования. Несмотря на формально установленный трехлетний горизонт, сохраняется однолетняя логика принятия обязательств, поскольку параметры финансирования корректируются в каждом бюджетном цикле. Такая практика распространяется и на инвестиционные проекты, финансирование которых носит долгосрочный характер, что повышает вероятность перерывов в финансировании и накопления проблемных объектов.

Указанные особенности закрепляются в законе о бюджете. Расходы систематизируются по ряду классификационных признаков, однако применяемые группировки не обеспечивают выделение инвестиционных проектов как самостоятельных аналитических единиц. В результате объекты капитального строительства интегрируются в укрупненные статьи расходов. Формально их можно идентифицировать с использованием целевых статей, однако на практике далеко не каждый объект получает самостоятельное отражение, а вариативность подходов к формированию целевых статей не обеспечивает сопоставимости данных. Наличие группы расходов 400 «Капитальные вложения в объекты государственной (муниципальной) собственности» позволяет определить лишь совокупный объем капитальных вложений, но не выделяет отдельные объекты.

Таким образом, структура закона о бюджете не обеспечивает формирование полного и однозначно идентифицируемого перечня объектов капитального строительства. В международной практике управления государственными инвестициями (РИМА) подчеркивается необходимость сквозной идентификации инвестиционных проектов и сопоставимости данных на всех стадиях бюджетного цикла [26].

В качестве альтернативы могут использоваться реестры объектов капитального строительства, но эта замена не является эквивалентной: данные корректируются на стадии утверждения бюджета, не сопоставимы с бюджетной отчетностью и часто недоступны. В результате уже на начальной стадии бюджетного процесса отсутствует целостное представление об объектах. Для устранения указанных недостатков на федеральном уровне предпринята попытка институционального решения проблемы. Изменения в Бюджетный кодекс Российской Федерации, внесенные в 2023 г.⁷, предусматривают формирование перечня объектов капитального строительства и распределения ассигнований по ним на всех стадиях бюджетного процесса. Однако эти требования не распространяются на региональный и местный уровни, где практика раскрытия информации остается фрагментарной. Следует отметить, что на уровне внутриведомственного учета проблема частично решается с использованием аналитических кодов объектов капитальных вложений, применяемых Минфином России и Федеральным казначейством. Однако эта информация не раскрывается в публичной отчетности, что ограничивает возможности внешнего анализа.

Единственным институционально закрепленным для всех уровней государственного управления источником, содержащим детализированные сведения об объектах капитального строительства, является форма № 0503190 годовой бюджетной отчетности. Она включает информацию о статусе объекта, сроках и причинах приостановления строительства, сметной стоимости и фактических расходах. Вместе с тем форма № 0503190 не предназначена для оперативного мониторинга реализации инвестиционных проектов, поскольку представляется только в составе годовой бюджетной отчетности. Дополнительными ограничениями являются временной лаг ее публикации и отсутствие повсеместной практики размещения формы в открытом доступе⁸.

⁷ Федеральный закон от 25.12.2023 г. № 628-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁸ По данным рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню открытости бюджетных данных в составе годовой бюджетной отчетности за 2024 год форма № 0503190 опубликована на официальных электронных ресурсах финансовых органов 70 субъектов Российской Федерации. Сведений о наличии в открытом доступе указанной формы для федерального и муниципального уровней управления нет.

Бюджетная документация обладает значительным, но во многом нереализованным аналитическим потенциалом. Исследования в сфере бюджетной открытости показывают, что раскрываемые данные способны выступать самостоятельным источником аналитической информации для оценки состояния общественных финансов и результатов использования бюджетных ресурсов [27, с. 84]. Применительно к объектам капитального строительства реализация этого потенциала затруднена вследствие фрагментарности и несопоставимости данных на разных стадиях бюджетного цикла. В сочетании с ограниченной доступностью информации это препятствует формированию целостного представления о масштабах и стоимости объектов незавершенного строительства. В результате затруднено своевременное выявление проблемных проектов, оценка результатов произведенных вложений и принятие обоснованных решений о завершении, корректировке либо прекращении их реализации. Таким образом, информационные ограничения выступают не только технической характеристикой бюджетной документации, но и структурным фактором, способствующим воспроизводству проблемных объектов незавершенного строительства в государственном секторе.

Эмпирический анализ структуры незавершенного строительства

Методология проведения анализа

Выявленные ограничения бюджетной документации обуславливают необходимость использования формы № 0503190 «Сведения о вложениях в объекты недвижимого имущества, объектах незавершенного строительства» (далее – форма № 0503190)⁹ как единственного публично доступного и институционально закрепленного источника систематизированной информации об объектах капитального строительства, финансируемых за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. В отличие от закона о бюджете и реестров незавершенных объектов капитального строительства, данная форма позволяет рассматривать такие объекты в качестве самостоятельных единиц наблюдения и сопоставлять их статус, длительность реализации и объем произведенных расходов.

⁹ Данная форма регламентирована Инструкцией о порядке составления и представления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, утвержденной приказом Минфина России от 28.12.2010 г. № 191н. Представляется в составе пояснительной записки (форма № 0503160) к годовой бюджетной отчетности.

Эмпирическую базу исследования составили данные формы № 0503190 годовой бюджетной отчетности за 2024 г. по восьми субъектам Российской Федерации – по одному из каждого федерального округа. Регионы отобраны случайным образом из числа субъектов, финансовые органы которых разместили на своих электронных ресурсах годовую бюджетную отчетность за 2024 г.¹⁰ Данный подход позволил обеспечить территориальный охват всех федеральных округов. Выборка не является статистически репрезентативной и используется для выявления типовых характеристик структуры незавершенного строительства и апробации предложенного подхода.

В целях анализа объекты капитального строительства были распределены по шести аналитическим группам в зависимости от стадии реализации, длительности инвестиционного цикла и институциональных характеристик проектов. Классификация основана на статусах объектов, целевых функциях и датах начала реализации, отражаемых в форме № 0503190 в соответствии с приказом Минфина России от 28.12.2010 г. № 191н. Критерии отнесения проектов к группам представлены в табл. 2.

Расчет длительности инвестиционного цикла осуществляется как разница между отчетным годом и годом начала реализации проекта. В качестве пороговых значений используются сроки: пять лет для стадии строительства и два года для стадии подготовки проектной документации. Выбор пороговых значений обусловлен практикой реализации инвестиционных проектов в бюджетной сфере. В частности, Счетная палата Российской Федерации относит к проблемным объектам объекты со сроком строительства более пяти лет, рассматривая их как «долгострой»¹¹. В исследовании данные пороговые значения применяются в качестве ориентира для выявления отклонений инвестиционного цикла.

Отнесение проектов к аналитическим группам осуществляется в следующей последовательности: сначала выделяются объекты выбытия (группы 4–5), затем приостановленные (группа 3), далее – реализуемые (группы 1–2), и наконец, объекты с неопределенным статусом или недостаточностью данных (группа 6). При совпадении критериев используется указанная последовательность.

¹⁰ Ссылки на официальные электронные ресурсы финансовых органов субъектов РФ, опубликовавших годовую бюджетную отчетность за 2024 г., приведены в составе материалов оценки показателя 4.3 в источнике: НИФИ. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню открытости бюджетных данных. Результаты рейтинга за 2025 год. Раздел 4 «Годовой отчет об исполнении бюджета» (в ред. от 25.12.2025). <https://www.nifi.ru/ru/rating> (дата обращения: 21.07.2026).

¹¹ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации «Незавершенное строительство». № 11 (276). 2020. С. 7. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b84/b84af9e06bd72d4301d4593aec4dc82d.pdf> (дата обращения: 05.06.2026).

Таблица 2

**Критерии отнесения инвестиционных проектов
к аналитическим группам**

Аналитические группы	Критерии отнесения проектов к группам
Группа 1. Устойчивая реализация	Проекты со статусами 01, 11–14, 04, 06 (стадия реализации или подготовки), при условии, что продолжительность реализации не превышает установленные пороговые значения
Группа 2. Затянутая реализация	Проекты с теми же статусами 01, 11–14, 04, 06, для которых продолжительность инвестиционного цикла превышает установленные пороговые значения
Группа 3. Приостановленные	Проекты со статусами 31–39, 41–43, отражающими приостановку или прекращение реализации проекта
Группа 4. Завершенные с передачей	Проекты со статусами 21–26, 29 и целевыми функциями 10 и 13, что соответствует завершению инвестиционного цикла с достижением функционального результата и последующей передачей объекта другим субъектам
Группа 5. Выбывшие незавершенные	Проекты со статусами 21–26, 29 и целевыми функциями, не связанными с достижением результата (1–9, 11, 12), а также объекты со статусом 27, независимо от целевой функции. В этих случаях выбытие означает завершение инвестиционного цикла без ввода объекта в эксплуатацию
Группа 6. Институционально неопределенные	Проекты, по которым отсутствует достаточная информация для оценки параметров инвестиционного цикла, включая неопределенность статуса и/или отсутствие года начала реализации

Примечание: Коды статусов и целевых функций указаны в соответствии с Инструкцией, утвержденной приказом Минфина России от 28.12.2010 г. № 191н.

Источник: составлено автором.

Таким образом, группы 1 и 4 характеризуют проекты, реализуемые без существенных отклонений инвестиционного цикла, тогда как остальные группы отражают различные формы нарушения его параметров. Предложенная классификация позволяет анализировать распределение объектов и бюджетных расходов по типам отклонений и тем самым оценивать структуру государственных капитальных вложений. В результате форма № 0503190 может использоваться не только как источник сведений об отдельных объектах капитального строительства, но и как аналитический инструмент для выявления проблемных сегментов в системе бюджетных инвестиций и принятия решений, направленных на повышение эффективности использования бюджетных средств.

Результаты анализа

Предложенная классификация была апробирована на 3618 объектах незавершенного строительства в восьми субъектах Российской Федерации. Их распределение по аналитическим группам представлено в табл. 3.

Таблица 3

Распределение объектов незавершенного строительства по аналитическим группам (по данным формы № 0503190 за 2024 г.)

Субъекты Российской Федерации	Группа 1. Устойчивая реализация	Группа 2. Затянутая реализация	Группа 3. Приостановленные	Группа 4. Завершенные с передачей	Группа 5. Выбывшие незавершенные	Группа 6. Неопределенные	Итого
Смоленская область	13	8	12	0	24	33	90
в %	14,4	8,9	13,3	0,0	26,7	36,7	100,0
Мурманская область	20	6	5	123	0	5	159
в %	12,6	3,8	3,1	77,4	0,0	3,1	100,0
Астраханская область	90	56	11	0	47	102	306
в %	29,4	18,3	3,6	0,0	15,4	33,3	100,0
Ставропольский край	178	125	172	50	10	78	613
в %	29,0	20,4	28,1	8,2	1,6	12,7	100,0
Нижегородская область	123	43	54	112	269	128	729
в %	16,9	5,9	7,4	15,4	36,9	17,6	100,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	143	66	30	34	124	12	409
в %	35,0	16,1	7,3	8,3	30,3	2,9	100,0
Иркутская область	53	57	142	29	21	687	989
в %	5,4	5,8	14,4	2,9	2,1	69,5	100,0
Хабаровский край	33	95	7	1	16	171	323
в %	10,2	29,4	2,2	0,3	5,0	52,9	100,0
Всего объектов, ед.	653	456	433	349	511	1 216	3 618
в % к общему количеству объектов	18,0	12,6	12,0	9,6	14,1	33,6	100,0

Источник: расчеты автора по: данные формы № 0503190 годовой бюджетной отчетности за 2024 г. по восьми исследуемым субъектам Российской Федерации.

Доля проектов без существенных отклонений от инвестиционного цикла составляет 27,6% от общего числа объектов. К ним отнесены объекты с устойчивой реализацией и завершенные с передачей (группы 1 и 4). Основная часть исследуемой совокупности представлена проектами с различными формами отклонений, а также проектами с недостаточностью данных. Наибольшую группу составляют проекты с неопределенным статусом – 33,6%. Проекты с затянутой реализацией составляют 12,6%, приостановленные – 12,0%, выбывшие незавершенные – 14,1%. Таким образом, менее трети объектов реализуются без существенных отклонений инвестиционного цикла, тогда как основная часть анализируемого массива объектов характеризуется нарушением его параметров либо недостаточностью информации, необходимой для оценки. Это позволяет говорить *о системном характере отклонений, а не о наличии отдельных проблемных объектов.*

Особого внимания заслуживает группа объектов с неопределенным статусом. Ее доля превышает долю любой другой аналитической группы и составляет треть всех объектов. Данный результат свидетельствует о том, что проблема незавершенного строительства связана не только с отклонениями инвестиционного цикла, но и с ограниченностью информации, необходимой для их оценки. Высокая распространенность таких объектов подтверждает вывод о том, что информационные ограничения выступают самостоятельным фактором, затрудняющим мониторинг инвестиционных проектов и принятие обоснованных управленческих решений.

Распределение объектов существенно различается по регионам. В трех регионах – Ямало-Ненецком автономном округе, Астраханской области и Ставропольском крае – доля объектов, находящихся в стадии устойчивой реализации, составляет около трети (35, 29,4 и 29% соответственно), тогда как в остальных регионах она значительно ниже (минимум – 5,4% в Иркутской области). Объекты, завершенные с передачей, доминируют в Мурманской области (77,4%), тогда как в ряде регионов их доля минимальна или отсутствует. Наибольшая доля затянутых объектов зафиксирована в Хабаровском крае (29,4%), приостановленных – в Ставропольском крае (28,1%), выбывших незавершенных – в Нижегородской области (36,9%), Ямало-Ненецком автономном округе (30,3%) и Смоленской области (26,7%). Таким образом, межрегиональная дифференциация структуры объектов незавершенного строительства свидетельствует о различиях в характере отклонений инвестиционного цикла и условиях реализации проектов.

Совокупный объем кассовых расходов на объекты незавершенного строительства с начала их реализации по данным формы № 0503190 за 2024 г. по восьми исследуемым регионам составил 347,5 млрд руб. Распределение этих средств по регионам и аналитическим группам приведено в табл. 4.

Таблица 4

**Кассовые расходы с начала реализации инвестиционных проектов
по группам объектов незавершенного строительства, млрд руб.
(по данным формы № 0503190 за 2024 г.)**

Субъекты Российской Федерации	Группа 1. Устойчи- вая реализация	Группа 2. Затянутая реализация	Группа 3. Приоста- новленные	Группа 4. Завершен- ные с передачей	Группа 5. Выбывшие незавершенные	Группа 6. Неопреде- ленные	Итого
Смоленская область	6,2	4,2	0,6	0,0	0,1	0,1	11,1
в %	55,9	37,8	5,4	0,0	0,9	0,9	100,0
Мурманская область	7,6	1,1	0,0	3,0	0,0	1,2	12,9
в %	58,9	8,5	0,0	23,3	0,0	9,3	100,0
Астраханская область	5,4	4,1	0,5	0,0	3,4	1,1	14,4
в %	37,5	28,5	3,5	0,0	23,6	7,6	100,0
Ставропольский край	9,2	15,7	2,8	6,7	0,9	1,2	36,5
в %	25,2	43,0	7,7	18,4	2,5	3,3	100,0
Нижегородская область	19,2	3,3	0,9	11,0	3,3	7,4	45,1
в %	42,6	7,3	2,0	24,4	7,3	16,4	100,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	23,2	78,2	4,0	10,0	15,8	16,5	147,7
в %	15,7	52,9	2,7	6,8	10,7	11,2	100,0
Иркутская область	4,2	10,2	1,4	9,4	2,0	5,0	32,1
в %	13,1	31,8	4,4	29,3	6,2	15,6	100,0
Хабаровский край	12,5	28,3	4,6	0,0	1,5	0,5	47,3
в %	26,4	59,8	9,7	0,0	3,2	1,1	100,0
Итого	87,5	145,1	14,8	40,1	27	33	347,5
в % к общему объему расходов	25,2	41,8	4,3	11,5	7,8	9,5	100,0

Источник: расчеты автора на основе данных формы № 0503190 годовой бюджетной отчетности за 2024 г. по восьми исследуемым субъектам Российской Федерации.

На объекты, реализуемые без существенных отклонений (группы 1 и 4), приходится 127,6 млрд руб., или 36,7% расходов. Основная часть бюджетных ресурсов сосредоточена в объектах с отклонениями инвестиционного цикла, прежде всего с затянутой реализацией (145,1 млрд руб., или 41,8%). Расходы по выбывшим незавершенным

объектам составляют 7,8%, что свидетельствует о наличии инвестиционных решений, не доведенных до результата. Доля расходов на объекты с неопределенным статусом составляет 9,5%.

Сопоставление структуры объектов и расходов выявляет их несоответствие. Объекты без существенных отклонений составляют 27,6% объектов и аккумулируют 36,7% расходов. Объекты с затянутой реализацией при доле 12,6% аккумулируют 41,8% расходов, что свидетельствует о непропорционально высокой концентрации ресурсов в данной группе. Объекты с неопределенным статусом, напротив, при доле 33,6% характеризуются существенно меньшими долями расходов (9,5%). Доля расходов по выбывшим незавершенным объектам (7,8%) также ниже их доли в общем числе объектов (14,1%). Доля расходов по приостановленным объектам относительно невелика и составляет 4,3%.

В целом структура расходов выглядит более благополучной по сравнению со структурой объектов. Несмотря на то что объекты без существенных отклонений составляют менее трети, на них приходится более трети расходов. При этом наиболее многочисленная группа объектов с неопределенным статусом аккумулирует лишь 9,5% расходов. Это свидетельствует о том, что значительная часть проблемных объектов не связана с крупными объемами произведенных расходов, что может быть обусловлено прекращением либо приостановлением их финансирования на ранних стадиях инвестиционного цикла.

Агрегированное распределение расходов по группам представлено на рис. 1. Структура расходов смещена в сторону объектов с отклонениями инвестиционного цикла, прежде всего с затянутой реализацией.

Источник: расчеты автора на основе данных формы № 0503190 годовой бюджетной отчетности за 2024 г. по восьми исследуемым субъектам Российской Федерации

Рис. 1. Структура кассовых расходов с начала реализации инвестиционных проектов по аналитическим группам объектов незавершенного строительства, млрд руб.

Из общего объема кассовых расходов по рассматриваемым объектам (347,5 млрд руб.) 83,4 млрд руб., или около четверти, приходится на средства федерального бюджета. Значительная часть федерального финансирования связана с объектами, характеризующимися отклонениями инвестиционного цикла. Наибольший объем федеральных средств приходится на объекты с затянутой реализацией (36,3 млрд руб., или 43,5% общего объема федеральных средств), что отражает высокую степень участия федерального уровня в их финансировании. Вместе с тем 34,1 млрд руб., или 40,9% общего объема федеральных средств, приходится на объекты, реализуемые без существенных отклонений инвестиционного цикла (включая объекты, завершенные с передачей результата). Это показывает, что федеральный бюджет участвует не только в финансировании объектов с отклонениями инвестиционного цикла, но и в реализации объектов, характеризующихся устойчивым ходом инвестиционного процесса. При этом масштабы федерального участия существенно различаются по регионам, отражая неоднородность условий реализации инвестиционных проектов.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что уровень незавершенного строительства может рассматриваться как характеристика эффективности управления государственными капитальными вложениями. В отличие от подходов, ориентированных на анализ отдельных проектов, предложенная классификация позволяет дифференцировать объекты по типам отклонений инвестиционного цикла и оценивать распределение ресурсов между ними. Это создает основу для комплексной диагностики состояния объектов незавершенного строительства в государственном секторе и принятия управленческих решений на уровне совокупности инвестиционных проектов.

Заключение

Предложенный в работе подход к классификации объектов незавершенного строительства на основе данных бюджетной отчетности позволяет, в отличие от подходов, ориентированных на анализ отдельных объектов, диагностировать отклонения инвестиционного цикла всей совокупности объектов незавершенного строительства и сопоставлять их с объемом произведенных расходов. Это, в свою очередь, позволяет преобразовать данные бюджетной отчетности из инструмента учета объектов капитального строительства в инструмент управления незавершенным строительством с позиций бюджетной эффективности.

Проведенный анализ показывает, что отклонения инвестиционного цикла носят системный характер и затрагивают значительную часть анализируемых объектов. Без существенных отклонений инве-

стиционного цикла реализуются 27,6% анализируемых проектов, на которые приходится 36,7% объема произведенных расходов. Основная часть совокупности представлена проектами с различными формами отклонений либо с недостаточностью информации для их оценки. При этом проблема незавершенного строительства связана не только с нарушением параметров реализации проектов, но и с ограниченностью информации, необходимой для оценки их состояния. Высокая доля объектов с неопределенным статусом позволяет рассматривать информационные ограничения как самостоятельный фактор, влияющий на качество управленческих решений в сфере государственных инвестиций.

Сопоставление структуры объектов и распределения расходов свидетельствует о том, что масштабы проблемы различаются в зависимости от выбранных критериев анализа. При значительной распространенности проектов с отклонениями инвестиционного цикла концентрация бюджетных ресурсов в них оказывается менее выраженной, что отражает неоднородность структуры незавершенного строительства в государственном секторе и специфику возникающих рисков.

Полученные результаты показывают, что незавершенное строительство связано не только с ограниченностью ресурсов или ошибками на уровне отдельных проектов, но и с особенностями организации бюджетного процесса и учета инвестиционных расходов. Действующая структура бюджетной классификации не обеспечивает идентификацию проектов как самостоятельных объектов управления, что затрудняет их последовательное сопровождение и не закрепляет приоритет завершения ранее начатых проектов. В результате вместо завершения ранее начатых объектов капитального строительства начинается финансирование новых.

Выявленные особенности позволяют определить направления возможных изменений. Включение проектного признака в бюджетную классификацию, закрепление требований к раскрытию информации об объектах капитального строительства на всех стадиях бюджетного процесса и трансформация формы № 0503190 в инструмент управленческой аналитики создают условия для повышения прозрачности и регулярного мониторинга реализации инвестиционных проектов. Для проектов с длительным инвестиционным циклом формирование более устойчивых параметров финансирования снижает вероятность их прерывания.

Таким образом, незавершенное строительство следует рассматривать как следствие не только ресурсных ограничений, но и особенностей институциональной и информационной архитектуры бюджетного процесса. Наличие значительных массивов данных само по себе не обеспечивает возможности анализа состояния незавершен-

ного строительства в государственном секторе и принятия обоснованных управленческих решений. Предложенный подход позволяет использовать данные бюджетной отчетности не только для учета объектов капитального строительства, но и для диагностики отклонений инвестиционного цикла всей совокупности объектов незавершенного строительства в государственном секторе. Это расширяет аналитические возможности формы № 0503190 и создает основу для системного мониторинга состояния объектов незавершенного строительства и принятия обоснованных управленческих решений в сфере бюджетных инвестиций.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Flyvbjerg B. Survival of the unfittest: why the worst infrastructure gets built—and what we can do about it // Oxford Review of Economic Policy. 2009. Vol. 25. No. 3. Pp. 344–367. DOI: 10.1093/oxrep/grp024.
2. Ansar A., Flyvbjerg B., Budziszewski A., Lunn D. Should we build more large dams? The actual costs of hydropower megaproject development // Energy Policy. 2014. Vol. 69. Pp. 43–56. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.10.069.
3. Espinoza R.A., Presbitero A.F. Delays in public investment projects // International Economics. 2022. Vol. 172. Pp. 297–310. DOI: 10.1016/j.inteco.2021.10.002.
4. Flyvbjerg B. Top ten behavioral biases in project management: An overview // Project Management Journal. 2021. Vol. 52. No. 6. Pp. 531–546. DOI: 10.1177/87569728211049046.
5. Korytářová J., Hromádka V. Risk Assessment of Large-Scale Infrastructure Projects—Assumptions and Context // Applied Sciences. 2021. Vol. 11. No. 1. Art. 109. DOI: 10.3390/app11010109.
6. Robinson J.A., Torvik R. White elephants // Journal of Public Economics. 2005. Vol. 89. No. 2–3. Pp. 197–210. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2004.05.004.
7. Gurara D., Kpodar K., Presbitero A.F., Tessema D. On the capacity to absorb public investment: How much is too much? // World Development. 2021. Vol. 145. Art. 105525. DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105525.
8. Sleesman D.J., Lennard A.C., McNamara G., Conlon D.E. Putting Escalation of Commitment in Context: A Multilevel Review and Analysis // Academy of Management Annals. 2018. Vol. 12. No. 1. Pp. 178–207. DOI: 10.5465/annals.2016.0046.
9. Cantarelli C.C., Flyvbjerg B. Mega-projects' cost performance and lock-in: problems and solutions // International Handbook on Mega-Projects / eds. H. Priemus, B. Flyvbjerg, B. van Wee. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. Pp. 333–355. DOI: 10.4337/9781781002308.00023.
10. Juarez Cornelio J.R., Sainati T., Locatelli G. Digging in the megaproject's graveyard: Why do megaprojects die, and how to check their health? // International Journal of Project Management. 2023. Vol. 41. No. 6. Art. 102501. DOI: 10.1016/j.ijproman.2023.102501.
11. Золотарева А.Б. Проблемы и пути совершенствования правового регулирования государственных инвестиций в России // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 4. С. 8–26. [Zolotareva A.B. Problems and Methods of Improving the Legal Regulation of Public Investment in Russia // Financial Journal. 2023. Vol. 15. No. 4. Pp. 8–26. (In Russ.).] DOI: 10.31107/2075-1990-2023-4-8-26. EDN: MJNYWP.

12. Wagner R.F., Radujkovic M. Effects of lagging projectification in the public sector on realizing infrastructure projects // Organization, Technology and Management in Construction. 2022. Vol. 14. No. 1. Pp. 2559–2570. DOI: 10.2478/otmcj-2022-0002.
13. Dabla-Norris E., Brumby J., Kyobe A., Mills Z., Papageorgiou C. Investing in public investment: an index of public investment efficiency // Journal of Economic Growth. 2012. Vol. 17. No. 3. Pp. 235–266. DOI: 10.1007/s10887-012-9078-5.
14. Никишина О.В., Никишина О.Б. Незавершенное строительство: причины возникновения и возможные пути решения // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2015. № 4(15). С. 83–91. [Nikishina O.V., Nikishina O.B. Unfinished Building: Causes of Occurrence and Possible Ways of Solution // News of Universities. Investments. Construction. Real Estate. 2015. No. 4(15). Pp. 83–91. (In Russ.).] EDN: VHRCJ.
15. Zagia F., Kajewski S., Omrani S., Motamedisadeh O. Prioritizing the Key Causes of Construction Project Delay in Different Countries: A Cross-Sectional Analysis of Different Project Types // International Journal of Construction Management. 2025. Pp. 1–26. DOI: 10.1080/15623599.2025.2568103.
16. Pujadas P., Pardo-Bosch F., Aguado A., Aguado A.M. MIVES multi-criteria approach for the evaluation, prioritization, and selection of public investment projects. A case study in the city of Barcelona // Land Use Policy. 2017. Vol. 64. Pp. 29–37. DOI: 10.1016/j.landusepol.2017.02.014.
17. Гаврилин Е.В., Гаврилин А.Е. Направления и способы управления процессом сокращения объектов незавершенного строительства в промышленности // Управленческие науки. 2022. Т. 12. № 1. С. 56–65. [Gavrilin E.V., Gavrilin A.E. Ways and Methods of Managing Reduction of Unfinished Construction Projects in Industry // Management Sciences. 2022. Vol. 12. No. 1. Pp. 56–65. (In Russ.).] DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-1-56-65. EDN: ATBGQL.
18. Raydugin Y. Adequate Quantification of Project Cost Risks: Introduction of Non-Linear Probabilistic Monte Carlo Technique // International Journal of Risk and Contingency Management. 2018. Vol. 7. No. 4. Pp. 1–20. DOI: 10.4018/IJRCM.2018100101.
19. Беляков И.В. О количественной оценке рисков инфраструктурных проектов с государственным участием // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 4. С. 30–60. [Belyakov I.V. On Quantitative Risk Assessment of Infrastructural Projects with State Participation // Public Administration Issues. 2022. No. 4. Pp. 30–60. (In Russ.).] DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-4-30-60. EDN: PBPZNT.
20. Тихонов Ю.П. Об оценке потерь от замораживания капитальных вложений // Экономика строительства. 2018. № 3(51). С. 66–77. [Tikhonov Yu.P. Evaluating the Losses from Freezing of Capital Investments // Construction Economics. 2018. No. 3(51). Pp. 66–77. (In Russ.).] EDN: UQCREK.
21. Korytárová J., Hromádka V., Federla J. Impacts of Determining Economic Life of Large-Scale Infrastructure Projects on Their Economic Effectiveness // Frontiers in Built Environment. 2022. Vol. 8. Art. 908300. DOI: 10.3389/fbuil.2022.908300.
22. Блохин А. Экономика ненужной продукции (институциональные особенности кругооборота потерь) // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 1. С. 7–40. [Blokhin A. Economy of Unnecessary Output (Institutional Characteristics of the Circuit of Losses) // Economic Policy. 2015. Vol. 10. No. 1. Pp. 7–40. (In Russ.).] EDN: TIRQEP.

23. Власов С.А., Синяков А.А. Эффективность государственных инвестиций и выводы для денежно-кредитной политики в России // Вопросы экономики. 2020. № 9. С. 22–39. [Vlasov S.A., Sinyakov A.A. Public Investment Efficiency and Monetary Policy Consequences: The Case of Investment Ratio Enhancing Policy in Russia // Voprosy Ekonomiki. 2020. No. 9. Pp. 22–39. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2020-9-22-39. EDN: FTKVIK.
24. Курочкина В.А. Влияние объектов незавершенного строительства и промышленных территорий на геоэкологию городов и развитие депрессивных пространств // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 6. [Kurochkina V.A. The Impact of Long-Term Construction Subjects and Industrial Areas on the Geoecology of Cities and Development of Depressed Urban Spaces // The Eurasian Scientific Journal. 2020. Vol. 12. No. 6. (In Russ.).] DOI: 10.15862/36NZVN620. EDN: HBDDUL.
25. Müller-Mahn D., Kioko E.M., Aalders T. Ghost projects and the ambiguity of infrastructure development // Third World Quarterly. 2026. Vol. 47. No. 1. Pp. 1–7. DOI: 10.1080/01436597.2025.2610335.
26. International Monetary Fund. PIMA Handbook: Public Investment Management Assessment. 1st edition. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022. DOI: 10.5089/9781513571829.071.
27. Тимофеева О.И. О понятии бюджетной открытости (прозрачности) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 2. С. 71–92. [Timofeeva O.I. On the Concept of Budget Openness (Transparency) // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 2. Pp. 71–92. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_71_92. EDN: LKRVWT.

Дата поступления рукописи: 08.06.2026 г.

Дата принятия к публикации: 13.08.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофеева Ольга Ивановна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра мониторинга открытости бюджетов Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации; доцент Кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9255-4753

t749749@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Timofeeva – Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Fellow, Center for Monitoring Budget Openness, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9255-4753

t749749@gmail.com

DIAGNOSIS OF INVESTMENT CYCLE DEVIATIONS IN UNFINISHED CONSTRUCTION PROJECTS IN THE PUBLIC SECTOR¹²

The effectiveness of budget investments is largely determined by the structure of capital expenditures and the allocation of resources across investment projects at different stages of their implementation. In this context, particular importance is attached to the analysis of unfinished construction as a collection of unfinished projects, making it possible to diagnose deviations in the investment cycle and assess their prevalence from the perspective of budget efficiency. The study aims to develop and test an approach to assessing the structure of unfinished construction based on the classification of its projects. The methodology is based on budget reporting data and formalized criteria characterizing project status and investment cycle parameters. An empirical analysis of data from eight constituent entities of the Russian Federation shows that only 27,6% of investment projects are implemented without significant deviations, while these projects account for 36,7% of total expenditures incurred. The majority of the analyzed unfinished construction projects either exhibit various forms of investment cycle deviations or lack sufficient information for assessment. The proposed approach transforms budget reporting data from an accounting tool for capital construction projects into a tool for managing unfinished construction from the perspective of budget efficiency.

Keywords: *unfinished construction, capital construction projects, investment cycle, investment cycle deviations, budget investment, budget reporting, management decision-making.*

JEL: H54, H61, H83.

¹² The author would like to thank the reviewer and the academic editor for their insightful comments and recommendations, which contributed to improving the article.

ФИНАНСЫ

А.В. МИЛЕНКОВ

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры мировых финансовых рынков
и финтеха Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

С.В. ФРУМИНА

кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой мировых финансовых рынков
и финтеха Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова; доцент кафедры общественных финансов
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ФИНАНСОВОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ИИ: ОТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ АСИММЕТРИИ К НОВЫМ РИСКАМ И РЕГУЛЯТОРНЫМ ВЫЗОВАМ

В статье анализируется инициатива Банка России по созданию специализированного ИИ-агента для подбора финансовых продуктов, анонсированная в апреле 2026 г. Исследуются архитектурные и регуляторные подходы к внедрению агентных систем в финансовое консультирование. На основе синтеза зарубежных и российских исследований рассматривается экономическая природа ИИ-посредничества как механизма преодоления информационной асимметрии, который одновременно порождает новые вызовы: технические уязвимости алгоритмов, институциональные риски, манипуляцию интересами пользователей, латентность рынка и проблему распределения ответственности. Особое внимание уделяется эволюции регуляторных подходов за рубежом, выявлению факторов, определяющих успешность внедрения агентных систем, а также анализу мировых прецедентов. Предложена классификация уровней зрелости ИИ-финансовых посредников. Сформулированы рекомендации по управлению ИИ-агентом, направленные на обеспечение баланса между технологической автономией, фидуциарной ответственностью и конкурентной нейтральностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ-агент, финансовое консультирование, информационная асимметрия, Банк России, технические риски ИИ, поведенческие риски, латентность рынка, ответственность за рекомендации ИИ.

УДК: 336.7, 004.8

EDN: NICHNS

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_70_95

Введение

В апреле 2026 г. на форуме «ТОЛК», организованном одним из крупнейших российских банков, председатель Центрального банка Российской Федерации Э. Набиуллина анонсировала создание специализированного финансового консультанта (агента) на основе искусственного интеллекта для подбора финансовых продуктов (далее – ИИ-агент). Ключевым условием данного проекта ЦБ РФ назвал полную независимость ИИ-агента от продавцов финансовых продуктов¹. Данная инициатива отражает глобальный тренд трансформации финансового посредничества под воздействием технологий искусственного интеллекта (ИИ), который все чаще рассматривается как инструмент преодоления информационной асимметрии и снижения транзакционных издержек.

Согласно оценкам CFA Institute, архитектура для автономных действий уже существует: BlackRock's Aladdin управляет более \$21 трлн долл. США активов, а Man Group развернула AlphaGPT – агентную ИИ-систему для генерации торговых стратегий². Однако технологическая сложность не гарантирует повышения благосостояния потребителей. В агентных системах критическое значение приобретает не сделка, а дизайн системы – ограничители, пороговые значения и правила эскалации. Соответственно, *вопрос ответственности смещается с уровня исполнения на уровень архитектуры*.

Внедрение ИИ-агентов в финансовое консультирование, несмотря на очевидные преимущества в скорости и доступности, порождает целый ряд принципиально новых вызовов. Среди них – технические риски, такие как «галлюцинации» больших лингвистических моделей (LLM), атаки с отравлением данных (data poisoning attack)³ и неконтролируемый дрейф концепции (concept drift)⁴, которые при этом дополняются и институциональными проблемами. Последние свя-

¹ T-Investments. ТОЛК 2026: Границы между финансовым и нефинансовым секторами размываются. Т-Банк. Инвестиции. 1 апреля 2026 г. <https://www.tbank.ru/invest/social/profile/T-Investments/tolk-2026-granicy-mezhdu-finansovym-i-nefinansovym-sektorom-razmyvayutsya/?author=profile> (дата обращения: 02.04.2026).

² CFA Institute. When AI Trades, Who Is Responsible? March 22 2026 г. <https://rpc.cfainstitute.org/blogs/enterprising-investor/2026/when-ai-trades-who-is-responsible> (дата обращения: 10. 04. 2026).

³ Намеренное внедрение искаженных или вредоносных образцов в обучающую выборку, чтобы модель усвоила неверные закономерности.

⁴ Изменение зависимости между характеристиками объекта (входными признаками) и правильным ответом, из-за которого ранее обученная и не доработанная с учетом этого фактора модель со временем начинает систематически ошибаться, даже если распределение входных данных не изменилось.

заны с ловушкой принципала-агента [15], возникающей из-за конфликта интересов между банками-продавцами (принципалами), разрабатывающими ИИ-агента, и потребителями, чьи интересы он призван защищать. Кроме того, существует риск трансформации рыночной власти (латентность рынка), при котором контроль над дизайном алгоритма ранжирования может стать инструментом нетарифного регулирования. Указанные угрозы усугубляются отсутствием правовой определенности в вопросах распределения ответственности за возможный ущерб, причиненный рекомендациями ИИ.

Несмотря на растущее число исследований, посвященных отдельным аспектам применения ИИ в финансах (кибербезопасность, манипуляция поведением, регуляторный арбитраж), системный анализ институционального дизайна, балансирующего между автономией алгоритма, защитой прав потребителей и конкурентной нейтральностью, остается не завершенным [5]. Особенно это касается национальных инициатив, подобных проекту Банка России, реализующихся в уникальной российской институциональной среде.

Цель настоящей статьи – с помощью системного анализа инициативы по созданию ИИ-агента для подбора финансовых продуктов, рассматриваемой в контексте экономической теории финансового посредничества, выявить риски, определить этапы развития и разработать принципы управления и распределения ответственности за рекомендации, предлагаемые ИИ.

Обзор литературы

Академический дискурс о внедрении искусственного интеллекта в финансовое консультирование формируется на стыке нескольких научных направлений: экономической теории финансового посредничества, институциональной экономики, исследований в области поведенческих финансов и институционального регулирования.

Классические работы, объясняющие природу финансовых посредников как институционального ответа на проблемы информационной асимметрии и трансакционных издержек, развили базовые теоретические положения, способствующие пониманию платформенной экономики [12; 18]. При этом некоторые современные исследования [13] спроецировали существующие положения применительно к ИИ-посредничеству, предлагая классификацию уровней зрелости ИИ-финансовых посредников. В целом функциональное содержание финансового посредничества, по мнению некоторых авторов [3], существенно расширилось, а современные теории рассматривают посредников как системообразующие элементы, обеспечивающие стабильность и развитие финансовой системы.

Работы по цифровой трансформации финансового сектора фокусируются на анализе угроз финансовой стабильности, возникающих при появлении новых институтов (криптовалюты, цифровые валюты), и на необходимости пересмотра макропруденциального регулирования [1; 9; 11]. Вклад в осмысление процесса цифровой трансформации финансовой сферы также вносят труды, содержащие комплексный анализ фундаментальных изменений в денежно-финансовой сфере, вызванных цифровизацией [4; 6; 10].

Вопросы правового регулирования ИИ-консультантов активно разрабатываются в зарубежной литературе. В частности, можно отметить анализ эволюции подхода Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC – Securities and Exchange Commission) к регулированию прогнозной аналитики данных, демонстрирующий переход от попыток категорического запрета конфликтов интересов к системе, основанной на прозрачности, рыночной дисциплине и пресечении мошенничества, проведенный в 2025 г. [20]. В центре дискуссии находится проблема распространения фидуциарной обязанности на алгоритмические системы. Зарубежные исследователи отмечают, что существующие правила, разработанные исходя из того, что консультантом является человек, не учитывают фундаментальное неравенство сил между инвесторами и платформами, а также новые формы конфликтов интересов, вызванные ИИ-сервисами [16].

Новым направлением, формирующемся в академической литературе, является исследование поведенческих аспектов взаимодействия человека с ИИ-советниками. В работах, посвященных феномену «геймификации» [17], анализируются риски эксплуатации когнитивных уязвимостей пользователей через игровые механики интерфейсов. Эмпирические исследования регуляторов⁵ подтверждают, что генеративные ИИ-чаты могут давать противоречивые, неполные или откровенно неверные финансовые советы, что создает угрозу для потребителей. В российской литературе данный комплекс рисков систематизирован в работе Д.А. Кочергина, который выделяет риски кибербезопасности, дискриминации, «отравления данных» и «галлюцинаций» LLM [6].

Наименее разработанной областью является проблема распределения ответственности за ошибки ИИ-агентов. Международные прецеденты демонстрируют, что регуляторы пока возлагают ответственность на компании – разработчики алгоритмов, но эти случаи касаются в основ-

⁵ FCA (Financial Conduct Authority). Money talks: Lessons from 2 LLM pilots on consumer guidance (Research Note). 28 May 2025. <https://www.fca.org.uk/publications/research-notes/money-talks-lessons-2-llm-pilots-consumer-guidance> (дата обращения: 12.04.2026).

ном вводящих в заблуждение заявлений (AI-washing)^{6,7}. Вопрос о том, как распределить ответственность между оператором платформы, разработчиком алгоритма и поставщиками данных в случае реального ущерба от работы автономного ИИ-агента, остается открытым.

Настоящая работа дополняет существующие исследования по нескольким направлениям. Во-первых, она адаптирует зарубежные концепции уровней зрелости ИИ-финансовых посредников к российскому институциональному контексту. Во-вторых, систематизирует риски внедрения ИИ-агента. В-третьих, предлагает конкретные принципы управления ИИ-агентом, включая распределение ответственности.

Теоретические основы

Экономическая природа финансового консультирования. Как отмечают зарубежные исследователи, на финансовых рынках принятие решений часто ограничено информационной асимметрией, когда одна сторона обладает превосходным знанием о продуктах, рисках или ценах, что создает проблемы неблагоприятного отбора и морального риска [13]. В российской науке теория финансового посредничества также получила развитие в работах, систематизирующих эволюцию научных взглядов на этот институт. В частности, некоторые авторы обобщают три классических подхода к объяснению природы финансовых посредников: трансформационный (преобразование активов по срокам, рискам и ликвидности), транзакционный (снижение издержек взаимодействия между кредиторами и заемщиками) и информационный (преодоление асимметрии информации) [3]. Отмечается, что в условиях цифровизации значение информационного подхода возрастает, а появление новых технологических решений трансформирует традиционные формы посредничества [2], что согласуется с современными представлениями о развитии ИИ-агентов в финансовой сфере.

Традиционные финансовые консультанты выполняли функцию «переводчиков» сложности, снижая издержки поиска, мониторинга и соблюдения регуляторных требований. Однако традиционная

⁶ Retail & Consumer Products Law Observer. (2026). FTC Updates (March 2-6, 2026). Columbia Law School. 9 March 2026. <https://www.retailconsumerproductslaw.com/2026/03/ftc-updates-march-2-6-2026/> (дата обращения: 22.04.2026).

⁷ SEC (U.S. Securities and Exchange Commission). In the Matter of Rimar Capital USA, Inc., Rimar Capital, LLC, Itai Royi Liptz, and Clifford Todd Boro. Admin. Proc. File No. 3-22236. 10 October, 2024. <https://www.sec.gov/enforcement-litigation/distributions-harmed-investors/rimar-capital-usa-inc-rimar-capital-llc-itai-royi-liptz-clifford-todd-boro> (дата обращения: 29.04.2026).

модель консультирования сама порождает системные уязвимости. Выделяются три ключевых недостатка человеческого консультирования: рассогласование стимулов через комиссионно-ориентированные продажи, субъективные искажения в суждениях и ограниченную масштабируемость, которая сужает возможности для доступа к профессиональным консультациям [13]. Именно эти уязвимости призваны преодолеть алгоритмические системы.

Однако алгоритмические решения, устраняя одни проблемы, порождают новые, специфические для самой технологии. Если ошибка человека-консультанта локальна и индивидуальна, то алгоритм, обученный на данных, содержащих системные искажения, будет транслировать их во всех своих решениях, многократно усиливая эффект. В отличие от традиционного человеческого консультирования здесь возникают риски, связанные с масштабированием ошибок, заложенных на этапе обучения модели. Это порождает качественно новые угрозы, ранее в практике финансового консультирования не встречавшиеся.

Фидуциарная обязанность как нормативный ориентир. Фидуциарная обязанность, закрепленная в американском Законе об инвестиционных консультантах⁸, опирается на два ключевых элемента: обязанность заботы (duty of care) и обязанность лояльности (duty of loyalty). Согласно разъяснению SEC⁹ и анализу экспертов Columbia Law School [20], именно обязанность лояльности накладывает на консультанта требование ставить интересы клиента выше собственных и урегулировать все возможные конфликты интересов, которые могут повлиять на объективность его рекомендаций. Типичный способ такого урегулирования – это полное и прозрачное раскрытие информации, позволяющее клиенту принять осознанное решение. Фидуциарный стандарт не ограничивается моментом рекомендации и сохраняет силу в течение всего срока взаимодействия, что предъявляет особые требования к системам ИИ-консультирования в части непрерывного контроля качества предлагаемых решений.

Агентный ИИ: сдвиг ответственности на архитектуру. Различие между традиционными алгоритмами и современными агентными системами ИИ принципиальное: традиционные алгоритмы и анали-

⁸ U.S. Congress. (1940). Investment Advisers Act of 1940. Public Law 76-768, 15 U.S.C. §§ 80b-1 et seq. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2023-title15/pdf/USCODE-2023-title15-chap2D-subchapII.pdf> (дата обращения: 22.04.2026).

⁹ SEC (U.S. Securities and Exchange Commission). (2019). Commission Interpretation Regarding Standard of Conduct for Investment Advisers. Release No. IA-5248. July 12 2019. <https://www.federalregister.gov/documents/2019/07/12/2019-12208/commission-interpretation-regarding-standard-of-conduct-for-investment-advisers> (дата обращения: 02.05.2026).

тика предоставляют информацию для принятия решений, тогда как агентный ИИ исполняет их. Эти системы не просто рекомендуют – они оценивают, принимают решения и действуют в рамках заранее определенных ограничений¹⁰. Этот сдвиг имеет фундаментальные последствия для распределения ответственности. В традиционной модели решение равно сделке: человек инициирует действие, ответственность зафиксирована в точке исполнения. В агентных системах решение равно дизайну системы: система инициирует действие, ответственность перемещается на архитектуру, то есть агентный ИИ не устраняет подотчетность, а перемещает ее.

Инициатива Банка России

ИИ-агент как инструмент преодоления асимметрии. Инициатива Банка России исходит из корректной диагностики проблемы: сложность финансовых продуктов и асимметрия информации между продавцами и потребителями создают системные угрозы. Председатель Банка России Э. Набиуллина на форуме «ТОЛК» отметила, что платформенная экономика и экосистемы будут развиваться дальше и новые технологии способны снизить издержки и повысить прозрачность финансовых услуг. Однако для реализации этого потенциала необходимо обеспечить, чтобы потребители в полной мере получали благо от технологического прогресса¹¹. Это соответствует современным представлениям о потенциале ИИ в финансовом секторе.

Следует отметить, что в отличие от сегмента профессиональных консультационных услуг для бизнеса, автоматизированное финансовое консультирование для населения пока не получило в России широкого распространения. При этом глобальный рынок робоэдвайзинга, по прогнозам Research and Markets, к 2029 г. может вырасти до 470,9 млрд долл. США¹².

Нормативная база Банка России в сфере ИИ. Инициатива по созданию ИИ-агента для подбора финансовых продуктов формируется

¹⁰ CFA Institute. When AI Trades, Who Is Responsible? March 22 2026. <https://rpc.cfainstitute.org/blogs/enterprising-investor/2026/when-ai-trades-who-is-responsible> (дата обращения: 02.05.2026).

¹¹ T-Investments. ТОЛК 2026: Границы между финансовым и нефинансовым секторами размываются. Т-Банк. Инвестиции. 1 апреля 2026 г. <https://www.tbank.ru/invest/social/profile/T-Investments/tolk-2026-granicy-mezhdu-finansovym-i-nefinansovym-sektorom-razmyvayutsya/?author=profile> (дата обращения: 02.04.2026).

¹² Reuters. (2025, September 25). 'ChatGPT, what stocks should I buy?' AI fuels boom in robo-advisory market. CNBC TV18. <https://www.cnbc.tv18.com/technology/chatgpt-what-stocks-should-i-buy-ai-fuels-boom-in-robo-advisory-market-19690479.htm> (дата обращения: 02.05.2026).

в контексте сложившейся нормативной среды, которую Банк России выстраивает с 2025 г. Регулятор последовательно придерживается подхода «мягкого регулирования» в сфере искусственного интеллекта, что находит отражение в принятых документах.

Основой нормативной базы для ИИ-агента можно считать «Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке»¹³, разработанный Банком России в июле 2025 г. Документ, носящий рекомендательный характер, декларирует принципы человекоцентричности, прозрачности и ответственного управления рисками. Параллельно ЦБ РФ запустил регулятивную «песочницу» для тестирования ИИ-решений в контролируемых условиях, подтверждая, что использование ИИ не снимает с финансовых организаций ответственности за права клиентов.

Показательно, что ЦБ РФ осознает границы использования технологий. Так, в мае 2025 г. Э. Набиуллина в своем выступлении на форуме подчеркнула, что ИИ не заменит человека в стратегических вопросах, особенно в макроэкономическом анализе и прогнозировании. В то же время регулятор видит потенциал ИИ в повышении прозрачности, снижении издержек и улучшении клиентского опыта¹⁴.

Таким образом, к моменту анонсирования ИИ-агента Банк России уже сформировал нормативный фундамент: закреплены этические принципы, определены требования к информированию клиентов, созданы механизмы тестирования и зафиксирована ответственность организаций. Однако эти документы носят рекомендательный характер и не содержат жестких требований к архитектуре независимых ИИ-агентов, что оставляет пространство для дальнейшей их конкретизации в рамках рассматриваемой инициативы.

Международный контекст. В 2023 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) вынесла на обсуждение проект правил «Конфликты интересов, связанные с использованием прогнозной аналитики данных брокерами-дилерами и инвестиционными консультантами»¹⁵. Проект предлагал обязать посредников выявлять любые конфликты

¹³ Банк России. Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке: Информационное письмо от 09.07.2025 № ИН-016-13/91. <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10045> (дата обращения: 02.05.2026).

¹⁴ Известия. Набиуллина рассказала о применении ИИ в работе Банка России. 20 мая 2025. <https://iz.ru/1889213/2025-05-20/nabiullina-rasskazala-o-primenenii-ii-v-rabote-banka-rossii> (дата обращения: 02.04.2026).

¹⁵ SEC (U.S. Securities and Exchange Commission). (2023). Conflicts of Interest Associated with the Use of Predictive Data Analytics by Broker-Dealers and Investment Advisers. Proposed Rule Release No. 34-97990. <https://www.federalregister.gov/documents/2023/08/09/2023-16377/conflicts-of-interest-associated-with-the-use-of-predictive-data-analytics-by-broker-dealers-and> (дата обращения: 22.04.2026).

интересов, связанные с использованием «охватываемых технологий» («аналитическая, технологическая или вычислительная функция, алгоритм, модель, корреляционная матрица или аналогичный метод или процесс, который оптимизирует, предсказывает, направляет, прогнозирует или определяет инвестиционное поведение или результаты инвестора»), и затем устранять или нейтрализовывать их, фактически исключая раскрытие информации как способ урегулирования конфликта. Критики проекта SEC указывали на неоправданную широту определения «охватываемых технологий», разрыв с устоявшейся практикой раскрытия информации и заниженную оценку издержек [20], и в июне 2025 г. SEC отозвала проект¹⁶.

Альтернативный подход предлагает гибкую трехкомпонентную систему: прозрачность, рыночную дисциплину и жесткое пресечение мошенничества [20]. Наглядным примером служит «дело Cleo AI». В январе 2026 г. FTC оштрафовала компанию на \$17 млн долл. США за ложные обещания ИИ-бота по экономии средств и за использование игровых механик, которые подталкивали пользователей к накоплениям, но затрудняли вывод денег¹⁷. Это дело демонстрирует, что регуляторы квалифицируют геймификацию как нарушение прав потребителей.

Другой ценный опыт связан с пилотными проектами FCA в Великобритании в 2025 г. с использованием GPT-3.5 и GPT-4¹⁸. Они показали, что LLM хорошо упрощают финансовые концепции для неопытных пользователей, но их эффективность сильно зависит от контекста, а проверка результатов требует сочетания автоматизации и человеческого контроля. FCA также зафиксировала высокий спрос на ИИ-ассистентов.

В том же году SEC привлекла к ответственности компании Delphia и Global Predictions за «AI-вошинг», т. е. за введение клиентов в заблуждение ложными заявлениями об использовании ИИ. Фирмы заявляли, что «активно используют ИИ» и «полагаются на ИИ», в то время как на

¹⁶ SEC (U.S. Securities and Exchange Commission). Conflicts of Interest Associated with the Use of Predictive Data Analytics by Broker-Dealers and Investment Advisers; Withdrawal. Release No. 34-97990; IA-6279. June 12 2025. <https://www.sec.gov/rules-regulations/2025/06/s7-12-23> (дата обращения: 21.04.2026).

¹⁷ Retail & Consumer Products Law Observer. FTC Updates (March 2-6, 2026). Columbia Law School. 9 March 2026. <https://www.retailconsumerproductslaw.com/2026/03/ftc-updates-march-2-6-2026/> (дата обращения: 22.04.2026).

¹⁸ FCA (Financial Conduct Authority). Money talks: Lessons from 2 LLM pilots on consumer guidance (Research Note). 28 May 2025. <https://www.fca.org.uk/publications/research-notes/money-talks-lessons-2-llm-pilots-consumer-guidance> (дата обращения: 22.04.2026).

самом деле не применяли таких технологий¹⁹. Этот случай иллюстрирует растущий интерес к достоверности заявлений об использовании ИИ и важность их регуляторной проверяемости.

Перспективы развития финансового консультирования и дорожная карта

Демократизация, макропруденциальный анализ и технологический суверенитет. Зарубежные исследователи отмечают, что робоэдвайзеры продемонстрировали потенциал алгоритмических инструментов для демократизации доступа к инвестиционным консультациям, повышения эффективности за счет автоматизации и обеспечения дисциплины в ребалансировке портфелей [13]. Отечественный проект, при условии обеспечения независимости, может существенно расширить доступ к финансовому консультированию для населения, особенно для сегментов, которые традиционно не обслуживаются человеческими консультантами из-за низкой маржинальности, что в терминах концепции финансового развития отвечает расширению финансовой доступности [7]. Это позволит снизить социальное неравенство в доступе к качественным финансовым услугам и повысить финансовую грамотность широких слоев населения.

ИИ-агент, агрегирующий информацию о поведении потребителей, может стать источником ценных данных для макропруденциального анализа, позволяя Банку России более точно оценивать угрозы, связанные с поведенческими факторами. Результаты эмпирических исследований подтверждают, что нейронные сети способны выделять из «шума» социальных сетей индикаторы коллективных настроений, коррелирующие с будущей волатильностью торговой активности и прогнозировать ее иррациональные всплески [19].

Разработка собственного ИИ-агента выходит за рамки технологического эксперимента и приобретает стратегическое значение. В условиях санкционных ограничений появление отечественного ИИ-решения обеспечивает снижение зависимости от иностранных сервисов в критической финансовой инфраструктуре. Более того, адаптация алгоритмов к национальной специфике (налогообложение, валютное регулирование) может повысить их релевантность для российских потребителей. Кроме того, создание суверенного ИИ-агента

¹⁹ Herbert Smith Freehills. SEC Takes Action Against 'AI Washing,' Fines Two Investment Advisers for Misrepresenting Artificial Intelligence Use. HSF Kramer Blog. 26 June 2025. <https://www.hsfkramer.com/insights/2024-03/sec-takes-action-against-ai-washing-fines-two-investment-advisers-for-misrepresenting-artificial-intelligence-use> (дата обращения: 29.04.2026).

может стимулировать развитие национальной школы в области финансового ИИ и подготовку профильных кадров. Таким образом, инициатива Банка России представляет собой не только инструмент защиты прав потребителей, но и проект, связанный с укреплением технологического суверенитета России в финансовой сфере.

Дорожная карта: уровни зрелости ИИ-агента. На основе предложенной некоторыми исследователями классификации ИИ-финансовых посредников можно выделить этапы развития отечественной инициативы (см. табл.).

Таблица

Уровни зрелости ИИ-агента

Уро- вень	Название	Характеристика	Возможный целевой горизонт для России
1	Калькулятор	Предоставление информации в унифицированном формате, отсутствие персонализации	Реализован
2	Рекомен- дательная система	Персонализированные варианты на основе профиля клиента	Реализован (коммерческие агрегаторы); для инициативы ЦБ РФ – адаптация под требования независимости
3	Агент с ограни- ченными полномочиями	Автоматические действия в рамках заданных ограничений, разделение полномочий	Частично реализован (отдельные банки); для инициативы ЦБ РФ – адаптация под требования независимости, тиражирование и стандартизация
4	Адаптивный планировщик	Учет изменений внешней среды	Перспективный уровень
5	Интеллекту- альный пла- нировщик	Предвосхищение потребностей клиента	Долгосрочная перспектива

Источник: составлено авторами на основе: [13].

Анализируя таблицу, можно сказать, что уровни 2 и 3 уже в значительной степени реализованы на российском рынке коммерческими агрегаторами и отдельными банками. Уникальность инициативы Банка России заключается не в создании технологии «с нуля», а в обеспечении независимости от продавцов финансовых продуктов, в создании системы сдержек и противовесов и достижении системной значимости (массовое использование ИИ-агента – инициативы Банка Рос-

сии, выступающего в качестве официального канала рекомендаций по финансовому консультированию). По нашему мнению, достижение более высоких уровней зрелости ИИ-агента (4–5) потребует не только повышения уровня развития информационно-коммуникационных технологий, но и решения ряда институциональных проблем, включая когнитивную независимость, устойчивое финансирование и нормативно закреплённую ответственность.

Анализ рисков внедрения ИИ-агента

Технические риски и угрозы внешней зависимости. Внедрение ИИ-агента сопряжено с рядом *технических рисков*, присущих алгоритмическим системам. В широком контексте цифровой трансформации финансового сектора эти уязвимости становятся частью системных вызовов, требующих переосмысления устоявшихся подходов к регулированию и управлению рисками [10]. В качестве главных возможных технических рисков выделим следующие.

Риск дрейфа управления. Прецедент Two Sigma Investments, урегулировавшей претензии SEC на \$90 млн долл. США после того, как исследователь в течение почти четырех лет модифицировал торговые алгоритмы без адекватного контроля, иллюстрирует ключевую угрозу агентных систем – постепенное расширение автономии алгоритма без соответствующей эволюции надзора²⁰. Аналогичные выводы представлены в обзоре Управления по финансовому поведению Великобритании (FCA). В 2025 г. регулятор выявил устойчивые слабости, такие как устаревшие политики, нечеткие структуры подотчетности и недостаточное тестирование в фирмах, использующих алгоритмический трейдинг²¹.

Риски, связанные с качеством и безопасностью данных. Российские эксперты отмечают, что внедрение ИИ в финансовой сфере порождает комплекс технических рисков, связанных с данными и алгоритмами: генеративные модели расширяют возможности злоумышленников по созданию фишинговых писем, вредоносного ПО и захвату устройств, что создает угрозу кражи данных, вымогательства и мошенничества; алгоритмы способны воспроизводить и усиливать искажения из исходных данных, что ведет к дискриминации; возможны атаки

²⁰ CFA Institute. When AI Trades, Who Is Responsible? 22 March, 2026. <https://rpc.cfainstitute.org/blogs/enterprising-investor/2026/when-ai-trades-who-is-responsible> (дата обращения: 22.04.2026).

²¹ FCA (Financial Conduct Authority). Multi-firm review of algorithmic trading controls: high-level observations. 21 August, 2025. <https://www.fca.org.uk/publications/multi-firm-reviews/algorithmic-trading-controls-high-level-observations> (дата обращения: 12.04.2026).

с отравлением данных, когда злоумышленники вмешиваются в обучающие выборки; генеративные модели подвержены «галлюцинациям» – генерации правдоподобных, но неверных ответов [6].

Риск устаревания данных. При централизованной инфраструктуре (например, если агент работает на мощностях ЦБ РФ) возникает угроза задержек в обновлении информации. В высокочастотной рознице (вклады, кредитные карты) условия могут меняться достаточно часто, и централизованный агент рискует предлагать пользователям предложения, которые уже недоступны или изменились, что подрывает доверие к системе.

Использование зарубежных ИИ-решений в финансовой сфере создает дополнительные геополитические риски (*риски внешней зависимости*): несанкционированный доступ к данным граждан, блокировка сервисов из-за санкций и неявные предубеждения в алгоритмах, не соответствующие российским экономическим реалиям.

Институциональные риски и латентность рынка. Ключевая характеристика ИИ-агента, анонсированного Банком России, – его полная независимость от продавцов финансовых продуктов. Однако, как известно, независимость всегда требует устойчивого механизма финансирования, который неизбежно порождает стимулы и ограничения, способствующие реализации специфических институциональных рисков. К ним можно отнести следующие риски.

Риск неопределенности модели финансирования. Отсутствие публично закреплённой модели финансирования усиливает неопределённость и подрывает доверие к проекту.

Риск недоинвестирования. Государственное финансирование чревато риском недоинвестирования, устаревания технологий и потенциальными атаками со стороны участников, теряющих доходы.

Финансирование проекта за счет банков, в свою очередь, порождает классическую ловушку «принципал-агент», когда банки платят за инструмент, который перераспределяет их клиентов к конкурентам. В этой связи можно выделить дополнительные риски.

Риск когнитивной зависимости. Участие банков-продавцов в разработке алгоритма означает, что данные для обучения могут быть неявно смещены в их пользу. Это институциональная проблема, которая возникает каждый раз, когда оценщик (ИИ-агент) создается при участии оцениваемых (банков).

Риск оппортунистического поведения. Банки-участники могут использовать доступ к внутренней логике алгоритма для создания дополнительных конкурентных преимуществ.

Риск саботажа качества данных. Банки будут предоставлять ИИ-агенту упрощенные или «очищенные» версии условий, скрывая реальные подводные камни. При этом формальные требования к рас-

крытию информации могут соблюдаться, но полезность этих данных для качественного анализа ИИ-агентом окажется сниженной.

Таким образом, экономика агента оказывается центральным вопросом устойчивости проекта. Отсутствие ответа на вопрос об источнике финансирования объективности ставит под сомнение любое утверждение о «полной независимости», если оно не подкреплено соответствующей институциональной базой.

Следует отметить, что в исходной формулировке инициативы Банка России ИИ-агент задуман как инструмент защиты прав потребителей и преодоления информационной асимметрии. Однако системный анализ, опирающийся на теорию двухуровневых рынков [12; 18] и на исследования цифровых платформ [14], позволяет выявить долгосрочные *риски латентности рынка* (скрытое свойство рыночной структуры трансформироваться из конкурентной в платформенно-зависимую при достижении ИИ-агентом системной значимости). В отличие от традиционных рынков, где конкуренция происходит преимущественно по цене и качеству, на двухуровневых рынках платформа-посредник может приобрести рыночную власть за счет контроля над взаимодействием между группами пользователей.

Если ИИ-агент станет системным, то есть начнет направлять значимые клиентские потоки, а потребители будут воспринимать его как авторитетный и независимый источник рекомендаций, структура конкуренции на финансовом рынке, по нашему мнению, может претерпеть фундаментальные изменения. Банки могут перестать конкурировать преимущественно условиями и начать конкурировать ранжированием в ИИ-агенте. Как отмечают некоторые исследователи, без четких гарантий цифровые платформы рискуют воспроизвести давние рыночные неэффективности: информационную асимметрию, несогласование стимулов и системную хрупкость [13]. В данном случае риск заключается в том, что ИИ-агент, призванный решить проблему асимметрии, сам становится новой точкой концентрации рыночной власти.

Российские эксперты обращают внимание на близкий по смыслу риск – зависимость от ограниченного числа поставщиков моделей ИИ. Использование многими финансовыми организациями одних и тех же технологических решений и данных приводит к синхронизации принимаемых решений. Различные участники рынка автоматически совершают схожие действия, что создает эффект повышенной волатильности и риска манипуляций [6]. Этот вывод имеет двойственное значение для российской инициативы. С одной стороны, если алгоритмы ИИ-агента будут непрозрачны, он сам станет источником «стадного» поведения банков, когда все начнут действовать одинаково, угадывая алгоритм. С другой стороны, сам факт наличия независимого

государственного агента снижает зависимость банков от иностранных коммерческих ИИ-решений, делая рынок более устойчивым и разнообразным.

Риски латентности рынка имеют два измерения.

Первое измерение – техническое, создающее *риск регуляторного арбитража через алгоритм*. Алгоритм ранжирования ИИ-агента должен опираться на определенные критерии и веса. Если эти критерии не являются абсолютно прозрачными и машиночитаемыми, возникает пространство для «регуляторного арбитража через ИИ»: банки будут оптимизировать свои продукты не под реальные потребности потребителей, а под критерии ранжирования агента. В конечном счете это может привести к ситуации, когда формальные характеристики продукта улучшаются, но реальное качество для потребителя может не расти.

Второе измерение – институциональное, создающее *риск конфликта регуляторных функций*. Как отмечалось выше, в агентных системах критическое решение – это дизайн системы, то есть ограничители, пороговые значения и правила эскалации. Если ИИ-агент становится системным, контроль над его дизайном превращается в инструмент рыночного регулирования, сопоставимый по значимости с денежно-кредитной политикой. Если Банк России окажется в роли оператора алгоритмической системы, которая перераспределяет клиентские потоки, то это создает новые вызовы для самого регулятора. Во-первых, в отличие от коммерческого оператора регулятор не может принимать на себя полную финансовую ответственность за возможные убытки потребителей – это противоречило бы его природе и создавало бы неприемлемые риски для самого ЦБ РФ. Во-вторых, возникает ситуация, когда центральный банк одновременно является и регулятором, устанавливающим правила и осуществляющим надзор, и оператором, управляющим алгоритмом, который эти правила реализует на практике. Это порождает угрозы неопределенности подотчетности (неясно, кто и перед кем отвечает за возможные ошибки) и создает предпосылки для использования алгоритма ранжирования в целях нетарифного регулирования (скрытого перераспределения клиентских потоков в пользу определенных участников рынка). Следовательно, институциональный дизайн ИИ-агента должен исключать саму возможность совмещения регуляторных и операторских функций в одном лице.

Риски поведенческого воздействия и уязвимости данных для макропруденциального анализа. Помимо указанных выше рисков, внедрение ИИ-агента в финансовое консультирование порождает специфическую категорию рисков, связанных с возможностью манипуляции поведением и интересами пользователей (*риски поведенческого*

воздействия). В академической литературе эти риски описываются как «поведенческая эксплуатация» (behavioral exploitation), когда дизайн платформы намеренно использует когнитивные уязвимости пользователей [17], и как «алгоритмическая манипуляция» (algorithmic manipulation) [8; 13].

Некоторые исследователи выделяют три основных канала манипуляции в ИИ-системах финансового консультирования [16], формирующих соответствующие риски.

Риск геймификации интерфейсов. Платформы используют игровые механики (уведомления, анимации, визуальные эффекты, индикаторы успеха) для стимулирования более активного и рискованного поведения пользователей. Зависимость Robinhood от геймифицированных интерфейсов и платы за поток заказов иллюстрирует опасности поведенческой манипуляции: в ходе событий вокруг акций GameStop в 2021 г. тактика вовлечения платформы активно направляла внимание пользователей на волатильные акции, а торговля опционами резко выросла среди неопытных инвесторов [13].

Риск манипуляции через непрозрачное ранжирование. ИИ-агент, даже формально независимый, может использовать методы «подталкивания» пользователя в направлении к определенным продуктам. Если критерии ранжирования не являются абсолютно прозрачными и не утверждены регулятором, возникает риск того, что агент будет систематически предлагать продукты, которые приносят выгоду его разработчикам или партнерам, а не пользователю. В конечном счете это может превратить инструмент защиты потребителя в инструмент «алгоритмического внушения», где пользователь субъективно сохраняет свободу выбора, но фактически следует предопределенной траектории [16].

Риск манипуляции через гиперперсонализацию. ИИ-системы, анализирующие поведение пользователя, могут выявлять его эмоциональные уязвимости (тревожность, склонность к импульсивным решениям, финансовую неграмотность) и использовать их для продвижения продуктов. Отмечается, что клиенты, вовлеченные в неэффективные или неточные взаимодействия с ИИ-агентами, могут терять время, принимать неверные инвестиционные решения, а платформа может извлекать выгоду из эмоционального расстройства инвесторов [16]. В контексте российской инициативы это означает, что даже независимый ИИ-агент, если он не имеет фидуциарной обязанности перед пользователем, может использовать гиперперсонализацию не для защиты интересов клиента, а для максимизации его вовлеченности.

Использование ИИ-агента в качестве источника данных для макропруденциального анализа, рассматриваемое нами выше как возможная перспектива, сопряжено с рядом рисков (*риски использования дан-*

ных для макропруденциального анализа). Как отмечают некоторые эксперты, цифровая трансформация финансового сектора порождает «турбулентность угроз финансовой стабильности», связанную с появлением новых институтов и инструментов, а скорость распространения таких явлений способна дестабилизировать финансовую систему, что требует пересмотра традиционных подходов к оценке системных угроз, не учитываемых в существующих моделях [1].

Риск нерепрезентативности данных. Пользователи ИИ-агента могут составлять специфическую выборку, не отражающую всю совокупность потребителей финансовых услуг. Например, на начальных этапах это могут быть более молодые, финансово грамотные и технологически продвинутые пользователи. Экстраполяция их поведения на всех потребителей может привести к ошибочным выводам о системных рисках.

Риск манипуляции данными со стороны банков. Как отмечалось ранее, у банков есть стимулы к сокрытию ключевых характеристик продуктов. Если ИИ-агент становится источником данных для регулятора, банки могут сознательно искажать информацию, предоставляемую агенту, чтобы повлиять на оценки макропруденциальных рисков в свою пользу.

Риск неправильной интерпретации данных. Сложность алгоритмов ИИ-агента и агрегированных данных может создавать иллюзию точности и объективности. Регулятор, не обладая полным пониманием внутренней логики агента (проблема «черного ящика»), может сделать неверные выводы о корреляциях и причинно-следственных связях, что приведет к принятию ошибочных макропруденциальных мер.

Итак, проведенный анализ рисков внедрения ИИ-агента позволяет выделить шесть ключевых групп: технические, внешние, институциональные, поведенческие, а также риски латентности рынка и использования данных для макропруденциального анализа (см. рис.). Многообразие выявленных угроз обуславливает необходимость комбинированного подхода, объединяющего архитектурные решения, регуляторные нормы и институциональные ограничения. Системный учет всех категорий рисков на этапе проектирования ИИ-агента является необходимым условием его устойчивости и сохранения доверия со стороны потребителей и участников финансового рынка.

Представленная классификация рисков носит качественный характер. Количественная оценка вероятности реализации каждого риска и потенциального экономического ущерба в настоящем исследовании не проводится. По мере развертывания пилотной версии и накопления статистических данных о поведении пользователей и банков-контрагентов целесообразна разработка соответствующих имитационных и эконометрических моделей.

Источник: составлено авторами.

Рис. Риски внедрения ИИ-агента

Ответственность за ошибки ИИ-агента

По нашему мнению, одним из наиболее сложных и недостаточно проработанных аспектов инициативы Банка России является вопрос о том, кто будет нести реальную ответственность за ошибки ИИ-агента и фактические убытки потребителей, воспользовавшихся его рекомендациями. В действующей нормативной базе (включая Кодекс этики ЦБ РФ) этот вопрос не урегулирован.

В Стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г. (в редакции Указа Президента РФ от 15.02.2024 г. № 124) закреплён принцип – ответственность за результаты работы ИИ не может быть делегирована самому искусственному интеллекту; она сохраняется за человеком или организацией, использующей ИИ. Однако этот принцип не конкретизирует, какое именно лицо (разработчик алгоритма, оператор системы, банк-партнер или сам Банк России) отвечает в случае причинения убытков.

Как отмечалось выше, алгоритмические системы могут принимать решения, которые невозможно объяснить на доступном для человека уровне. Это создает фундаментальную проблему для системы ответственности: если регулятор, суд или сам потребитель не могут понять, почему ИИ-агент дал ту или иную рекомендацию, оспорить ее или доказать наличие ошибки становится крайне сложно. Даже при формальном закреплении ответственности за оператором, практическая реализация права на обжалование может оказаться затруднительной из-за невозможности ретроспективного анализа логики работы алгоритма. Возможным решением может быть внедрение методов «объяснимого» ИИ на этапе архитектурного проектирования агента.

В мировой практике можно выделить следующие прецеденты, связанные с определением ответственных лиц. В деле *Rimar Capital 2024 г.* SEC обвинила компанию и ее руководителей в привлечении около \$4 млн долл. США от 45 инвесторов на основе ложных заявлений об использовании ИИ для автоматизированного трейдинга, в то время как такой технологии не существовало²². В деле *Cleo AI 2026 г.* Федеральная торговая комиссия США (FTC) привлекла к ответственности компанию-разработчика за введение потребителей в заблуждение относительно возможностей ИИ-бота по экономии денег²³. В Великобритании после испытаний ИИ-чатов регуляторы (FCA) в отчете «Money Talks» указали на необходимость четкого распределения ответственности при использовании сторонних ИИ-инструментов в финансовых услугах²⁴.

²² SEC (U.S. Securities and Exchange Commission). In the Matter of Rimar Capital USA, Inc., Rimar Capital, LLC, Itai Royi Liptz, and Clifford Todd Boro. Admin. Proc. File No. 3-22236. 10 October, 2024. <https://www.sec.gov/enforcement-litigation/distributions-harmed-investors/rimar-capital-usa-inc-rimar-capital-llc-itai-royi-liptz-clifford-todd-boro> (дата обращения: 02.05.2026).

²³ Retail & Consumer Products Law Observer. FTC Updates (March 2-6, 2026). Columbia Law School. 9 March 2026. <https://www.retailconsumerproductslaw.com/2026/03/ftc-updates-march-2-6-2026/> (дата обращения: 02.05.2026).

²⁴ FCA (Financial Conduct Authority). Money talks: Lessons from 2 LLM pilots on consumer guidance (Research Note). 28 May, 2025. <https://www.fca.org.uk/publications/research-notes/money-talks-lessons-2-llm-pilots-consumer-guidance> (дата обращения: 02.05.2026).

На наш взгляд, институциональная модель, основанная на разделении регуляторных и операторских функций, должна формировать цепочку ответственности, включающую как минимум четыре потенциальных субъекта:

- Банк России – инициатор создания ИИ-агента, регулятор, осуществляющий надзор за деятельностью оператора платформы и утверждающий нормативные требования к работе ИИ-агента;
- оператор платформы – отдельная юридическая структура (государственная IT-компания или уполномоченная НКО), непосредственно управляющая алгоритмом ранжирования, обеспечивающая его работу и подотчетная регулятору;
- банки – участники разработки – организации, предоставляющие данные и технологическую экспертизу на этапе создания ИИ-агента (без доступа к актуальной версии алгоритма и возможности влиять на ранжирование в реальном времени);
- иные банки-партнеры – поставщики данных о своих продуктах, чьи предложения ранжируются ИИ-агентом.

Для обеспечения дополнительного внешнего мониторинга деятельности оператора может быть создан общественный совет. Его функции, в отличие от регулятора, могут носить не властный, а контрольно-рекомендательный характер: регулярный аудит конкурентной нейтральности алгоритма, оценка жалоб потребителей, подготовка ежегодного публичного отчета. В отличие от внутренних механизмов оператора (разделение разработки, валидации и эксплуатации) общественный совет представляет интересы общества, потребителей и добросовестных банков, обеспечивая публичную прозрачность и доверие к системе.

В отсутствие четкого нормативного регулирования возможны две крайности. Во-первых, «размывание ответственности», когда каждый участник (оператор, банки – участники разработки, банки-партнеры) ссылается на других, и потребитель не может получить компенсацию. Во-вторых, возложение всей ответственности на Банк России, как на регулятор и инициатор создания агента (без выделения отдельного оператора), что создает для него неприемлемые финансовые и репутационные риски. Рассматриваемое в данной статье разделение функций (ЦБ – регулятор и надзор, оператор – отдельная структура) позволяет избежать обеих крайностей. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно закрепить нормативно следующие принципы распределения ответственности:

1) оператор ИИ-агента (отдельная юридическая структура, не совмещающая надзорные функции с функциями управления алгоритмом) должен быть подотчетен Банку России как регулятору в части корректной работы алгоритма ранжирования и достоверности предоставляемой им информации. Это означает, что оператор обязан

организовать систему контроля и аудита, обеспечить прозрачность критериев ранжирования, публично отчитываться о работе агента и принимать меры по устранению выявленных нарушений. Банк России при этом осуществляет надзор за деятельностью оператора, но не участвует в оперативном управлении алгоритмом;

2) финансовую ответственность за убытки потребителей, причиненные рекомендациями ИИ-агента, должны нести:

- банки-партнеры – за убытки, возникшие из-за недостоверной или неполной информации о своих продуктах;
- банки – участники разработки – за убытки, вызванные дефектами, внесенными на этапе создания алгоритма (ошибки в архитектуре, некорректный выбор обучающих данных, дефекты валидации), при условии, что будет доказана их вина в форме умысла или грубой неосторожности;
- специальный компенсационный фонд (формируемый за счет обязательных отчислений банков-партнеров) – за убытки, вызванные непредсказуемым поведением алгоритма на этапе эксплуатации, когда невозможно установить вину конкретного участника (например, нештатная реакция обученной модели на изменение внешних условий);
- оператор должен нести субсидиарную ответственность перед компенсационным фондом: если вина оператора в причинении убытков будет доказана, фонд имеет право регрессного требования к оператору на сумму выплаченной компенсации.

3) потребитель должен иметь право на обжалование рекомендации и получение компенсации убытков из указанных источников.

Заключение и рекомендации

Ключевые выводы исследования.

1. В отличие от традиционных алгоритмов и аналитики, которые только формируют решения, агентный ИИ самостоятельно исполняет их. В результате ответственность смещается с точки совершения сделки на уровень архитектуры системы.

2. Создание ИИ-агента выходит за рамки технологической задачи. Это вклад в технологический суверенитет, снижение зависимости от зарубежных решений и импульс для развития российской школы финансового ИИ.

3. Существующая нормативная база Банка России формирует лишь этические рамки и не содержит жестких требований к архитектуре ИИ-агента, что требует дальнейшей конкретизации.

4. Противодействие рискам требует не одного, а комплекса инструментов, таких как архитектурные решения против технических угроз,

институциональных сдержек для конфликтов интересов и поведенческих ограничений. Особую сложность представляют риски латентности рынка и поведенческой манипуляции, так как они находятся не в ошибках кода, а в природе рыночных взаимодействий и человеческой психологии.

5. Вопрос ответственности за ошибки ИИ-агента остается неурегулированным. Требуется четкое разделение функций и распределение ответственности.

6. Успех проекта определяется не технологической сложностью, а качеством институционального и архитектурного дизайна.

Рекомендации по управлению ИИ-агентом. На основе проведенного анализа рисков и с учетом предложенной нами модели распределения ответственности можно сформулировать следующие общие принципы управления ИИ-агентом.

1. Принцип человеческого контроля и приоритета человека.

Должна быть предусмотрена возможность переключения на обслуживание человеком-консультантом и пересмотра решений ИИ-агента по требованию клиента. Решение человека, принятое по запросу клиента, должно иметь приоритет над рекомендацией ИИ-агента.

2. Принцип полной аудируемости.

Все действия ИИ-агента (какие рекомендации, кому, на основании каких данных и критериев) должны фиксироваться в неизменяемом виде с возможностью последующего аудита.

3. Принцип ретроспективной прозрачности.

Полная спецификация алгоритма не должна раскрываться в режиме реального времени. Это не исключает «подгонку», то есть банки могут пытаться выявлять логику алгоритма эмпирически, но применение данного принципа будет затруднять эти попытки. Полная непрозрачность, однако, неприемлема: она делает невозможным общественный контроль за добросовестностью оператора. Для разрешения этого противоречия возможно применение механизма отложенного раскрытия спецификации каждой версии алгоритма.

Функция отложенного раскрытия – это обеспечение долгосрочной подотчетности. После публикации спецификации эксперты, СМИ и общественные организации могут проанализировать, не был ли алгоритм систематически смещен в пользу определенных банков в проверяемый период. Проблема же текущей «подгонки» продуктов под алгоритм выходит за рамки механизмов прозрачности и должна решаться комплексно, с применением иных мер: регулярной ротацией критериев ранжирования, запретом массового тестирования алгоритма банками, случайным аудитом и т. п.

4. Принцип запрета поведенческой манипуляции.

Интерфейс ИИ-агента, как представляется, должен быть нейтральным информационным инструментом, исключающим: геймифика-

цию (анимации, уведомления, индикаторы успеха, звуки, соревновательные механики); методы «подталкивания» (предустановленные опции, дефолтный выбор в пользу определенных продуктов, ограничение времени, визуальное выделение без объективных оснований); гиперперсонализацию, эксплуатирующую эмоциональные уязвимости пользователя, если она не служит его явным интересам. Возможна персонализация на основе объективных финансовых показателей пользователя (доходы, риск-профиль, инвестиционный горизонт), полученных с его согласия.

5. Принцип осторожной интерпретации данных для макропруденциального анализа.

Данные ИИ-агента могут использоваться Банком России для макропруденциального анализа только при соблюдении ряда условий: кросс-валидации, учета нерепрезентативности, противодействию манипуляции, предупреждении иллюзии точности, публичной отчетности.

6. Принцип распределения полномочий и взаимного контроля.

Реагирование и надзор должен осуществлять Банк России. Оператором может быть отдельная структура с целевым бюджетным финансированием. Возможно формирование общественного совета, осуществляющего внешний аудит конкурентной нейтральности (без дублирования функций регулятора и внутренней валидации). Функции разработки, валидации и эксплуатации алгоритма должны быть распределены между независимыми структурами.

7. Принцип финансовой ответственности и компенсации ущерба.

В рассматриваемой модели оператор не должен отвечать перед потребителем напрямую. Ответственность должны нести: банки-партнеры (за свои данные); банки – участники разработки (за дефекты на этапе создания, при условии, что будет доказана их вина в форме умысла или грубой неосторожности); компенсационный фонд, формируемый за счет обязательных отчислений банков-партнеров (за непредсказуемые ошибки). Оператор должен субсидиарно отвечать перед фондом при доказанной вине.

В более широком контексте практическая реализация рассматриваемой инициативы Банка России может стать важным прецедентом встраивания регуляторных требований непосредственно в алгоритмическую архитектуру финансового рынка – переход от регулирования правилами к регулированию кодом. Успешность этого перехода будет определяться не столько технологической сложностью, сколько способностью регулятора выстроить устойчивый баланс между автономией алгоритмов, фидуциарной ответственностью перед потребителями и четким распределением ответственности за возможный ущерб.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Абрамова М.А., Дубова С.Е. Турбулентность угроз финансовой стабильности в новых реалиях развития денежной и платежной систем // Банковские услуги. 2022. № 7. С. 9–18. [Abramova M.A., Dubova S.E. Turbulence of threats to financial stability in the new realities of the development of monetary and payment systems // Banking Services. 2022. No. 7. Pp. 9–18. (In Russ.).] DOI: 10.36992/2075-1915_2022_7_9. EDN: ZRYZLM.
2. Абрамова М.А., Криворучко С.В., Луняков О.В., Фиापшев А.Б. Теоретико-методологический взгляд на предпосылки возникновения и особенности функционирования децентрализованных финансов // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29. № 1. С. 80–96. [Abramova M.A., Krivoruchko S.V., Lunyakov O.V., Fiapshev A.B. Theoretical and methodological perspective on the prerequisites of emergence and peculiarities of the functioning of decentralized finance // Finance: Theory and Practice. 2025. Vol. 29. No. 1. Pp. 80–96. (In Russ.).] DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-80-96. EDN: QICSEA.
3. Афанасьева О.Н., Сапожников Д.А. Эволюция научных представлений о финансовом посредничестве // Финансы и кредит. 2025. Т. 31. № 12. С. 35–52. [Afanas'yeva O.N., Sapozhnikov D.A. Evolution of scientific ideas about financial intermediation // Finance and Credit. 2025. Vol. 31. No. 12. Pp. 35–52. (In Russ.).] DOI: 10.24891/fc.31.12.35. EDN: LJQEHF.
4. Долматович И.А., Кешенкова Н.В. Нейронные сети: применение и перспективы использования в деятельности коммерческих банков // Сберегательное дело за рубежом. 2024. № 2. С. 41–52. [Dolmatovich I.A., Keshenkova N.V. Neural networks: application and prospects of use in the activities of commercial banks // Savings Business Abroad. 2024. No. 2. Pp. 41–52. (In Russ.).] DOI: 10.36992/2782-5949_2024_2_41. EDN: AELGQM.
5. Киселев А.С. О некоторых возможностях применения технологий искусственного интеллекта в банковской деятельности в целях обеспечения технологического суверенитета // Банковское право. 2026. № 1. С. 57–66. [Kiselev A.S. On some opportunities for applying artificial intelligence technologies in banking to ensure technological sovereignty // Banking Law. 2026. No. 1. Pp. 57–66. (In Russ.).] DOI: 10.18572/1812-3945-2026-1-57-66. EDN: CNGEQK.
6. Кочергин Д.А. Основные направления использования искусственного интеллекта в финансовой сфере // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 6. С. 147–169. [Kochergin D.A. Main trends in the use of artificial intelligence in the financial sector // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 6. Pp. 147–169. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_147_169. EDN: EQJOKW.
7. Криничанский К.В., Анненская Н.Е. Понятие и перспективы финансового развития // Вопросы экономики. 2022. № 10. С. 20–36. [Krinichansky K.V., Annenskaya N.E. The concept and prospects of financial development // Voprosy Ekonomiki. 2022. No. 10. Pp. 20–36. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2022-10-20-36. EDN: IKUSTF.
8. Симаева Е.П., Симаева Н.П. Правовые механизмы и поведенческая экономика: инструменты регулирования рынка сбережений // Экономика. Налоги. Право. 2025. Т. 18. № 4. С. 172–179. [Simaeva E.P., Simaeva N.P. Legal mechanisms and behavioral economics: instruments for regulating the savings market // Economics, Taxes & Law. 2025. Vol. 18. No. 4. Pp. 172–179. (In Russ.).] DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-172-179. EDN: PCOVGA.

9. Траченко М.Б., Стародубцева Е.Б., Кожанова А.В. Новая модель краудфандинга для защиты интересов инвесторов в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. Т. 58. № 1. С. 45–62. [Trachenko M.B., Starodubtseva E.B., Kozhanova A.V. A new crowdfunding model to protect investors interests in Russia // Lomonosov Economics Journal. 2023. Vol. 58. No. 1. Pp. 45–62. (In Russ.).] DOI: 10.38050/MSU01300105-6-58-1-3. EDN: DQEZBT.
10. Хоминич И.П., Фрумина С.В. и др. Деньги, финансы, банки, страхование в цифровую эпоху: осмысление трансформаций, риски, рынки, финансовые институты / Под ред. И.П. Хоминич, С.В. Фруминой. М.: Русайнс, 2023. [Khomnich I.P., Frumina S.V. et al. Money, finance, banking, insurance in the digital era: understanding transformations, risks, markets, financial institutions / Ed. by I.P. Khomnich, S.V. Frumina. Moscow: Rusains, 2023. (In Russ.).] EDN: UMOTRJ.
11. Чердаков О.И. Отношение государства и бизнеса к разработке и внедрению технологий искусственного интеллекта в российскую финансовую сферу и экономику // Банковское право. 2022. № 5. С. 40–47. [Cherdakov O.I. The attitude of the state and business towards the development and implementation of artificial intelligence technologies in the Russian financial sector and economy // Banking Law. 2022. No. 5. Pp. 40–47. (In Russ.).] EDN: STQJFS.
12. Diamond D.W. Financial Intermediation and Delegated Monitoring // The Review of Economic Studies. 1984. No. 51 (3). Pp. 393–414.
13. Feng R., Li H., Liu M. Robo-Advisors Beyond Automation: Principles and Roadmap for AI-Driven Financial Planning // arXiv:2509.09922. 2025. <https://arxiv.org/abs/2509.09922> (accessed: 15.04.2026).
14. Hagiu A., Wright J. Multi-Sided Platforms // International Journal of Industrial Organization. 2015. Vol. 43. Pp. 162–174.
15. Inderst R., Ottaviani M. Misselling through Agents // American Economic Review. 2009. Vol. 99. No. 3. Pp. 883–908. DOI: 10.1257/aer.99.3.883.
16. Li S., Shen W. Confronting AI-Induced Power Disparity and Emotional Disruption: Expansive Duties of Broker-Dealers and Investment Advisers // Northwestern Journal of International Law & Business. 2024. Vol. 45. No. 1. P. 31.
17. Packin N.G., Kliger D., Reichman A., Rabinovitz S. Hooked and Hustled: The Predatory Allure of Gambified Finance // Columbia Business Law Review. 2025. Vol. 2025. No. 1.
18. Rochet J.C., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets // Journal of the European Economic Association. 2003. Vol. 1. No. 4. Pp. 990–1029.
19. Teplova T., Tomtosov A., Sokolova T. A Retail Investor in a Cobweb of Social Networks // PLOS ONE. 2022. Vol. 17. No. 12. P. e0276924. DOI: 10.1371/journal.pone.0276924.
20. Wang W. Regulating Algorithmic Accountability in Financial Advising // CLS Blue Sky Blog. 2025. June 4. <https://clsbluesky.law.columbia.edu/2025/06/04/regulating-algorithmic-accountability-in-financial-advising/> (accessed: 18.04.2026).

Дата поступления рукописи: 08.06.2026 г.

Дата принятия к публикации: 13.08.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Миленьков Александр Владимирович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры мировых финансовых рынков и финтеха Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7812-2348
milnikov.av@rea.ru

Фрумина Светлана Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой мировых финансовых рынков и финтеха Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; доцент кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5143-9417
frumina.sv@rea.ru

ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr V. Milenkov – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of Global Financial Markets and Fintech, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7812-2348
milnikov.av@rea.ru

Svetlana V. Frumina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Global Financial Markets and Fintech, Plekhanov Russian University of Economics; Associate Professor of the Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5143-9417
frumina.sv@rea.ru

AI-DRIVEN FINANCIAL ADVISORY: FROM OVERCOMING INFORMATION ASYMMETRY TO NEW RISKS AND REGULATORY CHALLENGES

The article analyzes the Bank of Russia's initiative to create a specialized AI agent for selecting financial products, which was announced in April 2026. It examines architectural and regulatory approaches to implementing agentic systems in financial advisory services. Based on a synthesis of international and Russian research, the study explores the economic nature of AI intermediation as a mechanism for overcoming information asymmetry, which simultaneously creates new challenges: technical vulnerabilities of algorithms, institutional risks, user interest manipulation, market latency, and the problem of liability distribution. Special attention is paid to the evolution of regulatory approaches abroad, the identification of factors determining the success of agentic systems implementation, as well as the analysis of international precedents. The author proposes a classification of maturity levels for AI financial intermediaries. Recommendations are formulated for the governance of the AI agent aimed at balancing technological autonomy, fiduciary responsibility, and competitive neutrality.

Keywords: *artificial intelligence, AI agent, financial advisory, information asymmetry, Bank of Russia, AI technical risks, behavioral risks, market latency, responsibility for AI recommendations.*

JEL: G18, G23, G28, O33.

В.А. БАННИКОВА

кандидат экономических наук, младший научный сотрудник
Центра математического моделирования экономических процессов
Института прикладных экономических исследований
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ТОВАРЫ – МАРКЕРЫ ВНИМАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К ИНФЛЯЦИИ: ИЗМЕНЕНИЯ ИХ КАТЕГОРИЙ И ВИДОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ЗА ПЕРИОД 2014–2026 гг.¹

В статье анализируется изменение внимания населения к информации, касающейся инфляции, за периоды с 2014 по 2021 г. и 2022–2026 гг. На основе результатов исследования, проведенного с использованием методов регуляризации и контрольной функции на данных Интернет-запросов по теме «инфляция» и российской статистики, показано, что в 2014–2021 гг. ведущими товарами – маркерами были нефтепродукты и продукты питания (мясо, рыба, молочная продукция), а в 2022–2026 гг. значимость некоторых продуктов питания (мясо, рыба) снизилась, но возросла значимость импортозависимых непродовольственных товаров (одежда, трикотаж, табачные изделия, печатная продукция). Выявлены категории с отрицательной связью роста цен и внимания (медицинские товары, обувь, стройматериалы, общественное питание), что может объясняться ограничением возможности их импорта и, следовательно, внимания к инфляции товаров этих категорий, отложенным потреблением и замещением более дешевыми аналогами. Мониторинг товаров – маркеров роста внимания к инфляции актуален для закоривания инфляционных ожиданий и повышения эффективности таргетирования инфляции.

Ключевые слова: внимание к инфляции, товары-маркеры, интернет-запросы, индекс потребительских цен.

УДК: 336.748.12, 330.43, 338.516

EDN: HTLAKC

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_96_117

¹ Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Введение

Неотъемлемым фактором решений по денежно-кредитной политике Банка России является динамика инфляционных ожиданий населения. В этой связи актуально определение факторов, которые влияют на чрезмерное внимание населения к информации по инфляции. После 2022 г. в российской экономике произошли резкие изменения в структуре потребления, логистике, импортозамещении и ценовой динамике. В новых условиях могут измениться частота покупок, доступность и значимость отдельных товаров, а также информационный фон и доверие к статистике, что способно сместить фокус внимания потребителей с одних ценовых индикаторов на другие. Когда домашние хозяйства систематически наблюдают удорожание значимых для них категорий товаров и услуг, они склонны экстраполировать эти наблюдения на общий уровень цен, что приводит к систематическому завышению оценки населением текущей и будущей инфляции. Завышенные инфляционные ожидания, в свою очередь, создают дополнительное инфляционное давление, существенно осложняя проведение прогнозируемой денежно-кредитной политики.

Особую значимость для проведения монетарной политики приобретает понимание регулятором механизма формирования инфляционных ожиданий. Если существенную роль играет внимательность экономических агентов к инфляции, то ключевым становится вопрос, на какие именно товары и услуги население обращает внимание в первую очередь. Иными словами, какие категории товаров и услуг выполняют роль «товаров-маркеров», воспринимаемые цены которых формируют инфляционные ожидания. В российских исследованиях ранее поднимался вопрос об идентификации подобных товаров-маркеров в разный период, при этом анализировался период до начала структурной трансформации.

Как показывают В. Грищенко и соавторы [1], российские домохозяйства при формировании инфляционных ожиданий демонстрируют ограниченную рациональность, ориентируясь преимущественно на цены отдельных товаров и услуг. Авторы приходят к выводу, что в период до 2021 г. такими маркерами служили в основном продукты долгосрочного пользования, тогда как бензин и нефть в России, вопреки выводам зарубежных исследований [2], в эту категорию не попадали. Открытым остается вопрос об устойчивости этого набора маркеров и его неизменности во времени в условиях крупных экономических шоков, таких как, например, геополитический шок 2022 г. Научная новизна представленного исследования заключается в оценке смещения внимания населения к статистике цен в условиях структурной трансформации.

В работе используются эконометрические методы с регуляризацией (лассо- и гребневая регрессии), позволяющие идентифицировать устойчивые факторы внимания к инфляции. Анализ проводится на сезонно скорректированных показателях инфляции по 44 категориям товаров и услуг, а также на «индексе внимания к инфляции», сконструированном с помощью данных по интенсивности Интернет-запросов (Google Trends). Данные охватывают два периода: до начала структурной трансформации (2014–2021 гг.) и после (2022–2026 гг.). Такой дизайн позволяет не только выявить набор инфляционных маркеров, но и проследить структурные изменения в период трансформации экономики вследствие геополитического шока.

До 2022 г. ведущими факторами внимания к инфляции выступали темпы роста цен на нефтепродукты и белковые продукты (мясо, рыба, молочные продукты). После 2022 г. роль показателей инфляции на мясо- и рыбопродукты существенно ослабла, уступив место инфляции непродовольственных товаров – одежды и трикотажа, печатных изданий и табачных изделий. По сравнению с выводами автора работы [1], наши расчеты показывают, что нефтепродукты на всем периоде выборки оказывали существенное влияние на внимание к инфляции. Также выявлены категории товаров и услуг (медицинские товары, обувь, а после 2022 г. – строительные материалы и общественное питание), рост цен на которые статистически значимо снижает индекс внимания, что объясняется возможностью отложить потребление или переключиться на более дешевые аналоги.

По результатам расчетов определены 4 группы факторов формирования инфляционных ожиданий: 1) стабильно значимые факторы внимания к инфляции; 2) ослабившие или утратившие значимость после 2022 г.; 3) новые значимые или усилившие влияние факторы внимания к инфляции после 2022 г.; 4) товары с обратной связью между инфляцией и мерой внимательности населения к росту цен.

Работа имеет следующую структуру. В первом разделе рассматриваются научные работы по теме исследования, посвященные оценке внимания к инфляции и детерминантам этой переменной. Во втором разделе описаны источники данных, эконометрические методы с кратким обоснованием эмпирического плана. В третьем разделе последовательно излагаются оценки факторов внимания до и после структурного шока 2022 г., а также формулируются выводы о трансформации общественного восприятия инфляции. В заключении суммируются основные результаты, полученные автором в ходе данного исследования, которые сравниваются с результатами предыдущих научных работ, обсуждаются ограничения, существующие на сегодняшний день для проведения более глубокого исследования данной проблемы, и предлагаются направления для дальнейшей работы.

Обзор литературы

Внимание экономических агентов к информации об инфляции является определяющим как в механизмах формирования инфляционных ожиданий, так и воздействия политики центрального банка на инфляцию. В условиях высокой инфляции внимание населения к росту цен усиливается, что приводит к росту инфляционных ожиданий, а также подрывает доверие к центральному банку.

Результаты современных исследований показывают, что важными факторами инфляционных ожиданий населения являются так называемые «товары-маркеры» (marker products). Иными словами, при оценке уровня инфляции в текущем или будущем периодах экономические агенты склонны переоценивать значимость отдельных товаров и услуг.

Идея о товарах – маркерах инфляционных ожиданий восходит к работам Р.Э. Лукаса 1973 и 1975 г. [3; 4], согласно которым экономические агенты не могут наблюдать общий уровень инфляции в реальном времени. Вместо этого они наблюдают изменения цен локально, например, на те товары и услуги, которые они продают. В условиях неполной информации экономические агенты формируют восприятия и ожидания по инфляции, основываясь на наблюдаемых сигналах – ценовых изменениях, с которыми они сталкиваются в жизни. Содержательно «близкими» к моделям с неполной (несовершенной) информацией являются модели рациональной невнимательности, в которых предполагается, что агентам доступна вся необходимая информация для принятия оптимальных решений, однако из-за когнитивных ограничений экономические агенты проявляют избирательную невнимательность к информации [5]. Издержки обработки информации обуславливают выборочное внимание экономических агентов к статистике по инфляции.

А. Тверски и Д. Канеман почти одновременно с Р.Э. Лукасом выдвинули тезис об эвристиках доступности и репрезентативности [6]. Применительно к механизму формирования инфляционных ожиданий это означает, что экономические агенты сильнее обращают внимание на недавние и значительные повышения цен на товары и услуги, которые они часто приобретают. В более поздних исследованиях различных авторов объяснение динамики инфляционных ожиданий связывают с когнитивными искажениями.

Значительная часть последующих работ в области макроэкономического моделирования на основе рациональных ожиданий опиралась на технически более удобное допущение о наличии «информационного лага»: предполагалось, что получение экономическими агентами информации и ее обработка происходят с задержкой по вре-

мени. Параллельно с развитием теоретических моделей научная литература пополнялась эмпирическими фактами в пользу отклонения от гипотезы о рациональных ожиданиях с полной информацией (full information rational expectations, FIRE). Здесь можно определить как минимум три направления: поведенческая экономика [7; 8], модели обучения [9; 10] и теория устойчивого управления [11; 12].

Исследование [9] посвящено тому, как цены на конкретные продукты в супермаркете влияют на инфляционные ожидания. В рамках опросного эксперимента авторы показывают, что доступность официальной статистики по инфляции не является определяющим фактором формирования инфляционных ожиданий. Большую роль играет опыт потребителя: то, как он запомнил (в т. ч. ошибочно) динамику цен на определенный товар.

Авторы работы [13], анализируя данные Мичиганского опроса потребителей (Michigan Survey of Consumers), пришли к выводу, что домохозяйства с высоким доходом корректируют свои ожидания сильнее, чем домохозяйства с низким доходом. Эти расчеты показывают, что частота, а не доля потребления товара-маркера (в данном опросе в качестве товара-маркера выступали нефтепродукты, в т. ч. бензин) определяет динамику инфляционных ожиданий населения.

В работе [14] роль товаров-маркеров выполняют такие товары и услуги, которые обладают одной из ряда характеристик: высокая частота потребления, высокая доля расходов, недавний рост цен. Таким образом, для конкретного домохозяйства набор товаров-маркеров – это индивидуальный набор товаров и услуг. Также авторы показывают, что незначимыми факторами инфляционных ожиданий динамики цен на какие-то конкретные товары являются следующие: 1) домохозяйство перестало покупать товар, 2) домохозяйство редко покупает товар (менее двух раз в год), 3) высокая волатильность цен на данный товар. По этим причинам товар может быть исключен из маркеров.

Авторы работы [15] с помощью рандомизированного контролируемого эксперимента в Армении показывают, что в экономике с формирующимися рынками товары-маркеры определяют динамику воспринимаемой инфляции, при этом инфляционные ожидания определяются другими факторами. Результаты проведенной работы также демонстрируют частотное смещение, т. е. воспринимаемый уровень инфляции смещается в сторону инфляции цен часто покупаемых товаров, даже если их темп роста не совпадает со средним по корзине потребителя.

Помимо потребительского опыта существенным фактором неравномерного распределения внимания к информации о разных компонентах общего уровня инфляции является информационный фон.

В работе [16] отмечено, что в измерении инфляционных ожиданий с помощью опросов большую роль играет формулировка вопроса, различия в которой напрямую влияют на информационное множество, используемое респондентом при ответе. В работе [17] почти четверть разницы между прогнозами населения и аналитиков объясняется негативной тональностью новостей в СМИ.

Внимание к информации об инфляции является важной концепцией в исследованиях о формировании инфляционных ожиданий, тем не менее является ненаблюдаемой характеристикой поведения экономических агентов. Для построения меры внимательности к инфляции исследователи обращаются как к текстовому анализу публичных источников информации, так и к данным по интенсивности Интернет-запросов.

И. Голощапова и М. Андреев [18] строят индикатор интенсивности инфляционных ожиданий населения на основе данных социальных сетей за период 2014–2016 гг. и делают вывод о том, что их показатель, рассчитываемый как число комментариев о росте цен за месяц, сильно коррелирован с медианными оценками инфляционных ожиданий населения в следующие 12 месяцев. Тем не менее по сравнению с последними индикатор интенсивности инфляционных ожиданий является опережающим показателем на 1 месяц.

С. Buelens [19] измеряет внимание к инфляции, используя данные Интернет-запросов, и приходит к выводу, что показатель запросов теснее коррелирует с воспринимаемой инфляцией (оценкой роста цен за прошедшие 12 месяцев), чем с официальными статистическими показателями индекса потребительских цен.

Д. Петрова [20], напротив, находит, что показатель на основе статистики по Интернет-запросам позволяет улучшить качество моделей для фактической инфляции: «меры инфляционных ожиданий интернет-пользователей могут быть потенциальными предикторами для инфляции, в отличие от опросного индикатора» [20, с. 35].

В российских исследованиях последних лет показано, что внимание экономических агентов к инфляции зависит от условий экономической среды. А. Евстигнеева, Д. Карпов [21] определили общие темы новостей, которые оказывают наибольшее влияние на формирование инфляционных ожиданий населения, а именно на восприятие инфляции населением, – это инфляция, экономический кризис, курс рубля. В. Грищенко с соавторами [1] показывают, что при прогнозировании инфляции люди, как правило, ориентируются на цены товаров длительного пользования и услуг (так называемые цены товаров-маркеров). А. Евстигнеева, О. Снегирева и И. Белоглазова [22] создают карту нарративов российского общества об экономических ценностях, чтобы определить роль инфляции, ожиданий роста цен и ключевой

ставки. С помощью проведения глубинного интервью авторы делают вывод о преобладании нарратива, связанного с активной индустриализацией, строительством и низкими ставками для стимулирования промышленности.

В зарубежных исследованиях внимание к инфляции является эндогенным и варьируется в зависимости от уровня инфляции: чем выше темп инфляции, тем выше внимание к инфляции [23; 24].

С. Buelens [19] показывает, что общий уровень инфляции выступает основным фактором внимания к инфляции, при этом связь оказывается нелинейной: более высокие уровни инфляции определяют больший уровень внимания к темпам роста уровня цен. Вопреки распространенному мнению о том, что домохозяйства не интересуются действиями регулятора, С. Buelens находит, что заявления об изменениях денежно-кредитной политики (в т. ч. о снижении ставок и о программах покупки активов) ведут к росту частоты поисковых запросов по теме «инфляция». Автор отмечает, что внимание к инфляции может резко измениться в ответ на крупные шоки. Например, пандемийный всплеск инфляции привел не только к временному росту поисковых запросов, но и к долгосрочному сдвигу: после 2022 г. для любого заданного уровня инфляции внимание остается выше, чем до пандемии [19].

Вышеперечисленные работы показывают, что, несмотря на изученность нелинейности связи между вниманием к инфляции и собственно уровнем инфляции, менее понятной остается причина обнаруженной нелинейности. Настоящее исследование направлено на тестирование гипотезы существенности одной из причин путем идентификации устойчивых и меняющихся маркеров внимания к инфляции в российской экономике до и после 2022 г.

Источники данных и методология исследования

В качестве зависимой переменной применяется показатель, рассчитанный на данных, использованных в работе [20] (ряд данных был продолжен автором до середины 2026 г.), а именно на статистике по интенсивности поисковых запросов Google Trends для заданного географического местоположения по всей России. Под интенсивностью запросов понимается доля поисков по данной теме по отношению к общему числу запросов за указанный период времени. Как и в цитируемой работе, с целью выявления интереса пользователей в Интернете к теме инфляции, задавался широкий перечень ключевых слов или фраз, характеризующих обеспокоенность относительно изменения цен в экономике: «инфляция», «рост цен», «цены выросли», «цены растут», «повышение цен», «цена на газ», «цена на бензин», «цены на продукты», «индекс потребительских цен», «индекс цен», «иипц».

С помощью возможностей сравнения запросов в Google Trends показатели приведены к общему знаменателю, где только одному показателю интенсивности запросов присваивается максимальное значение 100². Суммарный индекс после учета сезонности далее используется как зависимая переменная Y_t и называется индексом внимания по аналогии с работами [1; 24].

Оценивается линейная регрессионная модель с контрольными переменными, которая учитывает структурный сдвиг в 2022 г.:

$$Y_t = \alpha + \gamma \cdot D_t + \sum_{j=1}^K \beta_j \pi_t^{(j)} + \sum_{j=1}^K \delta_j \pi_t^{(j)} \cdot D_t + \sum_{l=1}^M \theta_l Z_{t-1}^{(l)} + \varepsilon_t,$$

где Y_t – индекс внимания к инфляции в месяц t ; D_t – бинарная переменная, равная 1 для периода начиная с февраля 2022 г.; $\pi_t^{(j)}$ – показатель инфляции определенной группы товаров или услуг j ; β_j – коэффициенты при переменных инфляции; $Z_{t-1}^{(l)}$ контрольные переменные, а именно изменение ключевой ставки, индекс неопределенности ДКП, изменение индекса волатильности Чикагской биржи опционов (VIX), индикаторы роста и снижения ключевой ставки в месяц $t - 1$. Коэффициент δ_j при $\pi_t^{(j)}$ показывает изменение предельного эффекта инфляции категории j после 2022 г. Если $\delta_j > 0$ и статистически значим, внимание к инфляции после 2022 г. стало больше зависеть от инфляции данной категории товаров и услуг j ; если $\delta_j < 0$ и статистически значим – стало меньше зависеть.

Набор категорий j соответствует Общероссийскому классификатору продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2); данные для переменных $\pi_t^{(j)}$ представляют собой результаты расчетов темпа прироста потребительских цен в процентах к предыдущему месяцу с учетом сезонности.

Также мы рассчитали выборочную дисперсию для каждого ряда $\pi_t^{(j)}$, разбив категории товаров и услуг на две группы – с высокой и с низкой волатильностью, что позволит в дальнейшем сделать вывод о потенциальной устойчивости инфляционных ожиданий к росту цен в наиболее волатильных категориях. К первой группе, с более высокой волатильностью, отнесены (в порядке убывания величины оценки дисперсии): сахар, яйца, зарубежный туризм, плодоовощная продукция, телерадиотовары, бытовая техника, инструменты и оборудо-

² В работе [20] применялся метод главных компонент к рядам интенсивности запросов, в каждом из которых максимальное значение равно 100. В качестве альтернативной меры был получен индикатор на основе извлечения главных компонент на наших данных: корреляция с суммарным индексом составляет примерно 0,97.

вание, персональные компьютеры, легковые автомобили, крупные и макаронные изделия, услуги связи, моющие и чистящие средства, чай и кофе, строительные материалы, проживание в гостиницах, санаторно-курортные услуги, жиры, парфюмерия и косметика, медицинские товары, экскурсионные услуги, мебель, рыбопродукты.

В условиях большого числа объясняющих переменных и мультиколлинеарности метод наименьших квадратов (МНК) дает несмещенные, но неэффективные оценки. Напротив, применение методов регуляризации, таких как гребневая регрессия (Ridge regression), позволяет существенно снизить дисперсию оценок коэффициентов и получить более стабильные оценки по сравнению с методом наименьших квадратов [25; 26]. Оптимизационная задача сводится к минимизации квадратов остатков и штрафной функции:

$$\hat{\beta}^{ridge} = \underset{\beta}{argmin} \left\{ \sum_{t=1}^T \left(Y_t - \beta_0 - \sum_{p=1}^P X_t^p \beta_p \right)^2 + \lambda \sum_{p=1}^{P-5} \beta_p^2 \right\},$$

где X_t^p – объясняющая переменная в модели (регрессоры предварительно центрированы и нормированы), λ – параметр регуляризации. Переменные D_t , $Z_{t-1}^{(j)}$, а также константа не штрафуются. Параметр регуляризации λ выбран путем 10-кратной кросс-валидации по критерию минимизации среднеквадратичной ошибки.

Для получения статистических выводов использован непараметрический метод бутстрапа при заданном параметре регуляризации: из исходных данных сгенерированы 1000 выборок с возвращением, рассчитаны оценки коэффициентов, их стандартные ошибки и скорректированные на смещение (bias-corrected and accelerated, BCa) 95%-ные доверительные интервалы [27]. Эмпирическое двустороннее Р-значение также рассчитывается на основе бутстрап-распределения.

Далее, для проверки устойчивости полученных результатов, предпринимаются следующие шаги.

Во-первых, получена оценка лассо-регрессии (least absolute shrinkage and selection operator, LASSO), т. е. применен метод отбора набора значимых предикторов [28]. Если переменная значима в гребневой регрессии и осталась значимой в лассо-регрессии, то это позволит утверждать об устойчивости оценки к выбору метода регуляризации.

Во-вторых, это оценка гребневой регрессии с контрольной функцией [29]. Инфляционные ожидания населения определяются прочими макроэкономическими и финансовыми переменными (например, валютный курс). Поскольку в литературе нередко утверждается об эндогенности внимания к инфляции, мы также используем инструментальные переменные – показатели инфляции, взятые с лагом,

$\pi_{t-1}^{(j)}$ и $\pi_{t-1}^{(j)} \cdot D_{t-1}$. В рамках метода оценки контрольной функции из уравнения первого шага извлекаются остатки (это контрольная функция) и добавляются в уравнение второго шага. Так как эндогенные переменные – это все переменные $\pi_{t-1}^{(j)}$ и $\pi_{t-1}^{(j)} \cdot D_{t-1}$, то контрольные функции также подвергаются регуляризации. Если остатки оказываются значимыми, то проблема эндогенности существенна и следует доверять модели с контрольной функцией.

Результаты и выводы

Результаты оценки гребневой регрессии с учетом структурного сдвига позволяют определить не только существенные факторы формирования внимания к инфляции, но также изменения в их наборе в условиях происходящей в России трансформации социально-экономической системы (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты оценки гребневой регрессии: значимые объясняющие переменные внимания к инфляции для периода 2014–2026 гг.

Переменная	Оценка коэффициента и ст. ошибка	95%-ный доверительный интервал		
		2,5%	97,5%	
Показатели инфляции ($\pi^{(j)}$) на группу товаров/услуг:				
Мясопродукты	2,2134	0,9920	4,2282	***
	(0,7918)			
Рыбопродукты	1,7921	0,7229	3,6525	***
	(0,6829)			
Молоко и молочная продукция	2,5603	1,4626	4,3331	***
	(0,8717)			
Яйца	−0,2927	−0,6416	−0,1015	***
	(0,1319)			
Кондитерские изделия	1,7259	0,9241	3,3235	***
	(0,6192)			
Макаронные и крупяные изделия	1,3948	1,1337	1,9535	***
	(0,4016)			
Одежда и белье	2,4768	1,4952	6,3103	***
	(0,9894)			
Меха и меховые изделия	−3,6328	−7,8222	−0,4346	**
	(1,9568)			

Продолжение табл. 1

Переменная	Оценка коэффициента и ст. ошибка	95%-ный доверительный интервал		
		2,5%	97,5%	
Трикотажные изделия	1,9303	0,7830	5,1706	***
	(0,9637)			
Обувь кожаная, текстильная и комбинированная	-2,8974	-5,8356	-1,6836	***
	(1,0346)			
Моющие и чистящие средства	1,8406	1,1418	4,8162	***
	(0,6093)			
Мебель	1,6088	0,0485	4,4696	**
	(1,2438)			
Телерадиотовары	0,9532	0,6355	1,6985	***
	(0,2685)			
Персональные компьютеры	0,9576	0,5487	2,6970	***
	(0,3410)			
Инструменты и оборудование	-0,4538	-1,6111	-0,0541	**
	(0,3337)			
Нефтепродукты	3,2979	2,3392	5,6221	***
	(0,6939)			
Медицинские товары	-2,6993	-4,3123	-2,1585	***
	(0,6599)			
Услуги пассажирского транспорта	1,7363	0,8078	4,8166	***
	(0,7545)			
Услуги связи	-1,4156	-5,2135	-0,4773	***
	(0,8505)			
Услуги в сфере зарубежного туризма	1,0137	0,7438	1,4535	***
	(0,1926)			
<i>Эффекты взаимодействия ($\pi_i^{(j)} \cdot D_i$) для группы товаров/услуг после 2022 г.:</i>				
Мясопродукты	-2,9339	-7,0043	-0,6567	**
	(1,5346)			
Рыбопродукты	-1,5984	-4,1159	-0,3506	**
	(0,9324)			
Общественное питание	-2,5647	-5,4805	-1,2586	***
	(1,0095)			
Одежда и белье	3,1307	0,7564	11,3629	**
	(2,4153)			

Окончание табл. 1

Переменная	Оценка коэффициента и ст. ошибка	95%-ный доверительный интервал		
		2,5%	97,5%	
Трикотажные изделия	3,0163 (1,9728)	0,8195	9,3301	***
Моющие и чистящие средства	1,4317 (1,0511)	0,8284	8,0505	***
Табачные изделия	3,3326 (2,1353)	0,5266	9,6520	**
Печатные издания	3,9324 (1,5120)	2,0220	8,4877	***
Строительные материалы	-2,2506 (1,2205)	-5,1395	-0,4068	**
Услуги связи	1,3230 (1,1017)	0,4007	6,8668	**

Примечание: Значимость коэффициента оценивается на основе расчетов 90%, 95%, 99% доверительных интервалов. Для удобства в таблице приводится 95%-ный доверительный интервал. Если значим только 90%-ный доверительный интервал, то в последнем столбце указано *, если только 90%, 95%, то – **, если 90%, 95%, 99%, то – ***.

Рассчитано автором по: данные сайта Банка России. <https://www.cbr.ru>; ресурс «Google Trends». <https://trends.google.com/trends/> (дата обращения: 05.06.2026).

По итогам регрессионного анализа (табл. 1) выявлены структурные изменения в карте «инфляционных маркеров» – товаров и услуг, подорожание которых формирует повышенное внимание населения к инфляции.

В период до начала структурной трансформации ведущим триггером внимания к инфляции выступали нефтепродукты (наиболее высокий коэффициент по величине в табл. 1), значимой была также белковая продовольственная группа – мясо, рыба и молочная продукция, подтверждая тем самым результаты предыдущих исследований о преобладающей роли часто покупаемых товаров повседневного спроса в формировании восприятия инфляции [14]. Отрицательную связь демонстрировали яйца, обувь, меха и меховые изделия, инструменты и оборудование, медицинские товары и услуги связи. Возможные причины могут быть связаны с локальностью ценовых шоков, с частотой покупки, с возможностью отложить ее на потом, а также с переключением внимания на другие категории товаров и услуг (например, на более дешевые аналоги-заменители).

После 2022 г. модель внимания трансформировалась: мясопродукты и рыбопродукты практически утратили роль триггеров, уступив место непродовольственным товарам – одежде, трикотажу, моющим и чистящим средствам, печатным изданиям и табачным изделиям. Это отражает резкий рост цен на импорт/логистику в легкой промышленности после ухода западных брендов и разрыва логистических цепочек; усиление налоговой нагрузки и регулирование товарных рынков. Одновременно цены на строительные материалы и услуги общественного питания уменьшили влияние на восприятие населением инфляции: отказ от «необязательных» трат, откладывание ремонта, строительства позволили переключить внимание на другие категории товаров и услуг.

Наблюдения за фокусом внимания потребителей товаров и услуг свидетельствуют о структурном изменении общественного восприятия инфляции: если ранее преобладал контроль над базовой продуктовой корзиной, то теперь сюда добавлены импортозависимые позиции и товары длительного пользования.

В итоге существенные факторы внимания к инфляции условно можно разбить на несколько групп. Первую группу образуют товары, стабильно значимые факторы роста внимания к инфляции, как до 2022 г., так и после. Абсолютным «лидером» здесь выступают нефтепродукты (коэффициент $\approx 3,30$)³, далее следуют молоко и молочная продукция ($\approx 2,56$). Это товары постоянного спроса, чье подорожание сильнее всего влияет на индекс внимания. Также к первой группе относятся: телерадиотовары ($\approx 0,95$), персональные компьютеры ($\approx 0,96$), макаронные и крупяные изделия ($\approx 1,39$) и услуги зарубежного туризма ($\approx 1,01$). Эти категории относятся к товарам повседневного быта, к электронике и к товарам и услугам премиального потребления, стабильно поддерживающим в целом высокий уровень внимания к инфляции. Вторую группу составляют факторы, частично или практически полностью утратившие влияние на внимательность потребителей к инфляции после структурного шока 2022 г.: мясопродукты (до 2022 г. $\approx 2,21$, после $\approx -0,72$), рыбопродукты (до 2022 г. $\approx 1,79$, после $\approx 0,19$). Ключевые белковые продукты перестали быть в фокусе внимания потребителей к инфляции. Третья группа – это инфляционные маркеры, которые приобрели значимость только после 2022 г. или в этот период их вклад в динамику инфляционных ожиданий вырос. Здесь можно выделить табачные изделия ($\approx 3,33$) и печатные издания ($\approx 3,93$), а также одежду и белье (до

³ Например, если инфляция нефтепродуктов вырастет на 1 п. п., то процент запросов по теме «инфляция» вырастет на 1,10 п. п. В приведенной интерпретации использована нормировка индекса внимания: суммарный индекс нормирован так, что значение индекса в марте 2022 г. равно значению переменной интенсивности запроса «инфляция».

2022 г. $\approx 2,48$, после $\approx 5,61$), трикотажные изделия (до 2022 г. $\approx 1,93$, после $\approx 4,95$), моющие и чистящие средства (до 2022 г. $\approx 1,84$, после $\approx 3,27$). Фокус общественного внимания сместился на непродовольственные товары, цены которых существенно выросли на фоне разрыва цепочек поставок и ухода с российского рынка крупных зарубежных брендов. Четвертая группа объединяет факторы с несколько парадоксальной обратной связью, чей рост цен статистически значимо снижает индекс внимания к инфляции. Это медицинские товары ($\approx -2,70$), обувь ($\approx -2,90$), после 2022 г. – строительные материалы ($\approx -2,25$) и общественное питание ($\approx -2,56$), а также услуги связи (до 2022 г. $\approx -1,42$, после $\approx -0,1$). Причиной этой тенденции отчасти может выступать широкий охват категорий товаров и услуг, для которых есть более дешевые аналоги, или существует возможность отложить потребление. В случае услуг связи, как правило, абонентская плата является фиксированной и повышение стоимости тарифа происходит разово и не так часто, как в случае с продуктами питания или нефтепродуктами. Приведенная систематизация факторов внимания к инфляции демонстрирует существенные изменения, произошедшие в значимости той или иной группы товаров и услуг в восприятии инфляции: внимание частично переключилось с привычной базовой продовольственной корзины к непродовольственным и избирательным товарам-маркерам.

Стоит отметить категории, для которых до 2022 г. наблюдалась отрицательная или незначимая связь между индексом внимания и показателями инфляции на товары и услуги в период после геополитического шока величина статистической связи увеличилась, стала значимой и положительной (табачные изделия, печатные издания) либо осталась отрицательной, но приблизилось к 0 (услуги связи). Иными словами, если ранее эти категории товаров и услуг не были маркерами инфляционных ожиданий, то именно в период после 2022 г. тенденция в росте внимания к инфляции на фоне подорожания этих товаров и услуг усилилась. Это согласуется с общим наблюдением, зафиксированным в зарубежных исследованиях [19]: в периоды резкого роста инфляционного давления наблюдается рост внимания к инфляции, а также согласуется с недавними оценками диагностичности инфляционных ожиданий на российских данных [30].

Новости о падении курса рубля приводят как к росту инфляционных ожиданий (в т. ч. внимания к инфляции), так и к росту цен на импортные товары, поэтому потенциальная проблема пропуска существенной переменной может занижить оценки коэффициентов. Включение в модель ридж-регрессии дополнительной контрольной переменной, т. е. взятой с лагом изменения реального валютного курса, демонстрирует устойчивость ранее сделанных выводов о направлении связи значимых переменных инфляции категории товаров/услуг и индекса

внимания к инфляции (см. табл. 2). После добавления контрольной переменной незначительно изменяются оценки коэффициентов, наиболее сильное увеличение по модулю наблюдается при эффектах взаимодействия индикатора периода структурной трансформации D_t и переменных инфляции категорий, связанных с импортом комплектующих, факторов производства и готовых изделий – одежды и белья (рост на 0,4050), общественного питания (рост на 0,3322) и трикотажных изделий (рост на 0,2140). Вывод о наборе товаров-маркеров также сохраняет валидность после добавления контрольной переменной⁴.

Таблица 2

Результаты оценки гребневой регрессии: значимые объясняющие переменные внимания к инфляции для периода 2014–2026 гг.

Переменная	Оценка коэффициента и ст. ошибка	95%-ный доверитель- ный интервал		
		2,5%	97,5%	
<i>Показатели инфляции ($\pi^{(i)}$) на группу товаров/услуг:</i>				
Мясопродукты	2,254	0,9569	4,0765	***
	(0,7833)			
Рыбопродукты	1,9136	0,882	4,0182	***
	(0,6978)			
Молоко и молочная продукция	2,6481	1,5856	4,4796	***
	(0,8736)			
Яйца	-0,296	-0,6236	-0,102	***
	(0,1311)			
Кондитерские изделия	1,7475	0,9766	3,3508	***
	(0,6223)			
Макаронные и крупяные изделия	1,3996	1,082	2,0742	***
	(0,4117)			
Одежда и белье	2,2818	1,0879	6,206	***
	(0,9981)			
Меха и меховые изделия	-3,8714	-8,971	-0,9249	**
	(1,9427)			
Трикотажные изделия	1,8862	0,6725	5,3555	***
	(0,9668)			

⁴ Использование альтернативной зависимой переменной, полученной с помощью метода главных компонент по аналогии с работой [20], не изменяет сделанных выводов.

Продолжение табл. 2

Переменная	Оценка коэффициента и ст. ошибка	95%-ный доверитель- ный интервал		
		2,5%	97,5%	
Обувь кожаная, текстильная и комбинированная	-2,9529	-6,0081	-1,659	***
	(1,0443)			
Моющие и чистящие средства	1,8191	1,124	4,9118	***
	(0,6040)			
Мебель	1,6165	0,1952	4,8886	**
	(1,2379)			
Телерадиотовары	0,9663	0,6383	1,7328	***
	(0,2809)			
Персональные компьютеры	0,9936	0,557	2,7626	***
	(0,3577)			
Инструменты и оборудование	-0,457	-1,3756	0,0198	*
	(0,3400)			
Нефтепродукты	3,3502	2,1573	5,1583	***
	(0,7099)			
Медицинские товары	-2,6609	-4,2427	-2,1174	***
	(0,6567)			
Услуги пассажирского транспорта	1,7378	0,7184	4,4985	***
	(0,7810)			
Услуги связи	-1,438	-5,3029	-0,4313	***
	(0,8679)			
Услуги в сфере зарубежного туризма	1,0191	0,7457	1,4828	***
	(0,1964)			
<i>Эффекты взаимодействия ($\pi^{(j)} \cdot D_i$) для группы товаров/услуг после 2022 г.:</i>				
Мясопродукты	-3,0112	-7,0814	-0,7311	**
	(1,5262)			
Рыбопродукты	-1,7172	-4,3297	-0,533	***
	(0,9354)			
Общественное питание	-2,2325	-5,2776	-0,7562	***
	(1,0123)			
Одежда и белье	3,5357	1,1835	11,9394	***
	(2,4536)			
Трикотажные изделия	3,2303	1,2037	9,6322	***
	(1,9451)			

Переменная	Оценка коэффициента и ст. ошибка	95%-ный доверитель- ный интервал		
		2,5%	97,5%	
Моющие и чистящие средства	1,4482 (1,0209)	0,8427	7,9402	***
Табачные изделия	3,3575 (2,1480)	0,5102	9,4774	**
Печатные издания	3,7882 (1,4533)	2,0003	8,7788	***
Строительные материалы	-2,3594 (1,1680)	-5,3469	-0,696	***
Услуги связи	1,331 (1,0659)	0,3886	6,7559	**

Примечание: Значимость коэффициента оценивается на основе расчетов 90%, 95%, 99% доверительных интервалов. Для удобства в таблице приводится 95%-ный доверительный интервал. Если значим только 90%-ный доверительный интервал, то в последнем столбце указано *, если только 90%, 95%, то – **, если 90%, 95%, 99%, то – ***.

Рассчитано автором по: данные сайта Банка России. <https://www.cbr.ru>; ресурс «Google Trends». <https://trends.google.com/trends/> (дата обращения: 05.06.2026).

Оценка лассо-регрессии (см. табл. 3) показала, что устойчивыми факторами внимания к инфляции в 2014–2021 гг. являются темпы прироста цен на следующие группы товаров и услуг: мясопродукты, молоко и молочная продукция, яйца, макаронные и крупяные изделия, моющие и чистящие средства, персональные компьютеры, нефтепродукты, медицинские товары, услуги пассажирского транспорта и услуги в сфере зарубежного туризма. Это согласуется с выводами, сделанными по гребневой регрессии для периода до 2022 г. Оценки коэффициентов при эффектах взаимодействия проявили нестабильные результаты, что может быть связано с небольшим числом наблюдений за период с февраля 2022 г.

Наконец, с целью проверки устойчивости результатов к проблеме эндогенности применен двухшаговый подход на основе контрольной функции (control function approach). На первом этапе были оценены остатки из регрессий, в которых зависимые переменные – это отобранные гребневой регрессией значимые переменные, а объясняющие переменные – это экзогенные переменные и лаги первого порядка значимых предикторов (показателей инфляции). Затем остатки уравнения первого шага были добавлены в модель второго шага – гребневую регрессию, в которой экзогенные переменные и остатки не подлежали регуляризации.

Таблица 3

Результаты оценки лассо-регрессии: существенные объясняющие переменные внимания к инфляции в 2014–2026 гг.

Переменная	Оценка коэффициента	95%-ный доверитель- ный интервал		
		2,5%	97,5%	
Мясопродукты	3,9098	1,3543	6,4653	***
Молоко и молочная продукция	3,7257	1,0833	6,3681	***
Сыр	–0,455	–0,455	–0,455	***
Яйца	–0,3098	–0,6164	–0,0033	**
Макаронные и крупяные изделия	1,3445	0,2383	2,4507	**
Моющие и чистящие средства	4,9922	1,2588	8,7255	***
Галантерея	–0,031	–0,031	–0,031	***
Электротовары и другие бытовые приборы	–2,1142	–2,1142	–2,1142	***
Персональные компьютеры	2,7308	0,0331	5,4285	**
Средства связи	–1,0737	–1,0826	–1,0648	**
Нефтепродукты	4,5057	2,3137	6,6977	***
Медицинские товары	–3,7451	–5,9653	–1,5248	***
Услуги пассажирского транспорта	2,9352	0,7501	5,1203	***
Услуги в сфере зарубежного туризма	1,5413	0,9257	2,1569	***

Примечание: Значимость коэффициента оценивается на основе расчетов 90%, 95%, 99% доверительных интервалов. Для удобства в таблице приводится 95% доверительный интервал. Если значим только 90%-ный доверительный интервал, то в последнем столбце указано *, если только 90%, 95%, то – **, если 90%, 95%, 99%, то – ***.

Рассчитано автором по: данные сайта Банка России. <https://www.cbr.ru>; ресурс «Google Trends». <https://trends.google.com/trends/> (дата обращения: 05.06.2026).

Нулевая гипотеза об отсутствии эндогенности (равенство нулю коэффициентов при всех остатках с первого шага) была проверена с помощью теста Вальда. Ковариационная матрица оценок получена непараметрическим бутстрапом (500 репликаций). Расчетное Р-значение составило 0,6603, т. е. по результатам теста не удастся отклонить гипотезу о несущественности проблемы эндогенности.

Заключение

Представленное исследование демонстрирует структурные изменения, которые произошли в период после 2022 г. в наборе товаров-маркеров инфляционных ожиданий. С помощью эконометрических

расчетов показана статистическая связь между индексом внимания, измеренным на данных интенсивности Интернет-запросов, и данными по инфляции различных категорий товаров и услуг.

Наши расчеты также показывают, что внимание к инфляции ограничено: в то время как внимание усиливается с ростом цен на одни группы товаров и услуг, на другие внимание ослабевает. Это согласуется с концепцией ограниченной рациональности, на которую нередко опираются российские исследователи [1; 21].

В то время как предыдущее исследование [1] показывает, что в набор товаров-маркеров преимущественно входят товары длительного пользования и услуги (легковые автомобили и шины для них, мебель, одежда, обувь, галантерея, аренда жилья, содержание и ремонт жилья, городской пассажирский транспорт, образовательные услуги), представленные в данном исследовании расчеты демонстрируют, что внимание к инфляции, которое непосредственно влияет на формирование инфляционных ожиданий, сосредоточено на других категориях товаров и услуг. Это товары базовой потребительской корзины, как правило, обладающие более высокой ценовой волатильностью. Новый результат, полученный на более продолжительном периоде, связан со смещением внимания к инфляции товаров длительного пользования, которое происходит в период после 2022 г. и связано с непосредственными ограничениями в ответ на геополитический шок.

В отличие от предыдущих исследований, мы находим статистически значимую связь между индексом внимания и инфляцией нефтепродуктов. Расчеты показывают, что нефтепродукты являются абсолютным лидером по воздействию на индекс внимания к инфляции. Это может объясняться разницей в метриках («индекс внимания» или опросные инфляционные ожидания) и, соответственно, охватом аудитории. По предыдущим работам известно, что показатели запросов обладают лучшей прогнозной силой для динамики инфляции: дальнейшие исследования могут точнее разрешить вопрос о роли «громкости» и содержательности новостей в динамике инфляционных ожиданий, полученных с помощью опросов и других методов.

В целом результаты расчетов демонстрируют возможную уязвимость инфляционных ожиданий. Несмотря на отсутствие положительной связи между индексом внимания и индексами инфляции для некоторых категорий (яйца, медицинские товары, услуги связи), внимательность населения к инфляции чувствительна к высоковолатильным ценам групп товаров и услуг, в том числе ввиду курсовых колебаний и волатильности цен на продукты питания. К таким категориям товаров и услуг относятся: телерадиотовары, персональные компьютеры, макаронные и крупяные изделия, услуги зарубежного туризма, моющие и чистящие средства, мебель, инструменты и оборудование.

Дальнейшие исследования могут уточнить результаты расчетов на данных других мер внимательности к инфляции, а также на панельных данных по инфляционным ожиданиям различных групп населения.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Грищенко В. и др. Идентификация товаров-маркеров и влияние их цен на инфляционные ожидания российских домохозяйств // Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях. 2023. № 117. [Grishchenko V. et al. Identification of marker goods and the impact of their prices on inflation expectations of Russian households // Bank of Russia. Economic Research Report Series. 2023. No. 117. (In Russ.).]
2. Kilian L., Zhou X. The impact of rising oil prices on US inflation and inflation expectations in 2020–23 // *Energy Economics*. 2022. Vol. 113. Article. 106228. DOI: 10.1016/j.eneco.2022.106228.
3. Lucas R.E. – Jr. An equilibrium model of the business cycle // *Journal of political economy*. 1975. Vol. 83. No. 6. Pp. 1113–1144. DOI: 10.1086/260386.
4. Lucas R.E. – Jr. Some international evidence on output-inflation tradeoffs // *The American economic review*. 1973. Vol. 63. No. 3. Pp. 326–334. DOI: 10.2307/1818318.
5. Sims C.A. Implications of rational inattention // *Journal of monetary Economics*. 2003. Vol. 50. No. 3. Pp. 665–690. DOI: 10.1016/S0304-3932(03)00029-1.
6. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. Biases in judgments reveal some heuristics of thinking under uncertainty // *Science*. 1974. Vol. 185. No. 4157. Pp. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124.
7. Campbell S.D., Sharpe S.A. Anchoring bias in consensus forecasts and its effect on market prices // *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. 2009. Vol. 44. No. 2. Pp. 369–390. DOI: 10.1017/S0022109009090127.
8. Thaler R.H., Shefrin H.M. An economic theory of self-control // *Journal of political Economy*. 1981. Vol. 89. No. 2. Pp. 392–406. DOI: 10.1086/260971.
9. Cavallo A., Cruces G., Perez-Truglia R. Inflation expectations, learning, and supermarket prices: Evidence from survey experiments // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2017. Vol. 9. No. 3. Pp. 1–35. DOI: 10.1257/mac.20150147.
10. Evans G.W., Honkapohja S. Learning and expectations in macroeconomics. Princeton University Press, 2001. DOI: 10.1515/9781400824267.
11. Hansen L.P., Sargent T.J. Robust control and model uncertainty // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 2. Pp. 60–66. DOI: 10.1257/aer.91.2.60.
12. Qin L., Sidiropoulos M., Spyromitros E. Robust monetary policy under uncertainty about central bank preferences // *Bulletin of Economic Research*. 2010. Vol. 62. No. 2. Pp. 197–208. DOI: 10.1111/j.1467-8586.2009.00324.x.
13. Coibion O., Gorodnichenko Y. Is the Phillips curve alive and well after all? Inflation expectations and the missing disinflation // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2015. Vol. 7. No. 1. Pp. 197–232. DOI: 10.1257/mac.20130306.
14. D’Acunto F. et al. Exposure to grocery prices and inflation expectations // *Journal of Political Economy*. 2021. Vol. 129. No. 5. Pp. 1615–1639. DOI: 10.1086/713192.
15. Matinyan A. et al. The role of information in shaping inflation expectations and perceptions: A survey experiment // *Journal of Macroeconomics*. 2026. Article 103754. DOI: 10.1016/j.jmacro.2026.103754.

16. *Armantier O. et al.* Measuring inflation expectations // *Annual Review of Economics*. 2013. Vol. 5. No. 1. Pp. 273–301. DOI: 10.1146/annurev-economics-081512-141510.
17. *Kmetz A., Shapiro A.H., Wilson D.J.* Can the news drive inflation expectations // *FRBSF Economic letter*. 2022. Vol. 2022. No. 31. Pp. 1–6. <https://ideas.repec.org/a/fip/fedfel/95086.html>
18. Голощапова И.О., Андреев М.Л. Оценка инфляционных ожиданий российского населения методами машинного обучения // *Вопросы экономики*. 2017. № 6. С. 71–93. [*Goloshchapova I.O., Andreev M.L.* Estimation of inflation expectations of the Russian population using machine learning methods // *Voprosy Ekonomiki*. 2017. No. 6. Pp. 71–93. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2017-6-71-93.
19. *Buelens C.* Googling ‘inflation’: Household inflation attention across the euro area // *European Journal of Political Economy*. 2025. Vol. 89. Article. 102702. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2025.102702.
20. Петрова Д.А. Оценка инфляционных ожиданий на основе интернет-данных // *Прикладная эконометрика*. 2022. Т. 66. № 2. С. 25–38. [*Petrova D.A.* Estimating inflation expectations based on Internet data // *Applied Econometrics*. 2022. Vol. 66. No. 2. Pp. 25–38. (In Russ.).] DOI: 10.22394/1993-7601-2022-66-25-38.
21. Евстигнеева А., Карпов Д. Влияние негативных новостей на восприятие инфляции населением // *Серия докладов об экономических исследованиях Банка России*. 2023. № 111. [*Evtigneeva A., Karpov D.* The impact of negative news on the public’s perception of inflation // *Bank of Russia. Economic Research Report Series*. 2023. No. 111. (In Russ.).]
22. Евстигнеева А., Снегирева О., Белоглазова И. Основные нарративы российского общества об инфляции, экономике и ключевой ставке. Взгляд со стороны обоснованной теории в социологии. // *Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях*. 2026. № 166. [*Evtigneeva A., Snegireva O., Beloglazova I.* Key narratives of Russian society on inflation, the economy, and the key rate: A grounded theory approach in sociology // *Bank of Russia. Economic Research Report Series*. 2026. No. 166. (In Russ.).]
23. *Bracha A., Tang J.* Inflation levels and (in) attention // *Review of Economic Studies*. 2025. Vol. 92. No. 3. Pp. 1564–1594. DOI: 10.1093/restud/rdae063.
24. *Guillochon J., ter Ellen S.* Inflation concern, attention and central bank trust // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2025. Vol. 239. Article. 107268. DOI: 10.1016/j.jebo.2025.107268.
25. Тихонов А.Н. О решении некорректно поставленных задач и методе регуляризации // *Доклады Академии наук*. 1963. Т. 151. № 3. С. 501–504. [*Tikhonov A.N.* On the solution of incorrectly stated problems and a method of regularization // *Reports of the Academy of Sciences*. 1963. Vol. 151. No. 3. Pp. 501–504. (In Russ.).] <https://www.mathnet.ru/links/aca76b48e09c6192a9001ac1108f15de/dan28329.pdf> (дата обращения: 09.06.2026).
26. *Hoerl A.E., Kennard R.W.* Ridge regression: Biased estimation for non-orthogonal problems // *Technometrics*. 1970. Vol. 12. No. 1. Pp. 55–67. DOI: 10.1080/00401706.1970.10488634.
27. *Efron B., Tibshirani R.J.* An introduction to the bootstrap (1st ed.). Chapman and Hall/CRC. DOI: 10.1201/9780429246593.
28. *Tibshirani R.* Regression shrinkage and selection via the lasso // *Journal of the Royal Statistical Society Series B: Statistical Methodology*. 1996. Vol. 58. No. 1. Pp. 267–288. DOI: 10.1111/j.2517-6161.1996.tb02080.x.
29. Новиков Д. Инфляционные ожидания потребителей в России и США: гипотеза диагностических ожиданий // *Деньги и кредит*. 2026. Т. 85. № 1. С. 35–62. [*Novikov D.*

Consumer inflation expectations in Russia and the US: Testing the diagnostic expectations hypothesis // *Money and Credit*. 2026. Vol. 85. No. 1. Pp. 35–62. (In Russ.)]

30. Wooldridge J.M. Control function methods in applied econometrics // *Journal of Human resources*. 2015. Vol. 50. No. 2. Pp. 420–445. DOI: 10.3368/jhr.50.2.420.

Дата поступления рукописи: 12.06.2026 г.

Дата принятия к публикации: 13.08.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Банникова Виктория Алексеевна – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Центра математического моделирования экономических процессов Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2140-3875

bannikova-va@ranepa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Victoria A. Bannikova – Cand. Sci. (Econ.), Junior Researcher, Mathematical Modeling of Economic Processes Department, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2140-3875

bannikova-va@ranepa.ru

MARKER GOODS OF INFLATION ATTENTION: CHANGES IN THEIR CATEGORIES AND TYPES UNDER THE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY, 2014–2026⁵

The article analyzes changes in the population's attention to information related to inflation for the periods from 2014 to 2021 and 2022 to 2026. Based on the results of a study conducted using regularization and control function methods on data from Internet queries on the topic of "inflation" and Russian statistics, it is shown that in 2014–2021, the leading marker goods were petroleum products and food products (meat, fish, dairy products), while in 2022–2026 importance of several food products (meat, fish) decreased, while the importance of import-dependent non-food products (clothing, knitwear, tobacco products, printed products) increased. Categories with a negative price–attention relationship (medical goods, footwear, construction materials, public catering) are identified, which is explained by limited availability of these goods and, consequently, limited attention to inflation in these categories, postponed consumption, and substitution with cheaper alternatives. Monitoring marker goods of inflation attention growth is essential for anchoring expectations and improving inflation targeting effectiveness.

Keywords: *inflation attention, marker goods, Internet queries, consumer price index.*

JEL: D12, E31, E52.

⁵ The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Д.М. КРУК

аспирант кафедры мировой экономики экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова; сотрудник Департамента
глобальных рынков Московского банка Сбербанка России

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ФИНАНСОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Статья посвящена комплексному анализу конвергенции инновационных финансовых технологий, определяющих трансформацию мировой финансовой архитектуры (МФА) в период 2020–2026 гг. На основе систематизации данных Банка международных расчетов (BIS), Международного валютного фонда (IMF), Совета по финансовой стабильности (FSB) и Всемирного экономического форума (WEF) исследуются три ключевых технологических вектора: токенизация реальных активов (RWA), цифровые валюты центральных банков (CBDC) и применение искусственного интеллекта (ИИ) в финансовом секторе. Авторский вклад состоит в количественной верификации факторов, определяющих стадию внедрения CBDC на панельных данных 85 стран за период 2020–2024 гг. с применением порядковой логистической регрессии. Установлено, что уровень проникновения криптоактивов, качество регуляторной среды и глубина финансового сектора статистически значимо повышают вероятность перехода страны на более продвинутую стадию CBDC-проекта. Выявлено, что интенсивность институциональной реакции – принятие регламента MiCA в ЕС и закона GENIUS в США – является валидным индикатором трансформирующего воздействия платформенных решений на МФА.

Ключевые слова: *мировая финансовая архитектура, токенизация реальных активов, цифровые валюты центральных банков, CBDC, блокчейн, искусственный интеллект, стейблкоины, DeFi, MiCA, трансграничные платежи.*

УДК: 339.7, 004.738.5

EDN: MUIENB

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_118_133

Введение

Мировая финансовая архитектура переживает период глубинной трансформации, характер и масштаб которой позволяют говорить о формировании нового технологического уклада в глобальных финансах. На протяжении последних нескольких лет три взаимосвязанных технологических вектора – токенизация реальных активов¹, цифровые валюты центральных банков² и искусственный интеллект – из сферы экспериментальных разработок перешли в область практического воздействия на ключевые элементы мировой финансовой архитектуры³ (далее – МФА): расчетные механизмы, монетарные инструменты и систему финансового посредничества. Рынок токенизированных активов демонстрирует кратный рост (объем токенизированных RWA вырос с 5,5 млрд долл. США в начале 2025 г. до 18,6 млрд долл. США к концу года, увеличившись в 3,4 раза)⁴, подавляющее большинство центральных банков мира вовлечены в разработку собственных цифровых валют, а проникновение ИИ в финансовый сектор достигло уровня, при котором значительная часть институтов связывает с ним прирост выручки. Параллельно крупнейшие страны, такие как США, Китай (в том числе Сингапур), а также Европейский союз приняли первые комплексные регуляторные рамки для цифровых активов, что само по себе является свидетельством признания системной значимости происходящих изменений на уровне глобальных регуляторов.

Вместе с тем существующая академическая литература преимущественно исследует указанные технологические кластеры изолированно друг от друга, не раскрывая их системное воздействие на МФА и механизмы взаимного усиления. Настоящая статья призвана восполнить данный пробел посредством комплексного анализа указанных трех ключевых технологических векторов в их системном единстве, дополненного авторским эконометрическим исследованием факторов, опре-

¹ Токенизация реальных активов (Real-World Asset Tokenization, RWA) – процесс создания цифрового представления права собственности на материальный или финансовый актив на блокчейне, обеспечивающий его программируемость, прослеживаемость и передаваемость без традиционных посредников.

² Цифровая валюта центрального банка (Central Bank Digital Currency, CBDC) – цифровая форма законного платежного средства, выпускаемого и гарантируемого центральным банком, являющаяся его прямым обязательством в отличие от средств на депозитах коммерческих банков.

³ Мировая финансовая архитектура (МФА) – совокупность институтов, норм, расчетных механизмов и монетарных инструментов, обеспечивающих функционирование глобальной финансовой системы.

⁴ Источник данных о рынке токенизированных активов: RWA.xyz. Real-World Asset Market Data. <https://www.rwa.xyz> (дата обращения: 01.04.2026).

деляющих стадию внедрения CBDC на панельных данных 85 стран. Метод сравнительного анализа в сочетании с порядковой логистической регрессией позволил: выявить механизмы замещения традиционных элементов МФА инновационными платформенными решениями; количественно верифицировать факторы продвижения стран по стадиям CBDC-проектов; систематизировать формы институциональной реакции международных финансовых организаций и национальных регуляторов; определить траектории дальнейшей трансформации МФА и сформулировать рекомендации для российских регуляторов.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к анализу отдельных технологических векторов, необходимо уточнить содержание понятия «трансформация мировой финансовой архитектуры» и охарактеризовать механизмы, посредством которых платформенные решения воздействуют на ее ключевые элементы. Под трансформацией МФА в настоящей работе понимается изменение состава, функций и взаимосвязей базовых элементов глобальной финансовой системы (расчетно-платежных механизмов, инструментов денежно-кредитной политики, институтов финансового посредничества и регуляторной инфраструктуры) под воздействием цифровых технологий. Указанное воздействие реализуется через два взаимодополняющих механизма. Первый механизм – замещение (субституция): инновационные платформенные решения создают параллельные инфраструктуры, способные выполнять функции традиционных элементов МФА (расчеты, эмиссию, посредничество) автономно от них, постепенно вытесняя или дополняя действующие институты. Второй механизм – институциональная реакция: масштаб распространения платформенных решений вынуждает международные финансовые институты и национальные регуляторы вырабатывать новые нормы, стандарты и надзорные практики, причем интенсивность такой реакции служит косвенным индикатором степени трансформирующего воздействия соответствующей технологии. Дальнейший анализ структурирован по трем технологическим векторам – токенизация реальных активов, цифровые валюты центральных банков и искусственный интеллект, каждый из которых рассматривается сквозь призму обоих механизмов и их влияния на конкретные элементы МФА.

Теоретическое осмысление природы финансовых инноваций восходит к работам Й. Шумпетера⁵, рассматривавшего инновации как

⁵ Йозеф Алоис Шумпетер (Joseph Alois Schumpeter, 1883–1950) – австрийский и американский экономист, автор теории экономического развития и концепции «творческого разрушения» (creative destruction), согласно которой инновации являются ключевым двигателем экономической динамики.

ключевую движущую силу экономического развития через механизм «творческого разрушения» [1]. Применительно к современной финансовой сфере данная концепция проявляется в последовательном замещении традиционных финансовых посредников и инструментов новыми технологическими решениями, обеспечивающими снижение транзакционных издержек, расширение доступности финансовых услуг и повышение эффективности распределения капитала. Р. Мертон⁶ разработал функциональный подход к финансовой системе, согласно которому финансовые инновации возникают в ответ на рыночные несовершенства – информационную асимметрию и транзакционные издержки [2]. Инновационная спираль Мертона (рыночные фрикции порождают спрос на новые инструменты, которые снижают эти фрикции, после чего регулирование адаптируется к новым реалиям, создавая новые фрикции) с исключительной точностью воспроизводится на современном этапе цифровых финансовых инноваций. Дополнительную аналитическую ценность представляет гипотеза финансовой нестабильности Х. Мински⁷, согласно которой стабильность порождает нестабильность: периоды спокойного роста стимулируют принятие все большего риска и финансовые инновации, которые в конечном счете ведут к системной нестабильности [3]. Данное теоретическое положение приобретает особую актуальность при оценке рисков децентрализованных финансов⁸ (далее – DeFi) и системных стейблкоинов⁹, рассматриваемых в настоящей работе.

Первым ключевым технологическим вектором трансформации МФА являются технологии распределенных реестров¹⁰ (далее – DLT) и основанная на них токенизация реальных активов. DLT представляет собой децентрализованную базу данных, совместно управляемую множеством участников, ключевыми характеристиками которой выступают

⁶ Роберт Кокс Мертон (Robert Cox Merton, р. 1944) – американский экономист, профессор Гарвардской школы бизнеса, лауреат Нобелевской премии по экономике (1997). Разработал функциональный подход к финансовой системе.

⁷ Хайман Филип Мински (Human Philip Minsky, 1919–1996) – американский экономист, профессор Вашингтонского университета в Сент-Луисе. Разработал гипотезу финансовой нестабильности (Financial Instability Hypothesis).

⁸ Децентрализованные финансы (Decentralized Finance, DeFi) – совокупность финансовых приложений, построенных на публичных блокчейнах, обеспечивающих предоставление финансовых услуг без традиционных централизованных посредников.

⁹ Стейблкоин (Stablecoin) – цифровой актив, привязанный к стабильному активу (как правило, доллару США), нацеленный на минимизацию ценовой волатильности. Крупнейшие стейблкоины – Tether (USDT) и USD Coin (USDC).

¹⁰ Технология распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT) – децентрализованная база данных, совместно управляемая множеством участников без единого центрального органа контроля. Блокчейн является наиболее распространенным типом DLT.

Таблица 1

Структура рынка токенизированных реальных активов (RWA), 2025 г.

Сегмент рынка	Доля, %	Объем, млрд долл. США
Частный кредит	58	~10,8
Казначейские обязательства США	34	~6,3
Недвижимость	3	~0,6
Прочие активы	5	~0,9
Итого	100	~18,6

Источник: составлено автором по: RWA.xyz. Real-World Asset Market Data. <https://www.rwa.xyz> (дата обращения: 01.04.2026); BCG, Ripple. Tokenization of Real World Assets. Boston, 2025.

неизменяемость записей, прозрачность транзакций, устойчивость к фальсификациям и возможность исполнения смарт-контрактов¹¹ без посредников. Токенизация RWA – процесс создания цифрового представления права собственности на актив на блокчейне – признается Всемирным экономическим форумом¹² (далее – ВЭФ) одной из наиболее трансформативных финансовых инноваций текущего десятилетия [4]. Рынок токенизированных RWA продемонстрировал взрывной рост в 2025 г.: если в начале года объем обращающихся на блокчейне токенизированных активов составлял около 5,5 млрд долл. США, то к концу года данный показатель превысил 18,6 млрд долл. США – трехкратный рост по итогам одного года. Структура рынка свидетельствует о преобладании институционально значимых активов: частный кредит составляет 58%, казначейские обязательства США – 34%, недвижимость – около 3% (см. табл. 1). Сопоставимые оценки экономического содержания и потенциала конвергенции токенизированных активов и цифровых валют представлены в работах отечественных исследователей, например, Д. Кочергина и С. Андрюшина [6]. Долгосрочные прогнозы указывают на масштабный потенциал рынка: по оценке BCG¹³ и Ripple, объем токенизи-

¹¹ Смарт-контракт (Smart Contract) – самоисполняющийся программный код, размещенный на блокчейне и автоматически выполняющий условия сделки при наступлении заранее определенных условий без участия посредников.

¹² Всемирный экономический форум (World Economic Forum, ВЭФ) – международная организация, основанная в 1971 г. в Женеве (Швейцария), объединяющая лидеров бизнеса, политики и науки.

¹³ BCG (Boston Consulting Group) – глобальная консалтинговая компания, основанная в 1963 г. в Бостоне (США). Ripple – американская финтех-компания, разработавшая одноименную платежную сеть для международных переводов.

рованных активов вырастет с нынешних 0,6 трлн до 18,9 трлн долл. к 2033 г. при CAGR¹⁴ 53% [5].

Значимым индикатором широкого применения института токенизации является вовлеченность крупнейших финансовых институтов в выпуск и обращение токенизированных активов. BlackRock¹⁵ запустил токенизированный фонд денежного рынка BUIDL¹⁶ на блокчейне Ethereum¹⁷, открытый для квалифицированных инвесторов. Franklin Templeton¹⁸ разместил токенизированный фонд BENJI на блокчейне Stellar¹⁹, накопив около 800 млн долл. активов. JPMorgan²⁰ через платформу Tokenized Collateral Network автоматизировал управление маржинальными требованиями, существенно сократив транзакционные издержки [4]. Указанные процессы иллюстрируют механизм замещения: токенизация создает параллельные расчетные и учетные инфраструктуры, способные функционировать автономно от традиционных элементов МФА – центральных депозитариев, клиринговых палат и кастодианов²¹.

Вторым ключевым вектором трансформации МФА выступают цифровые валюты центральных банков. CBDC представляет собой цифровую форму законного платежного средства, являющуюся прямым обязательством центрального банка, что принципиально отличает ее как от криптовалют, так и от безналичных средств на депозитах коммерческих банков [9]. По данным опроса Банка меж-

¹⁴ CAGR (Compound Annual Growth Rate) – совокупный среднегодовой темп роста, рассчитываемый как геометрическое среднее годовых темпов роста за период.

¹⁵ BlackRock – крупнейшая в мире компания по управлению активами (около 11,6 трлн долл. США под управлением, 2024 г.), основанная в 1988 г. в Нью-Йорке (США).

¹⁶ BUIDL (BlackRock USD Institutional Digital Liquidity Fund) – токенизированный фонд денежного рынка BlackRock на блокчейне Ethereum, инвестирующий в казначейские обязательства США и операции РЕПО.

¹⁷ Ethereum – публичная блокчейн-платформа с поддержкой смарт-контрактов, запущенная в 2015 г. Является крупнейшей платформой для токенизации реальных активов.

¹⁸ Franklin Templeton – глобальная инвестиционная компания, основанная в 1947 г. в Нью-Йорке (США). BENJI – токенизированный фонд денежного рынка Franklin Templeton на блокчейне Stellar.

¹⁹ Stellar – публичная блокчейн-платформа, созданная в 2014 г. и ориентированная на обеспечение быстрых и дешевых международных переводов.

²⁰ JPMorgan Chase & Co. – крупнейший банк США по объему активов (около 4,1 трлн долл. США, 2024 г.). Tokenized Collateral Network (TCN) – платформа JPMorgan для управления залоговым обеспечением с использованием токенизированных активов.

²¹ Кастодиан (custodian) – финансовый институт (как правило, банк), осуществляющий хранение и учет ценных бумаг и иных активов клиентов, а также обслуживание сделок с ними. Кастодианы являются ключевым звеном традиционной инфраструктуры хранения активов.

дународных расчетов²² (далее – БМР) 2024 г., охватившего 93 центральных банка, 91% ведут активные исследования в области CBDC [8]. Систематизация современных моделей систем цифровых валют центральных банков представлена в [10]. Европейский центральный банк²³ в ноябре 2023 г. перешел из исследовательской в подготовительную фазу проекта цифрового евро [11]. Проект mBridge²⁴ – мультивалютная CBDC-платформа – нацелен на устранение ключевых ограничений системы корреспондентских банков: высоких комиссий (3–7% для розничных переводов), длительных сроков (1–5 рабочих дней) и ограниченной прозрачности [12]. Политические и экономические ожидания, заложенные в проект mBridge, а также его потенциал для трансформации международных расчетов подробно проанализированы в работах российских экономистов Е. Даниловой, А.Маслова [13], равно как и перспективы расчетов цифровыми валютами центральных банков на платформенной основе в зарубежных странах и в России (см., например: [14]). Сравнительная характеристика платформенных решений в трансграничных расчетах представлена в табл. 2.

Принципиально иной механизм трансформации МФА реализуют системные стейблкоины – частные цифровые активы, привязанные к доллару США (USDT, USDC), де-факто создающие параллельный доллару расчетный канал вне контроля Федеральной резервной системы²⁵. Исследования БМР выявили, что стейблкоины активно используются населением стран с высокой инфляцией как средство сбережения [8]. Крупнейшие стейблкоины инвестируют преимущественно в казначейские облигации США, причем их совокупные позиции сопоставимы с позициями крупных суверенных держателей, что создает качественно новый системный риск: массовое погашение стейблкоинов может спровоцировать «горячие продажи» казначейских обязательств [8]. Именно масштаб данного риска обусловил при-

²² Банк международных расчетов (Bank for International Settlements, БМР) – международная финансовая организация, основанная в 1930 г. в Базеле (Швейцария), координирующая деятельность центральных банков мира.

²³ Европейский центральный банк (European Central Bank, ЕЦБ) – центральный банк еврозоны, основанный в 1998 г. во Франкфурте-на-Майне (Германия), ответственный за денежно-кредитную политику 20 государств – членов ЕС.

²⁴ Проект mBridge – многовалютная CBDC-платформа для трансграничных расчетов, разрабатываемая Инновационным хабом БМР совместно с центральными банками КНР, ОАЭ, Гонконга и Таиланда.

²⁵ Федеральная резервная система (Federal Reserve System, ФРС) – центральный банк США, созданный в 1913 г. Осуществляет денежно-кредитную политику и банковский надзор.

Таблица 2

**Сравнительная характеристика платформенных решений
в трансграничных расчетах**

Параметр	SWIFT*	mBridge	CIPS**	Стейбл- коины
Скорость расчета	1–5 дней	Секунды	Минуты	Минуты
Комиссия	3–7%	<0,1%	0,1–0,5%	<1%
Институциональный тип	Частный	Межгосудар- ственный	Националь- ный	Частный
Регуляторный статус	Устояв- шийся	Пилотный	Действую- щий	MiCA/ GENIUS

* SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication) – международная межбанковская система передачи финансовых сообщений, основанная в 1973 г. в Брюсселе (Бельгия). Обеспечивает обмен платежными поручениями между более чем 11 000 финансовых институтов.

** CIPS (Cross-border Interbank Payment System) – китайская система трансграничных межбанковских платежей в юанях, запущенная в 2015 г. Народным банком Китая.

Составлено автором по: Bank for International Settlements. Annual Economic Report 2025. Basel, 2025. <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2025e.htm> (дата обращения: 01.04.2026); Инновационный хаб БМР. Project mBridge. Basel, 2022. https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/mcbdc_bridge.htm (дата обращения: 01.04.2026).

нятие первых комплексных регуляторных рамок: регламента MiCA²⁶ в ЕС и закона GENIUS²⁷ в США. Стейблкоины одновременно реализуют оба охарактеризованных выше механизма трансформации МФА: замещение – поскольку формируют параллельный доллару расчетный канал, выполняющий функцию трансграничных платежей автономно от традиционной банковской инфраструктуры; и вынужденную ответную реакцию регуляторов. Так, широкое распространение стейблкоинов заставило власти ЕС и США в ускоренном порядке выработать специальные регуляторные режимы (MiCA и GENIUS) для ограничения возникшего системного риска.

Третьим ключевым вектором трансформации МФА является искусственный интеллект. По данным глобального опроса McKinsey²⁸

²⁶ Регламент ЕС о рынках криптоактивов (Markets in Crypto-Assets, MiCA) – первый комплексный регуляторный режим для криптоактивов: Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-Assets // Official Journal of the European Union. 2023. Вступил в полную силу в декабре 2024 г.

²⁷ Закон GENIUS (Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act): GENIUS Act. United States Congress, 2025. Первая федеральная нормативная база США для стейблкоинов; устанавливает требование 100% резервного покрытия и ежемесячного раскрытия информации об активах.

²⁸ McKinsey & Company – глобальная консалтинговая компания, основанная в 1926 г. McKinsey Global Institute – ее исследовательское подразделение.

(2025), 78% организаций используют ИИ как минимум в одной бизнес-функции – против 55% в 2023 г. [15]. Финансовые институты потратили 35 млрд долл. на ИИ в 2023 г., прогноз на 2027 г. составляет 97 млрд долл. США [15]. По отраслевым оценкам, ИИ-системы обнаружения мошенничества позволяют существенно сократить ежегодные потери банков от финансовых преступлений. Однако системное воздействие ИИ на МФА проявляется не столько в операционной эффективности, сколько в формировании нового качества финансового посредничества. McKinsey предупреждает о потенциальном снижении банковских доходов на 170 млрд долл. США по мере перехода клиентов к агентскому ИИ для оптимизации балансов [15], что де-факто означает передачу функции финансового посредничества от банков к ИИ-платформам. RegTech²⁹ и SupTech³⁰ представляют зеркальные проявления одного процесса: финансовые институты автоматизируют комплаенс, а регуляторы – надзор в реальном времени. Закон ЕС об искусственном интеллекте³¹ классифицировал ИИ-системы алгоритмической торговли как «высокорисковые», со штрафами до 6% глобального оборота.

Для количественной верификации факторов, определяющих стадию внедрения CBDC, автором было проведено эконометрическое исследование на панельных данных 85 стран за период 2020–2024 гг. Зависимая переменная – стадия CBDC-проекта (CBDC_Stage) – представляет собой порядковую переменную (0 – отсутствие проекта, 1 – исследование, 2 – разработка, 3 – пилотирование, 4 – запуск). Данные о стадиях CBDC получены из обзора БМР [8] и независимого трекера cbdctracker.org, данные о макроэкономических показателях – из баз данных Всемирного банка (World Development Indicators) и МВФ (Financial Access Survey), данные о проникновении криптоактивов – из Chainalysis Global Crypto Adoption Index³². В качестве метода оценки

²⁹ RegTech (Regulatory Technology) – применение инновационных технологий для автоматизации регуляторного комплаенса, идентификации клиентов (KYC) и противодействия отмыванию денег (AML).

³⁰ SupTech (Supervisory Technology) – применение инновационных технологий регуляторами и надзорными органами для макропруденциального надзора в режиме реального времени.

³¹ Закон ЕС об искусственном интеллекте: European Union Artificial Intelligence Act (EU AI Act). 2024. Классифицирует ИИ-системы по четырем уровням риска (неприемлемый, высокий, ограниченный, минимальный).

³² Источники данных эконометрического исследования: стадии CBDC – обзор БМР (BIS Papers. No. 159, 2025) и независимый трекер cbdctracker.org. <https://cbdctracker.org> (дата обращения: 01.04.2026); макроэкономические показатели – World Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 01.04.2026); проникновение криптоактивов – Chainalysis. Global Crypto Adoption Index 2024. <https://www.chainalysis.com> (дата обращения: 01.04.2026).

выбрана порядковая логистическая регрессия³³ с кластерными стандартными ошибками по странам [16; 17].

Спецификация модели:

$CBDC_Stageit = f(\ln(GDP_pcit), Internetit, FinDepthit, CryptoAdoptit, RegQualityit, Inflationit) + \epsilon it$, где $\ln(GDP_pc)$ – натуральный логарифм ВВП на душу населения (ППС); Internet – доля населения, использующего интернет (%); FinDepth – отношение внутреннего кредита частному сектору к ВВП (%); CryptoAdopt – значение индекса Chainalysis (от 0 до 1); RegQuality – индекс качества регулирования Всемирного банка (от –2,5 до +2,5); Inflation – среднегодовой темп инфляции (%). Результаты оценки представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты порядковой логистической регрессии:
факторы стадии внедрения CBDC (85 стран, 2020–2024 гг.)

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	p-value
ln(GDP_pc)	0,487***	(0,142)	0,001
Internet	0,023*	(0,013)	0,077
FinDepth	0,011**	(0,005)	0,028
CryptoAdopt	1,834***	(0,521)	0,000
RegQuality	0,692***	(0,198)	0,000
Inflation	0,038**	(0,017)	0,025
Наблюдений	425		
Pseudo R ²	0,187		
Log-Likelihood	–412,6		

Примечание: *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$. Кластерные стандартные ошибки по странам.

Источник: расчеты проведены автором по данным: cbdctracker.org, <https://cbdctracker.org> (дата обращения: 01.04.2026); World Bank. World Development Indicators; Chainalysis. Global Crypto Adoption Index 2024.

Результаты эконометрической оценки позволяют выделить несколько принципиальных закономерностей. Во-первых, наиболее сильным и статистически значимым ($p < 0,01$) фактором продвижения страны по стадиям CBDC-проекта является уровень проникновения криптоактивов (CryptoAdopt): увеличение индекса Chainalysis на одно стандартное отклонение повышает отношение шансов перехода

³³ Порядковая логистическая регрессия (Ordered Logistic Regression, Ordered Logit) – статистический метод анализа зависимой переменной с упорядоченными категориями, позволяющий оценить вероятность перехода между стадиями.

на следующую стадию CBDC примерно в 6,3 раза ($\exp(1,834) \approx 6,26$). В содержательном отношении это означает, что распространение частных криптоактивов формирует конкурентное давление на национальные платежные системы: чем шире население пользуется криптоактивами, тем сильнее стимул центрального банка предложить суверенную цифровую альтернативу, чтобы сохранить контроль над денежным обращением и не допустить вытеснения национальной валюты. Данный результат согласуется с гипотезой о том, что развитие частных цифровых активов выступает мощным стимулом для центральных банков к ускорению собственных CBDC-проектов: иными словами, распространение криптоактивов вынуждает центральные банки реагировать ускоренным запуском собственных цифровых валют, чтобы сохранить контроль над денежным обращением. Аналогичные результаты получены в панельном исследовании 109 стран, использующем идентичный методологический подход [16].

Во-вторых, качество регуляторной среды (RegQuality) статистически значимо ($p < 0,01$) положительно влияет на стадию CBDC-проекта: страны с более развитыми институтами регулирования с большей вероятностью продвигаются к пилотированию и запуску. Данный результат подчеркивает, что CBDC является не столько технологическим, сколько институциональным проектом. В-третьих, уровень экономического развития ($\ln(\text{GDP_pc})$) и глубина финансового сектора (FinDepth) демонстрируют значимое положительное влияние, что соответствует выводам БМР о том, что более развитые экономики быстрее продвигаются по стадиям CBDC [8]. Примечательно, что инфляция также демонстрирует положительный и значимый коэффициент ($p < 0,05$), что подтверждает тезис о CBDC как инструменте противодействия долларизации через стейблкоины в экономиках с нестабильной валютой – закономерность, выявленная БМР в отношении паттернов использования стейблкоинов в развивающихся странах [8].

Принципиально важным для понимания текущей трансформации МФА является конвергенция трех технологических векторов. Концепция «Финтернета»³⁴, предложенная генеральным директором БМР А. Карстенсом, описывает новую экосистему взаимосвязанных финансовых сетей, основанную на интеграции токенизации, унифицированных реестров и программируемых инструментов [18]. Токенизированные казначейские обязательства США уже используются как залоговое обеспечение в DeFi-протоколах кредитования. Переход глобаль-

³⁴ Концепция «Финтернета» (Finternet) предложена генеральным директором БМР Аугустином Карстенсом; описывает сеть взаимосвязанных финансовых экосистем, основанных на технологиях токенизации и унифицированных реестров.

ной платежной инфраструктуры на стандарт ISO 20022³⁵ обеспечивает интероперабельность между различными платежными системами; SWIFT в 2025 г. перешел к тестированию в реальных условиях транзакций с цифровыми активами [12]. Перспективы интеграции цифровых валют центральных банков и токенизированных депозитов в единую платформенную инфраструктуру детально рассмотрены в [6]. IOSCO³⁶ в докладе 2025 г. зафиксировала: токенизация формирует альтернативную архитектуру рынков ценных бумаг [20]. Концептуальной основой такой интеграции выступает разрабатываемая БМР модель «единого реестра» (Unified Ledger), обеспечивающая совместное функционирование CBDC, токенизированных активов и коммерческих денег на общей программируемой платформе [19].

Вместе с тем *финансово-технологическая революция порождает новые источники системного риска*. Совет по финансовой стабильности³⁷ (далее – СФС) выделяет: концентрационный риск – доминирование нескольких крупных платформ; риск взаимозависимости – взаимосвязанность DeFi-протоколов; операционные риски – уязвимости смарт-контрактов; риск «горячих продаж» стейблкоинов [21]. Международный валютный фонд³⁸ (далее – МВФ) указывает на «двойной разрыв» в цифровой и финансовой грамотности как барьер для инклюзии [22]. Потенциальное влияние CBDC на устойчивость банковского сектора, включая риск оттока депозитов из банков (дезинтермедиации), рассмотрено в [23].

В контексте платформенной трансформации МФА Россия занимает особую позицию. Система передачи финансовых сообщений³⁹ (далее – СПФС) Банка России создана как альтернатива SWIFT. CIPS обеспечивает расчеты в юанях. Банк России с 2023 г. проводит пилотирование цифрового рубля – национальной CBDC. Перспективы интеграции цифро-

³⁵ ISO 20022 – международный стандарт финансовых сообщений, разработанный Международной организацией по стандартизации (ISO), обеспечивающий структурированную информацию о платежах и интероперабельность платежных систем.

³⁶ IOSCO (International Organization of Securities Commissions) – Международная организация комиссий по ценным бумагам, основанная в 1983 г. Устанавливает международные стандарты регулирования рынков ценных бумаг.

³⁷ Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board, СФС) – международный орган, координирующий работу национальных финансовых регуляторов, созданный в 2009 г. в рамках G20.

³⁸ Международный валютный фонд (International Monetary Fund, МВФ) – международная финансовая организация, основанная в 1944 г. Содействует международному валютному сотрудничеству и финансовой стабильности.

³⁹ Система передачи финансовых сообщений (СПФС) – система Банка России для передачи финансовых сообщений, созданная в 2014 г. как альтернатива SWIFT для внутрисекторных и ряда международных расчетов.

вого рубля и СПФС в многосторонние платформенные решения трансграничных расчетов получили детальную проработку в отечественной литературе [14]. Стратегические приоритеты для России определяются необходимостью интеграции СПФС и цифрового рубля в многосторонние расчетные платформы (прежде всего БРИКС+), а также выработки национального регуляторного режима для токенизированных активов, совместимого с глобальными стандартами.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что мировая финансовая архитектура переживает системную трансформацию, движущей силой которой является конвергенция трех технологических векторов – токенизации реальных активов, цифровых валют центральных банков и искусственного интеллекта. Каждый из этих векторов по отдельности замещает конкретные элементы традиционной МФА – расчетные, монетарные, посреднические. Однако их системное взаимодействие создает качественно новый эффект: формирование альтернативной архитектуры глобальных финансов, основанной на программируемости, атомарности расчетов (одновременном и неделимом исполнении обязательств обеих сторон сделки) и автоматизации посредничества.

Эмпирические данные за период 2020–2026 гг. позволяют сформулировать следующие ключевые выводы. Во-первых, масштаб замещения достиг порога системной значимости: трехкратный рост рынка токенизированных активов в 2025 г., вовлеченность подавляющего большинства центральных банков мира в исследования CBDC и проникновение ИИ в финансовый сектор свидетельствуют о необратимости процесса. Во-вторых, результаты авторского эконометрического исследования на панельных данных 85 стран показали, что уровень проникновения криптоактивов является наиболее мощным фактором продвижения стран по стадиям проектов внедрения цифровых валют центральных банков и это количественно подтверждается на практике. При этом: распространение криптоактивов вынуждает регуляторов реагировать выпуском собственных цифровых валют. В-третьих, одновременное принятие регламента MiCA в ЕС и закона GENIUS в США в 2024–2025 гг. подтверждает, что платформенные решения признаны системно значимыми на уровне ключевых глобальных регуляторов. В-четвертых, конвергенция трех технологических векторов ведет не к постепенному улучшению существующей МФА, а к формированию принципиально новой архитектуры, где токенизированные активы, CBDC и ИИ-агенты образуют единую программируемую инфраструктуру.

С практической точки зрения для России стратегическими приоритетами являются: ускорение масштабирования цифрового рубля и его

интеграция в многосторонние CBDC-платформы; развитие СПФС как альтернативной расчетной инфраструктуры с поддержкой стандарта ISO 20022; выработка национального регуляторного режима для токенизированных активов. В экономическом отношении ключевое значение приобретает не столько технологическое опережение, сколько способность регулятора своевременно адаптировать институциональную среду: издержки запаздывающей институциональной реакции – вытеснение национальной валюты частными стейблкоинами и потеря части сеньоража (дохода государства от эмиссии денег) – превышают издержки упреждающего развития суверенной цифровой инфраструктуры. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: расширение эконометрической модели за счет включения динамических панельных методов (GMM) и учета эндогенности; количественная оценка скорости замещения элементов МФА платформенными решениями; эмпирическая оценка влияния конвергенции технологических векторов на валютную структуру международных расчетов и на распределение сеньоража между суверенными эмитентами и частными платформами.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. [Schumpeter J.A. The Theory of Economic Development. Moscow: Progress, 1982. (In Russ.).]
2. Merton R.C. Continuous-Time Finance. Oxford: Blackwell, 1990.
3. Minsky H.P. The Financial Instability Hypothesis // Hyman P. Minsky Archive, Paper 144. 1992.
4. World Economic Forum. Asset Tokenization in Financial Markets: The Next Generation of Value Exchange. Geneva: WEF, 2025.
5. BCG, Ripple. Approaching the Tokenization Tipping Point. Boston: BCG, 2025.
6. Кочергин Д.А., Андрияшин С.А. Цифровые активы, криптоактивы и цифровые валюты: экономическое содержание и потенциал конвергенции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2023. Т. 39. № 4. С. 496–533. [Kochergin D.A., Andryushin S.A. Digital Assets, Crypto Assets and Digital Currencies: Economic Substance and Convergence Potential // St Petersburg University Journal of Economic Studies. Economics. 2023. Vol. 39. No. 4. Pp. 496–533. (In Russ.).] EDN: NDQERM. DOI: 10.21638/spbu05.2023.403.
7. International Monetary Fund. Tokenization and Financial Market Inefficiencies. IMF Fintech Note. Washington: IMF, 2025.
8. Bank for International Settlements. Advancing in Tandem: Results of the 2024 BIS Survey on Central Bank Digital Currencies and Crypto (BIS Papers No. 159). Basel: BIS, 2025.
9. Андрияшин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 54–76. [Andryushin S.A. Central Bank Digital Currency as the Third Form of State Money // Actual Problems of Economics and Law. 2021. Vol. 15. No. 1. Pp. 54–76. (In Russ.).] EDN: MCEDZP. DOI: 10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76.

10. Кочергин Д.А. Современные модели систем цифровых валют центральных банков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2021. Т. 37. № 2. С. 205–240. [Kochergin D.A. Modern Models of Central Bank Digital Currency Systems // St Petersburg University Journal of Economic Studies. Economics. 2021. Vol. 37. No. 2. Pp. 205–240. (In Russ.).] DOI: 10.21638/spbu05.2021.202.
11. International Monetary Fund. Central Bank Digital Currency: Progress and Further Considerations (Policy Paper PP/2024/052). Washington: IMF, 2024.
12. Bank for International Settlements Innovation Hub. Project mBridge: Connecting Economies through CBDC. Basel: BIS, 2022.
13. Данилова Е.А., Маслов А.В. Цифровые валюты в международных расчетах: проект mBridge // ЭКО. 2024. Т. 54. № 3. С. 80–112. [Danilova E.A., Maslov A.V. Digital Currencies in International Settlements: the mBridge Project // ECO. 2024. Vol. 54. No. 3. Pp. 80–112. (In Russ.).] DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-80-112.
14. Кочергин Д.А., Андриюшин С.А. Перспективы международных расчетов цифровыми валютами центральных банков на платформенной основе в зарубежных странах и России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 6. С. 156–185. [Kochergin D.A., Andryushin S.A. Prospects for International Settlements with Central Bank Digital Currencies on a Platform Basis in Foreign Countries and Russia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 16. No. 4. Pp. 8–28. (In Russ.).] DOI: 10.31107/2075-1990-2024-4-8-28. EDN: MCEDZP
15. McKinsey Global Institute. The State of AI: How Organizations Are Rewiring to Capture Value. New York: McKinsey, 2025.
16. Guo Y., Yousef E., Naseer M.M. Cryptocurrencies and Central Bank Digital Currencies in Global Perspective // Journal of Risk and Financial Management. 2025. Vol. 18. No 11. Art. 644. DOI: 10.3390/jrfm18110644.
17. Mertzanis C., Shaker Ahmed M., Faisal R., Al Suwaidi R.A. Does Financial Literacy Drive Digital Currency Innovation? Cross-Country Evidence on CBDC Adoption // Borsa Istanbul Review. 2025. Vol. 25. Pp. 109–118. DOI: 10.1016/j.bir.2025.08.006.
18. Bank for International Settlements. Annual Economic Report 2025. Basel: BIS, 2025.
19. Bank for International Settlements. The Next Generation Monetary and Financial System // Annual Economic Report 2025. Chapter III. Basel: BIS, 2025.
20. International Organization of Securities Commissions (IOSCO). Tokenization of Financial Assets. FR/17/25. Madrid: IOSCO, 2025.
21. Financial Stability Board. The Financial Stability Implications of Tokenisation. Basel: FSB, 2024.
22. International Monetary Fund. Financial Access Survey: Fintech, a Catalyst for Financial Services Access, Innovation, and Growth. Washington: IMF, 2025.
23. Chiu J., Davoodalhosseini S.M., Jiang J., Zhu Y. Bank Market Power and Central Bank Digital Currency: Theory and Quantitative Assessment // Journal of Political Economy. 2023. Vol. 131. No 5. Pp. 1213–1248. DOI: 10.1086/722517

Дата поступления рукописи: 08.06.2026 г.

Дата принятия к публикации: 13.08.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крук Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры мировой экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; сотрудник Департамента глобальных рынков Московского банка Сбербанка России, Москва, Россия
ORCID: 0009-0001-7463-2065
editk@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry M. Kruk – Postgraduate Student of the Department of World Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Employee of the Global Markets Department, Moscow Branch of Sberbank of Russia, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0001-7463-2065
editk@bk.ru

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE TRANSFORMATION OF KEY ELEMENTS OF FINANCIAL ARCHITECTURE

The article provides a comprehensive analysis of the convergence of innovative financial technologies driving the transformation of the global financial architecture (GFA) in the 2020–2026 period. Based on systematized data from the Bank for International Settlements (BIS), the International Monetary Fund (IMF), the Financial Stability Board (FSB), and the World Economic Forum (WEF), three key technological vectors are examined: tokenization of real-world assets (RWA), central bank digital currencies (CBDC), and the application of artificial intelligence (AI) in the financial sector. The author's contribution consists of a quantitative verification of factors determining the CBDC implementation stage, using panel data from 85 countries for the 2020–2024 period with ordered logistic regression. The study finds that cryptocurrency penetration, quality of the regulatory environment, and financial sector depth significantly increase the probability of a country advancing to a more developed CBDC project stage. It was found that the intensity of institutional response—the adoption of the MiCA regulation in the EU and the GENIUS Act in the US—is a valid indicator of the transformative impact of platform solutions on financial institutions.

Keywords: *global financial architecture, real-world asset tokenization, central bank digital currencies, CBDC, blockchain, artificial intelligence, stablecoins, DeFi, MiCA, cross-border payments.*
JEL: E42, F33, G18, G23, O33.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В.Л. АБРАМОВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института исследований международных экономических отношений
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

И.Н. АБАНИНА

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международного
бизнеса Факультета международных экономических отношений,
ведущий научный сотрудник Института исследований международных
экономических отношений Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ НАРАЩИВАНИЯ РОССИЙСКОГО НЕСЫРЬЕВОГО НЕЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЭКСПОРТА НА РЫНКИ СТРАН БРИКС+¹

В статье приведены результаты анализа динамики несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ) России в страны БРИКС+ в период с 2015 по 2024 г. на основе зеркальной статистики стран-партнеров. Установлено, что большинство из них представляет собой нестабильные рынки с волатильной динамикой спроса. Выявлены страны, имеющие значительный потенциал для российского ННЭ. В ходе исследования определены особенности товарной структуры и устойчивость экспортных потоков, а также выделены приоритетные направления торгового сотрудничества. На основе проведенного корреляционного анализа выявлена связь между импортом российских несырьевых неэнергетических товаров (ННТ) каждой из стран БРИКС+ и такими переменными как цена на нефть, ВВП этих стран и комплементарность торговли с Россией. Однако сила этих связей и их характер различаются по странам. Установлено, что значимыми факторами спроса на российские ННТ является динамика ВВП страны-импортера

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств в рамках темы государственного задания Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации «Развитие международной кооперации России с государствами БРИКС+ в производственно-технологических секторах, в формировании транспортно-логистической инфраструктуры для наращивания высокотехнологического экспорта, достижения технологического лидерства».

и конъюнктура мирового нефтяного рынка. Исходя из результатов исследования динамики импорта российских ННТ странами БРИКС+ предложен ряд рекомендаций по наращиванию поставок на рассматриваемые рынки.

Ключевые слова: *несырьевой неэнергетический экспорт, БРИКС+, экспорт и импорт, несырьевые неэнергетические товары, индекс комплементарности торговли.*

УДК: 339.56

EDN: PDDINE

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_134_156

Введение

Одним из приоритетных направлений внешней политики России является развитие многостороннего сотрудничества в рамках БРИКС+². В условиях переориентации товаропотоков российских экспортеров на новые рынки повышается актуальность исследования потенциала, возможностей и специфики новых векторов развития экспорта. Указом Президента России в составе национальных целей определено «увеличение к 2030 году объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на две трети по сравнению с показателем 2023 г., увеличение экспорта продукции агропромышленного комплекса не менее чем в 1,5 раза по сравнению с уровнем 2021 г., а также формирование сети устойчивых партнерств с иностранными государствами и создание необходимой инфраструктуры для внешнеэкономической деятельности, технологической и промышленной кооперации и освоения новых рынков»³.

В связи с этим в статье поставлена цель – определение возможностей наращивания российского несырьевого неэнергетического экспорта на рынках стран БРИКС+ с учетом структурных и экономических факторов развития торговых отношений на основе анализа статистических данных за десятилетний период.

Обзор литературы

В последние годы российские экспортеры функционируют в условиях фундаментальных изменений в мировой экономике, связанных с формированием многополярного мира, усилением проявлений геополитической фрагментации и развития новых форматов междуна-

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. №229).

³ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 02.06.2026).

родного сотрудничества, представленных БРИКС+, характерной чертой которых является сетевое взаимодействие платформенного типа. Хейфец Б.А. отмечает субъективный характер процесса фрагментации, что приводит к неопределенности в прогнозировании перспектив развития мировой экономики [17, с. 19]. Головнин М.Ю. в своей работе в качестве ключевых характеристик процессов фрагментации выделяет «активное применение протекционистских мер во внешней торговле, замедление динамики глобальной торговли, сокращение международных потоков капитала относительно мирового ВВП, усиление волатильности на мировых товарных и финансовых рынках, увеличение издержек обслуживания долга и усиление валютной конкуренции» [3, с. 85]. Процессы фрагментации затрагивают и постсоветское пространство, которые, как отмечает Пылин А.Г. ускоряются и усложняются в этом регионе ввиду стремления ряда стран придерживаться многовекторной политики [8, с. 63–64].

В результате, многие страны пошли по пути международного сотрудничества с партнерами, основанного на общности интересов и позиций по выработке решений в ответ на глобальные вызовы. Развитие формата БРИКС+ основывается на накопительном характере процессов углубления сотрудничества. Понятие накопительной интеграции ввел в научный оборот Хейфец Б.А., выделив ключевую ее особенность – «готовность участников к многостороннему или двустороннему сотрудничеству для достижения конкретных целей и предоставление друг другу привилегий в рамках таких договоренностей, но без использования форматов классической международной экономической интеграции» [19, с. 15]. При этом «усиление накопительного эффекта происходит по мере включения в интеграционный процесс других предприятий, секторов и отраслей экономики, роста их взаимосвязанности» [18, с. 22].

В числе примеров накопительной интеграции выделяют объединение БРИКС [17, с. 12], которое, по мнению Громыко Ал. А., не является интеграционным союзом по сути, но имеет «интеграционные элементы – координацию и согласование действий по определенным направлениям в двухсторонних и многосторонних форматах» [4, с. 14]. Вместе с тем, Хейфец Б.А. отмечает перспективность формирования модели институционализации БРИКС, при которой «создание новых институтов окажет мультипликативный эффект на развитие объединения» [15, с. 9].

С 1 января 2024 г. начал действовать новый формат БРИКС+, базирующийся на «использовании гибкой и прагматичной накопительной интеграции, основанной на реализации представляющих взаимный интерес проектов и программ, координации экономической политики, реализации совместных инициатив в G20, МВФ, ВТО и в других

международных организациях» [16, с. 208]. Семенова Н.К. отмечает также «необходимость выработки скоординированной стратегии стран БРИКС, направленной на диверсификацию транспортных маршрутов, развитие альтернативных логистических коридоров и укрепление институционального взаимодействия» [22, с. 654]. По мнению Руденко М.Н. диверсификация национальных экономик и расширение торговых партнерств странами БРИКС+ «позволяет снижать зависимость от отдельных рынков и повышать уровень коллективного развития и безопасности как субъекта международных отношений» [10, с. 79].

Крупнейшей экономикой объединения является Китай, для которого, по мнению Саламатова В.Ю., Тангаевой А.В., Жарковой А.А. «транспортная связанность стала ключевым фактором дальнейшего развития торговли и укрепления лидерских позиций в мировой экономике» [12 с. 180]. В своей работе Перская В.В. отмечает, что укреплению экономического сотрудничества Китая со странами БРИКС+ способствует реализация Инициативы «Один пояс – один путь», которая «ориентирована на улучшение условий торговли и инвестиций, а также создание международной открытой бизнес-среды» [6, с. 6].

В целом, развитие БРИКС является отражением «перемещения центра тяжести мировой экономики в восточную и южную Евроазию» [4, с. 15] и «формирования нового контура международной торговли» [10, с. 61]. Динамика взаимной торговли в рамках объединения «демонстрирует результаты усилий по всестороннему сотрудничеству и сближению экономик государств в процессе коллективной деятельности» [10, с. 61]. При этом в число «стран-лидеров, обеспечивающих наибольший вклад в развитие и безопасность международной торговой системы, входят Китай, Россия и Бразилия» [10, с. 79].

В оценках внутрирегиональной торговли БРИКС Смирнов Е.Н., Пасько А.В. отмечают, «что для разных стран БРИКС взаимная торговля играет разную роль, доминируют связи «Китай – Россия», «Китай – Индия» и «Китай – Бразилия»» [13, с. 149].

Чурсин А.А., Шиболденков В.А. акцентируют внимание на том, что для объединения характерны «диспропорции в технологических цепочках, где Россия и Бразилия демонстрируют высокую зависимость от внешних поставок высокотехнологичной продукции, в то время как Китай концентрирует 60 % общего торгового оборота группы в обрабатывающей промышленности» [20, с. 703]. Выраженная специализация экономик стран БРИКС отражает как «комплементарность торговли, так и потенциал для углубления технологической кооперации в рамках объединения» [20, с. 691]. Вместе с этим, Майтра С., Мишра В., Кунду С., Дживеди С. пришли к выводу о том, что «устойчивость нетарифных барьеров в экономиках БРИКС указывает на институциональный и инфраструктурный дефицит, уве-

личивающий издержки международной торговли» [21, с. 1193]. В работе Саламатова В.Ю., Тангаевой А.В., Жарковой А.А. в качестве перспективного направления международного сотрудничества для России выделено встраивание в существующие региональные форматы, например, «формирование мультимодальных цепочек поставок через сопряжение с индийскими транспортно-логистическими коридорами» в Восточной Африке [12, с. 163–164].

Динамика российского несырьевого неэнергетического экспорта сопряжена с воздействием как внутренних, так и внешних факторов. По мнению Абрамова В.Л., Васильченко А.Д., в условиях современного международного разделения труда для наращивания ННЭ, развития торговой интеграции необходимо включение стран, входящих в международные объединения различного типа, в формирование глобальных цепочек стоимости [2, с. 9]. При этом, Криводубова Ю. В. считает, что «выбранный государством тренд на снятие барьеров, дебюрократизацию, облегчение внешнеэкономических процедур и внедрение в систему государственной поддержки цифровизации процессов, обеспечивающих внешнеторговую деятельность, оправдал себя в период растущего санкционного давления на российскую экономику. Однако, одним из важнейших факторов для наращивания объемов несырьевого неэнергетического экспорта должно стать повышение его качества за счет увеличения удельного веса высокотехнологичной продукции» [5, с. 144]. По мнению Рожковой Л.В., Кафтулиной Ю.А., Коса С.С., Сальниковой О.В. необходима перестройка «тех отраслей экономики, которые занимают наибольшую долю в несырьевом неэнергетическом экспорте за счет увеличения конкурентоспособности отечественной продукции, входящей в данные категории» [9, с. 444].

Важно подчеркнуть, что «российский ННЭ нижних переделов имеет более широкую номенклатуру и более устойчив к санкционному воздействию, однако не способствует росту международной конкурентоспособности обрабатывающих производств и снижению импортозависимости. Диверсификация внешних связей производителей ННТ происходит на фоне введения вторичных санкций, что требует кардинально нового подхода к развитию ННЭ и формирования нового поколения мер поддержки» [1, с. 349]. Ключевыми направлениями российского экспорта в условиях санкционного давления стали рынки дружественных стран. В работе Спартака А.Н. приведены результаты исследования, доказывающие наличие нереализованного потенциала увеличения поставок российских ННТ на этих рынках [14, с. 34–37].

Таким образом, *проблема наращивания экспортных поставок российских ННТ требует глубокого научного осмысления возможностей и способов адаптации на новых географических направлениях, включая рынки стран БРИКС+.*

Методология

Анализ динамики российского ННЭ в страны БРИКС+ проводился с применением статистической базы данных Международного торгового центра (ИТС)⁴, на основе зеркальной статистики с 2015 по 2024 г. – за десятилетний период наблюдений после принятия Стратегии экономического партнерства БРИКС по итогам Уфимского саммита 9 июля 2015 года (с учетом ее обновлений в 2020 и 2025 гг.), нацеленной в том числе на увеличение объемов взаимной торговли товарами с высокой долей добавленной стоимости⁵.

Для идентификации импортных потоков на рынки стран БРИКС+ российских ННТ была применена классификация Министерства промышленности и торговли РФ⁶.

Оценка стабильности поставок проводилась на основе расчета коэффициента вариации импорта ННТ из России странами БРИКС+ за период 2015–2024 гг. по формуле 1.

$$V = \frac{\sigma}{\bar{X}} 100, \quad (1)$$

где V – коэффициент вариации; σ – среднеквадратическое отклонение; $\bar{X}$ – среднее арифметическое значение импорта ННТ из России странами БРИКС+ за период 2015–2024 гг.

⁴ Trade Map. <https://www.trademap.org/en/> (дата обращения: 02.06.2026).

⁵ Уфимская декларация, VI саммит БРИКС, 9 июля 2015 г. https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2015/2015_07_09_Russia_Ufa_VII_Sammit_Declaration_ru.pdf (дата обращения: 02.06.2026); Стратегия экономического партнерства БРИКС. https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2015/economy/2015_07_09_The_Strategy_for_BRICS_Economic_Partnership.pdf (дата обращения: 02.06.2026); Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf> (дата обращения: 02.06.2026); Декларация XVII саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро, Бразилия, 6 июля 2025 года. https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2025/2025_07_06_Brazil_Rio-de-Janeiro_XVII_Summit_Declaration_en.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

⁶ Приказ Минпромторга России от 06.05.2025 N 2158 «Об утверждении Методик расчета показателей национального проекта «Международная кооперация и экспорт» (вместе с «Методикой расчета показателя «Прирост объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров к показателю 2023 года», «Методикой расчета показателя «Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров (в номинальных ценах)», «Методикой расчета показателя «Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров в дружественные страны (в номинальных ценах)». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507075/ (дата обращения: 02.06.2026).

Для отражения степени однородности показателей коэффициент вариации не должен превышать 33%⁷.

В целях более глубокой оценки значимости рынков каждой из стран БРИКС+ в сочетании с характеристиками стабильности спроса был проведен ABC-XYZ-анализ поставок ННТ из России, охватывающий основные товарные группы и рынки: Бразилия, Египет, Индия, Индонезия, Иран, Китай, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия и ЮАР. Анализ позволил выявить структуру и устойчивость экспортных потоков, а также определить приоритетные направления для наращивания российского ННЭ.

Анализ рынков включает три этапа. На первом этапе проводится ABC-анализ, на основе которого оцениваются доли стран в общем объеме поставок ННТ из России. ABC-анализ основан на принципе Парето, когда «20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий – лишь 20% результата»⁸. При этом страны разделяются на группы: группа А показывает наибольший вклад (~80%), В – средний (~15%), С – малый (~5%). Разделение стран на группы основывается на расчете доли накопительным итогом каждой страны в совокупном импорте ННТ из России всеми странами БРИКС+.

На втором этапе анализа рынков проводится XYZ-анализ, который оценивает стабильность спроса. В результате страны разделяются на группы на основе расчета стандартного отклонения по временным рядам объемов импорта ННТ из России рассматриваемыми странами в период 2015–2024 гг.: X – стабильный спрос (стандартное отклонение <10%), Y – колеблющийся спрос (10–25%), Z – непредсказуемый спрос (>25%).

На третьем этапе анализа рынков формируется кросс-матрица, включающая как доли стран в общем объеме поставок ННТ из России, так и параметры стабильности спроса. Интерпретация данных при этом основывается на разделении стран на группы со следующими характеристиками: AX – большая доля экспорта, стабильный спрос на него в странах данной группы; AY – большая доля экспорта, колеблющийся спрос; AZ – большая доля экспорта, непредсказуемый

⁷ Значение коэффициента основано на критерии Приказа Минэкономразвития России от 02.10.2013 г. № 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153376/874d00601b750dac710891a7f5742858bae1b656/ (дата обращения: 02.06.2026).

⁸ Pareto, Vilfredo (1896–1897). *Cours d'Économie Politique* (in two volumes). F. Rouge (Lausanne) & F. Pichon (Paris). <https://web.archive.org/web/20130531151249/http://www.institutcoppet.org/wp-content/uploads/2012/05/Cours-d'economie-politique-Tome-II-Vilfredo-Pareto.pdf> (дата обращения: 02.06.2026).

спрос; ВХ – средняя доля экспорта, стабильный спрос; ВУ – средняя доля экспорта, колеблющийся спрос; ВZ – средняя доля экспорта, непредсказуемый спрос; СХ – малая доля экспорта, стабильный спрос; СУ – малая доля экспорта, колеблющийся спрос; CZ – малая доля экспорта, непредсказуемый спрос.

Для анализа перспектив двусторонней торговли на основе сочетания структуры экспорта и импорта стран, торгующих между собой, был рассчитан «индекс комплементарности торговли по формуле 2:

$$TCI_{ij} = 100 * 1 - \sum \frac{|M_{ik} - X_{ij}|}{2}, \quad (2)$$

где TC_{ij} – индекс комплементарности торговли страны J со страной K ; X_{ij} – доля товара i в совокупном экспорте страны J ; M_{ik} – доля товара i в общем импорте страны K ⁹.

На основе полученных значений проведено ранжирование стран БРИКС+ по среднему индексу комплементарности торговли ННТ с Россией за период 2015–2024 гг.

В целях проверки влияния таких экономических факторов как цены на нефть, ВВП и структура торговли ННТ со странами БРИКС+ на динамику российского ННЭ в период 2015–2024 гг. был проведен корреляционный анализ с расчетом коэффициентов парной корреляции на основе пакета анализа данных MS Excel.

Результаты

Установлено, что совокупный импорт ННТ из России в страны БРИКС+ за период 2015–2024 гг. вырос с 22,2 млрд долл. до 52,7 млрд долл., увеличившись в 2,4 раза (см. табл. 1).

Из данных табл. 2 видно, что совокупный объем импорта ННТ из России последовательно увеличивается, однако темпы его роста в % к предыдущему году характеризуются сильной волатильностью. Представляется возможным обозначить следующие ключевые периоды роста: 2018 г. – резкий скачок (+25%), связанный с началом торговых войн США и Китая, новым этапом развития всеобъемлющего стратегического партнерства России и Китая; 2022 г. – максимальный рост (+39,7%) на фоне санкционного давления и переключения российского экспорта с западных рынков на рынки дружественных стран; 2023 г. – небольшое снижение (–0,5%) после пика 2022 г.; 2024 г. – медленное восстановление темпов роста (+1,5%).

⁹ Gilbert J., Mikic, M. et. al. (2009). Trade statistics in policymaking: a handbook of commonly used trade indices and indicators – revised edition. <https://hdl.handle.net/20.500.12870/140> (дата обращения: 02.06.2026).

Таблица 1

**Объемы импорта ННТ странами БРИКС+ из России в 2015–2025 гг.,
млрд долл.**

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Бразилия	1,93	1,57	1,98	2,60	3,14	2,41	4,68	6,08	4,28	4,46	4,31
Египет	2,68	2,66	3,15	4,22	3,18	2,88	3,36	4,05	4,65	5,79	н/д
Индия	3,05	2,16	2,47	2,27	2,12	2,72	2,64	5,21	5,02	5,50	н/д
Индонезия	0,84	0,77	1,19	1,37	0,97	0,73	0,96	1,66	1,30	1,13	1,18
Иран	0,57	1,54	0,70	1,34	1,24	1,10	1,44	1,50	1,83	н/д	н/д
Китай	10,54	10,63	10,94	13,51	14,89	19,20	20,39	24,53	29,27	27,26	36,27
ОАЭ	0,84	0,50	0,74	1,06	1,82	0,84	1,86	6,44	3,76	6,29	н/д
Эфиопия	0,08	0,16	0,05	0,14	0,10	0,05	0,19	0,05	0,02	н/д	н/д
ЮАР	0,48	0,26	0,37	0,45	0,47	0,46	0,53	0,49	0,37	0,49	0,49
Саудовская Аравия	1,20	0,50	0,73	0,97	0,73	0,65	1,27	2,09	1,37	1,75	н/д
Всего импорт ННТ из России в БРИКС	22,21	20,76	22,32	27,93	28,68	31,03	37,30	52,11	51,87	52,66*	н/д

* Общий объем импорта ННТ из России за 2024 г. рассчитан без Ирана и Эфиопии в связи с отсутствием данных. Они также отсутствуют по ряду стран по итогам 2025 г.

Источник: рассчитано авторами по: данные Международного торгового центра. www.trademap.org (дата обращения: 02.06.2026).

Таблица 2

**Динамика общего объема импорта ННТ, темпов его роста из России
всеми странами БРИКС+ в 2015–2024 гг.**

Год	Общий импорт, млрд долл.	Темп роста в % к предыдущему году
2015	22,21	–
2016	20,76	–6,5
2017	22,32	7,50
2018	27,93	25,10
2019	28,68	2,70
2020	31,03	8,20
2021	37,3	20,20
2022	52,11	39,70
2023	51,87	–0,50
2024	52,66	1,50

Источник: рассчитано авторами по: данные Международного торгового центра. www.trademap.org (дата обращения: 02.06.2026).

В страновом разрезе БРИКС+ также характерна волатильность темпов роста импорта ННТ из России (см. табл. 3).

Таблица 3

**Темпы роста импорта ННТ из России в страны БРИКС+ в 2015–2024 гг.,
% к предыдущему году**

Страна	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Бразилия	82	126	132	121	77	194	130	70	104	97
Египет	99	118	134	75	91	117	121	115	125	н/д
Индия	71	114	92	94	128	97	198	96	110	н/д
Индонезия	91	155	115	70	76	131	173	78	87	104
Иран	269	45	191	93	88	130	105	122	н/д	н/д
Китай	101	103	123	110	129	106	120	119	93	133
ОАЭ	60	146	144	172	46	222	347	58	167	н/д
Эфиопия	195	32	262	77	50	354	24	42		н/д
ЮАР	54	143	124	103	98	116	92	76	131	100
Саудовская Аравия	41	147	133	75	88	196	166	65	128	н/д

Источник: рассчитано авторами по: данные Международного торгового центра. www.trademap.org (дата обращения: 02.06.2026).

Наличие волатильности темпов роста импорта ННТ из России на рынки стран БРИКС+ подтверждается результатами расчетов коэффициентов вариации (см. табл. 4).

Таблица 4

**Коэффициенты вариации (V) импорта ННТ из России странами
БРИКС+ за период 2015–2024 гг.**

Страна	V, %	Интерпретация
ОАЭ	94,6	Высокая вариабельность
Эфиопия	61,9	Высокая вариабельность
Саудовская Аравия	45,5	Высокая вариабельность
Индия	41,2	Высокая вариабельность
Бразилия	44,8	Высокая вариабельность
Китай	39,1	Высокая вариабельность
Иран	32,4	Средняя вариабельность
Индонезия	27,1	Низкая вариабельность
Египет	27,5	Низкая вариабельность
ЮАР	18,6	Низкая вариабельность

Источник: рассчитано авторами по: данные Международного торгового центра. www.trademap.org (дата обращения: 02.06.2026).

Самыми нестабильными рынками являются ОАЭ и Эфиопия, при этом поставки российских ННТ на этих направлениях являются фрагментарными и пока не носят системный характер. Рынки Саудовской Аравии, Индии, Бразилии и Китая также отличаются высокой волатильностью, сильным влиянием конкуренции и геополитических факторов. Иран, Индонезия, Египет являлись относительно стабильными рынками в рассматриваемый период. ЮАР – самый стабильный, но при этом самый медленно растущий для российских ННТ рынок.

В целом, можно сделать вывод о состоявшейся переориентации российского ННЭ на рынки стран БРИКС+, что подтверждается более чем двукратным ростом объемов его поставок за 10 лет. В период с 2015 по 2024 г. наблюдалось увеличение доли Китая в общем импорте российских ННТ странами БРИКС+ с 47 до 56% и снижение доли Индии и Египта – на 4 и 3% соответственно. Доля ОАЭ увеличилась до 7%. Доли остальных стран практически не изменились.

Китай является ключевым партнером, поэтому любые изменения в торговле с этой страной критически влияют на общий объем поставок российских ННТ в страны объединения. Вместе с тем, с точки зрения стабильности товаропотоков можно отметить значительный потенциал для наращивания российского ННЭ в такие страны как Иран, Индонезия, Египет. Проблемными направлениями являются Эфиопия (импорт ННТ из России незначителен) и ЮАР (небольшие объемы и стагнация).

Товарная структура торговли России со странами БРИКС+ имеет следующие характерные особенности.

В импорте Бразилии ННТ из РФ преобладает продукция химической промышленности, которая демонстрирует долгосрочный рост. Металлургическая и продовольственная продукция играют второстепенную роль. Египет – один из наиболее динамичных и перспективных рынков для российских товаров. Драйвером роста российского ННЭ в Египет являются продовольственные товары и металлургическая продукция. Объемы поставок химической продукции стабильны, но пока незначительны.

Структура импорта российских ННТ Индией со временем меняется: наблюдается сокращение закупок металлов и драгметаллов и рост закупок продовольствия и химической продукции. Индия становится крупным покупателем российского продовольствия. Общий объем импорта российских ННТ Индонезией остается относительно невысоким, при этом основной тренд здесь – сокращение закупок продукции машиностроения и увеличение импорта химической и металлургической продукции. Импорт российских ННТ в Иран консолидируется вокруг продовольствия, которое обеспечило почти весь прирост. Объемы поставок машин, оборудования, металлургической продукции невысоки.

Абсолютным лидером по объему и темпам роста импорта российских ННТ является Китай. Он отличается диверсифицированной структурой: металлы, продовольствие, химия, древесина, драгметаллы. Китай является стратегическим рынком для российской машиностроительной продукции.

Импорт ННТ из РФ в ОАЭ практически полностью определяется поставками драгметаллов, золота и ювелирных изделий. Это уникальная структура, нехарактерная для других стран БРИКС+. Рост импорта российского ННТ в Саудовской Аравии обеспечивается продовольствием, тогда как объемы поставок металлургической продукции снижаются. Общий объем импорта ННТ из РФ относительно невысок для экономики этой страны.

Импорт ННТ из РФ в Эфиопию находится на крайне низком уровне и не демонстрирует устойчивого роста. Ключевые товары – продовольствие и продукция химической промышленности.

В ЮАР видна переориентация с импорта продовольствия и металлургической продукции из России на импорт химической продукции. Общий объем импорта остается почти неизменным.

Возможности наращивания экспорта российского ННТ на рынки стран БРИКС+ оценивались по методике ABC-XYZ, исходя из характеристик его доли и состояния спроса на национальных рынках, что позволило выявить их особенности (см. табл. 5).

Ключевыми рынками (группа А) для российских ННТ являются: Китай, Египет и Индия. На них приходится основной объем поставок ННТ из России. Однако спрос на этих рынках нестабилен (Y или Z), что создает риски для экспортеров.

К средним и малым рынкам можно отнести остальные страны, относящиеся к группам CZ или BZ, характеризующиеся либо малым объемом закупок, либо непредсказуемостью, либо и тем и другим.

В целом отчетливо видна проблема непредсказуемости – 8 из 10 стран вошли в группу Z (самый высокий уровень волатильности спроса). Это означает, что экспорт ННТ из России в эти страны осуществляется эпизодически и слабо прогнозируем. Даже ключевые рынки демонстрируют колебания или хаотичность спроса. Ни одна из стран БРИКС+ не относится к группе AX, отличающейся большим объемом поставок в сочетании со стабильным спросом.

Возможности наращивания российского ННТ оценивались путем расчетов индексов комплементарности по каждой стране БРИКС+, которые отражают степень соответствия российского экспорта структуре импорта страны-партнера. Чем выше индекс (ближе к 100), тем лучше российские товары соответствуют спросу на данном рынке. Диапазон полученных значений индекса за рассматриваемый период 2015–2024 гг. составляет от 61,24 (Бразилия, 2020 г.) до 89,07 (Индия, 2020 г.).

Таблица 5

Оценки особенностей рынков стран БРИКС+ по характеристикам доли и состояния спроса на импорт российских ННТ

Страна	Группа ABC	Группа XYZ	Основные особенности и риски для российского импорта ННТ
Китай	A (большая доля – 56%)	Z (непредсказуемый спрос, стандартное отклонение – 39%)	Ключевой рынок с высокой волатильностью Риск изменения импортной политики КНР Зависимость от экспорта продовольствия и металлургической продукции Геополитические риски Высокая конкуренция
Индия	A (большая доля – 10%)	Z (непредсказуемый спрос, стандартное отклонение – 39%)	Максимальный риск из-за объемов поставок и хаотичности Высокая волатильность по металлургической и химической продукции Высокие торговые барьеры, конкуренция с местными и зарубежными производителями
Египет	A (большая доля – 9%)	Y (колеблющийся спрос, стандартное отклонение – 21%)	Зависимость от экспорта товаров нескольких отраслей (сельскохозяйственная продукция, продовольствие, металлургическая продукция) Колебания спроса требуют гибкого планирования Политическая и валютная нестабильность в Египте
Бразилия	B (средняя доля – 8%)	Z (непредсказуемый спрос, стандартное отклонение – 48%)	Крайне нестабильный спрос Конкуренция в аграрном секторе Логистическая удаленность
ОАЭ	B (средняя доля – 7%)	Z (непредсказуемый спрос, стандартное отклонение – 98%)	Высокая волатильность Зависимость от транзита и реэкспорта Конкуренция с другими поставщиками Риски, связанные с санкционным режимом Геополитические риски

Страна	Группа ABC	Группа XYZ	Основные особенности и риски для российского импорта ННТ
Иран	C (малая доля – 4%)	Z (непредсказуемый спрос, стандартное отклонение – 32%)	Геополитические риски Нестабильность платежной и логистической инфраструктуры
Саудовская Аравия	C (малая доля – 3%)	Z (непредсказуемый спрос, стандартное отклонение – 46%)	Высокая волатильность при малом объеме Конкуренция с другими поставщиками Геополитические риски
Индонезия	C (малая доля – 3%)	Z (непредсказуемый спрос, стандартное отклонение – 29%)	Минимальный объем Трудно прогнозировать и наращивать поставки Специфичный рынок с точки зрения регуляторной практики и национальных особенностей ведения бизнеса Высокие транзакционные издержки при малом объеме поставок
ЮАР	C (малая доля – 1%)	Y (колеблющийся спрос, стандартное отклонение – 19%)	Относительно предсказуемый, но малый рынок Высокие логистические риски Высокая конкуренция с другими поставщиками
Эфиопия	C (малая доля – 0,7%)	Z (непредсказуемый спрос, стандартное отклонение – 62%)	Экономическая и политическая нестабильность Валютные ограничения, дефицит ликвидности Низкая платежеспособность

Разработано авторами по: данные Международного торгового центра. www.trademap.org (дата обращения: 02.06.2026).

Средний индекс комплементарности по всем странам и годам составляет 75,5, что указывает на умеренную, но не оптимальную согласованность. Ранжирование стран по среднему индексу комплементарности приведено в табл. 6.

Высокие показатели характерны для Индии и Китая, демонстрирующих наилучшее сочетание высокого уровня комплементарности и стабильности поставок, что предопределяет векторы приоритетных направлений для наращивания российского ННЭ.

Таблица 6

**Ранжирование стран БРИКС+ по среднему индексу
комплементарности торговли ННТ с Россией за период 2015–2024 гг.**

Место	Страна	Средний индекс комплементарности торговли ННТ с Россией (2015–2024 гг.)	Оценка комплементарности
1	Индия	86,1	Высокая
2	Китай	81,7	Выше средней
3	ОАЭ	79,4	Выше средней
4	Египет	76,9	Средняя
5	Индонезия	76,2	Средняя
6	Иран	71,5	Ниже средней
7	Эфиопия	71,9	Ниже средней
8	Саудовская Аравия	71,6	Ниже средней
9	ЮАР	69,9	Низкая
10	Бразилия	65,5	Низкая

Рассчитано авторами по: данные Международного торгового центра. www.trademap.org (дата обращения: 02.06.2026).

Средними показателями отличаются Египет и Индонезия. Индекс комплементарности в рассматриваемый период был стабилен, рынки имеют потенциал роста. Резкие колебания спроса при среднем уровне комплементарности наблюдались у ОАЭ, что указывает на отсутствие регулярных товарных потоков и зависимость от конъюнктурных факторов (цены, транзит, политическая обстановка и другие).

Низкие показатели сложились у Бразилии, Ирана, Саудовской Аравии, Эфиопии и ЮАР, что предопределяет корректировку структуры российского экспорта на этих рынках или поиск нишевых товаров.

Для определения возможностей наращивания российского ННЭ важное значение имеют и другие значимые характеристики рынков стран БРИКС+. В табл. 7 приведены результаты исследования зависимости между динамикой объема российского ННЭ и динамикой ВВП стран-партнеров, динамикой цены нефти марки URALS и индексами комплементарности торговли России ННТ со странами БРИКС+.

Так, для Бразилии характерно наличие тесной связи между импортом российских ННТ и ценой на нефть. В периоды роста цен на нефть наблюдается рост объемов импорта. Также отмечается умеренная степень корреляции ВВП Бразилии и ценой на нефть, что позволяет определить цену на нефть в качестве значимого фактора динамики ВВП, но не в качестве определяющего его динамику.

Таблица 7

Коэффициенты парной корреляции

	Бразилия	Египет	Индия	Индонезия	Иран	Китай	ОАЭ	Саудовская Аравия	Эфиопия	ЮАР
Импорт ННТ из РФ – цена нефти	0,8	0,8	0,6	0,7	0,4	0,8	0,8	0,8	0,03	0,6
Импорт ННТ из РФ – ВВП страны-партнера	0,3	0,3	0,8	0,6	–0,08	0,9	0,9	0,8	–0,4	0,6
Импорт ННТ из РФ – индекс комплементарности	–0,2	0,2	0,3	–0,02	0,3	0,5	–0,3	0,03	–0,2	0,05
ВВП страны-партнера – цена нефти	0,5	0,4	0,8	0,7	0,03	0,7	0,8	0,8	0,6	0,9
Индекс комплементарности – ВВП страны-партнера	0,1	0,2	0,4	0,6	–0,3	0,7	–0,4	0,3	0,3	0,1

Рассчитано авторами по: данные Международного торгового центра. www.trademap.org (дата обращения: 02.06.2026); Tradingeconomics. <https://ru.tradingeconomics.com/russia/gdp> (дата обращения: 02.06.2026); Международного валютного фонда. [https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.RES:WEO\(9.0.0\)gdp](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.RES:WEO(9.0.0)gdp) (дата обращения: 02.06.2026); <http://global-finances.ru/tsena-nefti-marki-urals-po-godam/gdp> (дата обращения: 02.06.2026); Infotables. https://infotables.ru/statistika/95-tseny-tarify/1325-tsena-na-neft-tablitsa?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 02.06.2026).

В случае с *Египтом* выявлена сильная прямая взаимосвязь между ценой на нефть и импортом ННТ из России. Взаимосвязь между остальными переменными практически отсутствует. Экономическая динамика *Индии* также подвержена влиянию конъюнктуры нефтяного рынка, о чем свидетельствует высокий коэффициент корреляции между ВВП Индии и ценой на нефть. Также можно отметить сильную взаимосвязь между импортом Индии ННТ из РФ и ВВП Индии, а взаимосвязь с ценой на нефть является умеренной. Особенностью *Индонезии* является наличие сильной взаимосвязи у двух пар переменных: «Импорт ННТ из РФ – Цена на нефть», «ВВП Индонезии – Цена на нефть». Выявлена также умеренная корреляция между парами «Импорт ННТ из РФ – ВВП Индонезии» и «Индекс комплементарности торговли ННТ России с Индонезией – ВВП Индонезии», т.е. между динамикой ВВП Индонезии и изменениями в структуре торговли с Россией существует умеренная прямая связь. У Ирана отсутствует взаимосвязь практически между всеми рассматриваемыми перемен-

ными. Можно лишь отметить наличие слабой корреляции между импортом ННТ из РФ и ценой на нефть.

У Китая выявлены сильные взаимосвязи между следующими парами переменных: «Импорт ННТ Китая из РФ – Цена на нефть», «Импорт ННТ Китая из РФ – ВВП Китая», «ВВП Китая – Цена на нефть», «ВВП Китая – Индекс комплементарности торговли ННТ России с Китаем».

Для ОАЭ характерна сильная прямая взаимосвязь импорта ННТ из РФ, ценой на нефть и ВВП, что подтверждает его высокую зависимость от конъюнктуры нефтяного рынка. Примерно такой же характер корреляции переменных выявлен у Саудовской Аравии.

У Эфиопии установлена лишь умеренная прямая корреляция между ВВП и ценой на нефть. Взаимосвязи между остальными переменными отсутствуют.

Для ЮАР характерна сильная корреляция между ВВП и ценой на нефть, а также умеренная взаимосвязь импорта ННТ из РФ с ВВП ЮАР и ценой на нефть.

Таким образом, можно выделить два ключевых фактора, оказывающих сильное влияние на динамику импорта ННТ из РФ на рынки стран БРИКС+:

- цена на нефть для Бразилии, Египта, Индонезии, Китая, ОАЭ, Саудовской Аравии.
- динамика ВВП для Индии, Китая, ОАЭ и Саудовской Аравии.

Динамика импорта ННТ из РФ в значительной степени объясняется комплементарностью торговли только в случае с Ираном и, при этом, остальные рассматриваемые факторы никакого влияния на эту переменную не оказывают.

Фактор цены на нефть отчасти объясняет динамику ВВП Индии, Индонезии, Китая, ОАЭ, Саудовской Аравии и ЮАР. Несколько меньшее влияние эта переменная оказывает на ВВП Бразилии и Эфиопии.

Динамика ВВП также частично объясняет изменение комплементарности торговли ННТ с Россией только в случае с Китаем и Индонезией.

Обсуждение и выводы

Для наращивания российского ННЭ в страны БРИКС+, такие как Китай, ОАЭ, Саудовская Аравия, перспективными являются периоды сочетания высоких нефтяных цен и экономического подъема в этих странах.

В случае с Ираном и Эфиопией классические экономические зависимости в настоящее время определяются имеющимися геополитическими факторами. Для увеличения поставок ННТ на этих направле-

ниях нужны специфические меры (специальные соглашения, кредитные линии, логистические коридоры и т.д.).

Исходя из результатов исследования динамики объемов импорта ННТ из России в страны БРИКС+, можно выделить ряд рекомендаций по наращиванию российского ННЭ на рассматриваемых рынках, которые приведены в табл. 8.

Таблица 8

Рекомендации по наращиванию российского ННЭ в страны БРИКС+

Страна	Текущая роль страны для развития российского ННЭ	Рекомендации
Китай	Ядро российского экспорта, высокая комплементарность торговли ННТ, высокая конкуренция по отдельным товарам, высокие риски при потере рынка	Углубление технологической кооперации, диверсификация товарной структуры ННЭ, закрепление доли на рынке через долгосрочные контракты
ОАЭ	Потенциальный рынок для ННЭ из России, высокая комплементарность торговли ННТ, волатильный импорт ННТ из России, высокие геополитические риски,	Развитие финансовых хабов и совместных предприятий для снижения геополитических рисков; совершенствование механизмов снижения санкционных рисков использования ОАЭ как платформы для выхода на рынки третьих стран, в том числе минимизирующие санкционные риски 20-го пакета санкций ЕС*
Египет	Стабильный импорт ННТ из России, растущий рынок, средняя комплементарность торговли ННТ	Наращивание поставок через зону Суэцкого канала, использование преимуществ российской промышленной зоны для наращивания ННЭ на африканском континенте, адаптация ННЭ под локальное сельское хозяйство и энергетику, заключение своп-контрактов
Индия	Крупный импорт ННТ из России, но нестабильный спрос, высокая комплементарность торговли ННТ	Создание сервисных центров в Индии, стимулирование спроса через совместные кооперационные и R&D проекты
Бразилия	Восстанавливающийся импорт ННТ из России, низкая комплементарность торговли ННТ, высокая конкуренция	Адаптация ННЭ под агросектор и горнодобывающую промышленность Бразилии

Страна	Текущая роль страны для развития российского ННЭ	Рекомендации
Саудовская Аравия	Потенциальный рынок для экспорта ННТ из России, высокие геополитические риски, средняя комплементарность торговли ННТ	Участие в проектах Vision 2030, создание совместных предприятий в области нефтехимии и опреснения воды, хеджирование рисков через суверенные фонды
Индонезия	Медленный рост импорта ННТ из России, средняя комплементарность торговли ННТ	Определение нишевых товаров для поставки в Индонезию, упрощение логистики через порты (Сурабая, Джакарта), развитие программ обучения местного персонала, использование лизинга машиностроительной продукции с постгарантийным обслуживанием
Иран	Потенциальный рынок для ННЭ из России, высокие геополитические риски, средняя комплементарность торговли ННТ	Развитие кооперационных проектов, использование механизмов платежей через ЦФА или золото
ЮАР	Стагнация импорта ННТ из России, низкая комплементарность торговли ННТ	Точечные проекты, быстрый рост маловероятен; пересмотр продуктовой линейки с фокусом на горнорудном оборудовании, введение демонстрационных зон для российских ННТ; снижение барьеров входа на рынок путем участия в консорциумах
Эфиопия	Минимальный импорт ННТ из России, высокие страновые риски, средняя комплементарность торговли ННТ	Перспективы наращивания экспорта зависят от долгосрочной подготовительной работы; использование преимуществ транспортного коридора DESSU, соединяющего Джибути, Эфиопию, Южный Судан и Уганду, который будет способствовать минимизации издержек и сокращению времени доставки грузов**

* Council Regulation (EU) 2026/469 of 23 April 2026 amending Regulation (EU, Euratom) 2020/2093 laying down the multiannual financial framework for the years 2021 to 2027. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202600469 (дата обращения 02.06.2026).

** «Коридор перемен». Как четыре африканские страны намерены изменить торговые маршруты на континенте. Текст электронный. <https://afrinz.ru/2026/03/koridor-peremen-kak-chetyre-afrikanskije-strany-namereny-izmenit-torgovye-marshruty-na-kontinente/> (дата обращения: 02.06.2026).

Источник: разработано авторами.

В целом для наращивания российского ННЭ в страны БРИКС+ необходимо создание условий для развития кооперационных производственных проектов в отраслях с высоким потенциалом на приоритетных рынках; содействие диверсификации каналов сбыта и повышению стабильности поставок, создание экспортных хабов с обеспечением сертификации и сервисного сопровождения российского экспорта; развитие механизмов защиты участников ВЭД от геополитических рисков.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Абанина И.Н. Анализ динамики российского несырьевого неэнергетического экспорта в условиях санкционного давления // Экономические науки. 2024. № 7 (236). С. 349–356. [Abanina I.N. Analysis of the Dynamics of Russian Non-primary Non-energy Exports under Sanctions Pressure // Economic Sciences. 2024. No. 7 (236). Pp. 349–356. (In Russ.).] DOI: 10.14451/1.236.349. EDN: JGZZAX.
2. Абрамов, В.Л., Васильченко А.Д. Региональные цепочки стоимости как механизм укрепления торговой интеграции в ЕАЭС // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 2. С. 144–166. [Abramov V.L., Vasilchenko A.D. Regional value chains as a driver of trade integration in the Eurasian Economic Union // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 2. Pp. 144–166. (In Russ.).] DOI 10.52180/2073-6487_2025_2_144_166. EDN: THBCPS.
3. Головнин М.Ю. Новые тенденции в развитии мировой экономики и их влияние на Россию // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. № 4. Т. 248. С. 85–97. [Golovnin M.Yu. New Trends in the Development of the Global Economy and Their Impact on Russia // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2024. No. 4. Vol. 248. Pp. 85–97. (In Russ.).] DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-85-97. EDN: GNDHRY.
4. Громыко Ал.А. БРИКС – конкурентные преимущества и вызовы развития (к председательству России в БРИКС в 2024 году) // Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН». 2024. Выпуск IV. 248. С. 13–19. [Gromiko Al.A. BRICS: Competitive Advantages and Development Challenges (Towards Russia's BRICS Presidency in 2024) // Electronic Journal "Analytical papers of IE RAS". 2024. Iss. IV. 248. Pp. 13–19. (In Russ.).] DOI: 10.15211/analytics42420241319. EDN: JMYCPT.
5. Криводубова Ю.В. Государственное стимулирование несырьевого неэнергетического экспорта России в условиях санкций: ориентир на цифровизацию // Власть и управление на Востоке России. 2026. № 1 (114). С. 144–155. [Krivodubova Yu.V. State Stimulation of Russia's Non-Resource, Non-Energy Exports under Sanctions: A Focus on Digitalization // Power and Administration in the East of Russia. 2026. No. 1 (114). Pp. 144–155. (In Russ.).] EDN: QQPRUU.
6. Перская В.В. Инициатива «один пояс, один путь»: экономические отношения, направленные на всестороннее развитие территорий и регионов участников инициативы // Вестник Евразийской науки. 2023. № 5. Т. 15. С. 1–14. [Perskaya V.V. The "One Belt, One Road" Initiative: Economic Relations Aimed at the Comprehensive

- Development of the Territories and Regions of the Initiative Participants // The Eurasian Scientific Journal. 2023. No. 5. Vol. 15. Pp. 1–14. (In Russ.)] EDN: RXXLOT.
7. *Перская В.В.* Новая концепция развития экономики Китая и значимость сотрудничества с российскими контрагентами для экономики КНР // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16 (6). С. 28–38. [*Perskaya V.V.* A New Concept for the Development of China's Economy and the Importance of Cooperation with Russian Counterparties for China's Economy // Economy. Taxes. Law. 2023. No. 16(6). Pp. 28–38.] EDN: WCAILD. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-6-28-38.
 8. *Пылин А.Г.* К чему стремиться странам – членам ЕАЭС, СНГ и ШОС в условиях геоэкономической фрагментации? // Мир перемен. 2023. №4. С. 60–71. [*Pylin A.G.* What Should the Member States of the EAEU, CIS, and SCO Strive for in the Context of Geoeconomic Fragmentation? // The World of Transformations. 2023. No. 4. Pp. 60–71. (In Russ.)] EDN: OTDDUJ. DOI: 10.51905/2073-3038_2023_4_60.
 9. *Рожкова Л.В., Кафтулина Ю.А., Коса С.С., Сальникова О.В.* Перспективы несырьевого неэнергетического экспорта Российской Федерации в условиях санкционных ограничений // Экономические отношения. 2022. Т. 12. № 3. С. 433–450. [*Rozhkova L.V., Kaftulina Yu.A., Kosa S.S., Salnikova O.V.* Prospects for Non-Resource Non-Energy Exports of the Russian Federation in the Context of Sanctions Restrictions // Economic Relations. 2022. Vol. 12. No. 3. Pp. 433-450. (In Russ.)] EDN: BXWDIH. DOI: 10.18334/eo.12.3.115093.
 10. *Руденко М.Н.* БРИКС+ в новых контурах международной торговли // Экономическая безопасность. 2025. № 1. Т.8. С. 61–88. [*Rudenko M.N.* BRICS+ in the New Contours of International Trade // Economic Security. 2025. No. 1. Vol. 8. Pp. 61–88. (In Russ.)] EDN: KOXYBY. DOI: 10.18334/ecsec.8.1.122495.
 11. *Саламатов В.Ю., Тангаева А.В., Жаркова А.А.* Мегарегиональные соглашения в условиях фрагментации мировой экономики: стратегии ЕС и Китая // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 2. С. 167–184. [*Salamatov V.Yu., Tangaeva A.V., Zharkova A.A.* Mega-regional agreements in the context of global economic fragmentation: EU and Chinese strategies // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 2. Pp. 167–184. (In Russ.)] DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_167_184. EDN: THPCWN.
 12. *Саламатов В.Ю., Тангаева А.В., Жаркова А.А.* Россия и дружественные страны Восточной Африки: потенциал торгово-экономического взаимодействия и транспортной связанности // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2026. № 2. С. 144–166. [*Salamatov V.Yu., Tangaeva A.V., Zharkova A.A.* Russia and Friendly Countries of East Africa: Potential for Trade and Economic Interaction and Transport Connectivity // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2026. No. 2. Pp. 144–166. (In Russ.)] DOI: 10.52180/2073-6487_2026_2_144_166. EDN: VZLTYF.
 13. *Смирнов Е.Н., Пасько А.В.* Новая модель развития экономического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 12. С. 147–153. [*Smirnov E.N., Pasko A.V.* A New Model for the Development of Economic Cooperation within the BRICS // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023. No. 12. Pp. 147–153. (In Russ.)] DOI: 10.17513/vaael.3148. EDN: MCENDB.
 14. *Спартак А.Н.* Оценка несырьевого экспортного потенциала России в условиях санкций // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 12. С. 30–44. [*Spartak A.N.* Assessment of Russia's Non-Resource Export Potential under Sanctions //

- Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. No. 12. Pp. 30–44. (In Russ.)] DOI: 10.24412/2072-8042-2022-12-30-44. EDN: VTRRWU.
15. Хейфец Б.А. Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 1–18. [Kheifets B.A. Prospects for the Institutionalization of BRICS // Voprosy Ekonomiki. 2015. No. 8. Pp. 1–18. (In Russ.)] EDN: UDDKYJ.
 16. Хейфец Б.А. Новые тренды в развитии БРИКС // Страны «пояса соседства» России: модели развития и вопросы сотрудничества (Памяти С.П. Глинкиной). – М.: Институт экономики РАН, 2024. С. 208–228. [Kheifets B.A. New Trends in the Development of BRICS // Countries of Russia's "Neighborhood Belt": Development Models and Cooperation Issues (In Memory of S.P. Glinkina). – Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2024. Pp. 208–228. (In Russ.)] EDN: ANQDIR.
 17. Хейфец Б.А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // Вестник международных организаций. 2024. № 4. Т. 19. С. 7–22. [Kheifets B.A. Geopolitical Regionalism and the New Regionalization of the World Economy // International Organisations Research Journal. 2024. No. 4. Vol. 19. Pp. 7–22. (In Russ.)] EDN: EFIIWV.
 18. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Международная накопительная интеграция и оценка ее экономических эффектов // Вопросы теоретической экономики. 2025. № 3. С. 7–24. [Kheifets B.A., Chernova V.Yu. International Cumulative Integration and Assessment of Its Economic Effects // Issues of Economic Theory. 2025. No. 3. Pp. 7–24. (In Russ.)] EDN: TRQZCU.
 19. Хейфец Б.А. Новая модель международной экономической интеграции. Сер. Научные доклады ИЭ РАН. – М.: Институт экономики РАН, 2023. [Kheifets B.A. New Model of International Economic Integration. Series: Scientific Papers of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2023. (In Russ.)] EDN: IPICPC.
 20. Чурсин А.А., Шиболденков В.А. Анализ и моделирование структурной динамики межотраслевого и межстранового экономического взаимодействия стран БРИКС в области технологического суверенитета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 4. С. 686–707. [Chursin A.A., Shiboldenkov V.A. Analysis and Modeling of Structural Dynamics of Inter-Sectoral and Inter-Country Economic Interaction of the BRICS Countries in the Field of Technological Sovereignty // RUDN Journal of Economics. 2025. Vol. 33. No. 4. Pp. 686–707. (In Russ.)] EDN: NUPACL.
 21. Maitra S., Mishra V., Kundu S., Dwivedi S. A theoretical extension of the gravity model and its application in the trade field // Journal of Modelling in Management. 2026. Vol. 21. No. 3. Pp. 1193–1233. DOI:10.1108/JM2-04-2025-0156.
 22. Semenova N.K. Transformation of BRICS logistics networks under the influence of Chinese port expansion. // RUDN Journal of Economics. 2025. No. 33 (4). Pp. 653–667. EDN: NYDWMA.

Дата поступления рукописи: 09.06.2026 г.

Дата принятия к публикации: 13.08.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Валерий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6351-2594

valabr@yandex.ru

Абанина Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международного бизнеса Факультета международных экономических отношений, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0449-5894

inabanina@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Valery L. Abramov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6351-2594

valabr@yandex.ru

Irina N. Abanina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of International Business of the Faculty of International Economic Relations, Leading Researcher, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0449-5894

inabanina@fa.ru

ASSESSMENT OF THE POSSIBILITIES OF INCREASING RUSSIAN NON-RESOURCE NON-ENERGY EXPORTS TO THE BRICS+ MARKETS

The article presents the results of the assessment of the dynamics of Russia's non-resource non-energy exports to the BRICS+ countries for the period from 2015 to 2024, based on mirror statistics from partner countries. It has been established that most of these countries represent unstable markets with volatile demand dynamics. Countries with significant potential for increasing Russian non-resource non-energy exports are identified. The study identifies the characteristics of the trade structure and the sustainability of export flows, and highlights priority areas for trade cooperation. A correlation analysis is used to demonstrate the relationship between the import of Russian non-resource non-energy exports by each BRICS+ country and variables such as the oil price, GDP of these countries, and trade complementarity with Russia. However, the strength of these relationships and their nature vary across countries. It has been established that significant factors in the demand for Russian non-resource non-energy exports are the dynamics of the importing country's GDP and the situation on the global oil market. Based on the results of the study of the dynamics of non-resource non-energy import volumes from Russia to the BRICS+ countries, a number of recommendations for increasing supplies to these markets are proposed.

Keywords: *non-resource non-energy exports, BRICS+, exports and imports, non-resource non-energy goods, trade complementarity index.*

JEL: F14.

А.А. МИГРАНЯН

доктор экономических наук, профессор, заведующая сектором
экономических исследований Института мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;
заведующая кафедрой политической экономии имени В.Ф. Станиса
РУДН имени П. Лумумбы

А.И. ЛИТВИНОВ

аспирант кафедры международных экономических отношений
РУДН имени П. Лумумбы

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ФОРМИРОВАНИЕ
САНКЦИОННО УСТОЙЧИВОЙ ЛОГИСТИКИ
В СИСТЕМЕ «РОССИЯ–ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ»**

В статье анализируется, как санкционные шоки 2022–2024 гг. и переход к полицентричной модели мировой экономики меняют теоретические подходы к международной торговле и практическую организацию логистики. Авторы указывают на то, что новая формирующаяся парадигма международной торговли в евразийском пространстве характеризуется синтезом элементов логистического протекционизма, теории геоэкономических коридоров и концепции санкционной устойчивости. Методология работы сочетает критический обзор классических теорий (от Рикардо до Кругмана), количественную оценку структурных сдвигов в торговле России со странами Центральной Азии за 2010–2024 гг. и SWOT-анализ логистической инфраструктуры региона. Проведенный анализ эмпирических данных показывает, что трансформация носит дивергентный характер: с одной стороны, растет производственная кооперация, с другой – Центральная Азия превращается в реэкспортный хаб. Ключевой вывод: преодоление противоречия между растущим транзитным потенциалом и инфраструктурными ограничениями возможно только через скоординированную стратегию логистического суверенитета. Результаты исследования могут послужить теоретико-прикладной основой для разработки политики экономической безопасности и развития транспортных коридоров в евразийском пространстве.

Ключевые слова: международная торговля, логистический протекционизм, санкционно устойчивая логистика, геоэкономические коридоры, экономические санкции, транспортные коридоры, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Центральная Азия, логистический суверенитет, реэкспорт, SWOT-анализ.

УДК: 339.5, 656

EDN: SWNBZE

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_157_175

Введение

Современный этап развития мировой экономики характеризуется фундаментальной трансформацией сложившейся архитектуры международных экономических отношений. На смену униполярной модели глобализации приходит полицентричная система, основанная на конкуренции региональных экономических центров и усилении роли национальных государств в регулировании трансграничных потоков [14]. Пандемия COVID-19 и эскалация санкционного противостояния в 2022–2024 гг. ускорили пересмотр базовых принципов организации международной торговли и логистических систем.

Концепция «черных лебедей» Н. Талеба, описывающая высоковероятное влияние редких и непрогнозируемых событий, наиболее полно описывает подобные турбулентные процессы [21]. Санкционные ограничения 2022–2024 гг. и пандемийный кризис 2020 г. выявили уязвимость глобальных цепочек поставок. Как показал анализ статистики внешней торговли России (см. табл. 1), разрыв традиционных логистических маршрутов с ЕС привел к переориентации потоков на восточные и южные направления. Это актуализировало проблему экономической безопасности [13] и поставило вопрос о пересмотре классических теорий международной торговли, которые не учитывают факторы стратегической устойчивости.

Классические теории международной торговли – сравнительные преимущества Д. Рикардо [8] и факторная обеспеченность Хекшера–Олина [16; 19] – не позволяют в полной мере объяснить современные процессы фрагментации глобальных цепочек создания стоимости и регионализации торговых потоков. Санкционные ограничения, являясь инструментом геоэкономической конкуренции, выступают катализатором формирования новых правил международного экономического взаимодействия.

Особую значимость эти процессы приобретают в евразийском пространстве, где происходит активное переформатирование торгово-логистических связей между Российской Федерацией и странами Центральной Азии. По данным Евразийской экономической комиссии, за период 2014–2024 гг. товарооборот России со странами Центральной Азии продемонстрировал устойчивую положительную динамику, при одновременном изменении товарной структуры в сторону роста доли несырьевого экспорта. Как отмечает А.В. Кузнецов, после 2022 г. произошло ускорение экономического разворота России на глобальный Юг, в котором страны Центральной Азии стали играть ключевую роль не только как торговые партнеры, но и как критически важные логистические мосты [6]. Эти измене-

ния сопровождаются качественной трансформацией логистической инфраструктуры – развитием международных транспортных коридоров «Север–Юг» и «Восток–Запад», грузопоток по которым вырос на 42% в 2022–2024 гг. [4].

Обзор литературы

Степень изученности проблемы характеризуется значительным вниманием исследователей к отдельным аспектам трансформации международной торговли. Фундаментальный вклад в понимание современных экономических процессов внесли Р. Болдуин [14] (концепция «великой конвергенции»), Д. Дрезнер [15] (теория санкционной устойчивости) и Ж.-П. Родриг [20] (география транспортных систем). Среди российских ученых следует выделить работы Е.Ю. Винокурова [4] по евразийской интеграции, А.Н. Спартака [10] по трансформации мирового экономического порядка, Л.Б. Вардомского [3] по международной регионализации. Отдельный пласт исследований посвящен непосредственно инструментам геоэкономического влияния. Классические работы Г.К. Хафбауэра и его коллег [18] заложили основу для системного анализа экономических санкций, их классификации и оценки эффективности. Д. Дрезнер развил эту теорию, введя понятие «санкционного парадокса» и исследовав эволюцию санкций от тотальных эмбарго к точечным «умным» мерам [15]. *Однако в данных работах логистическая составляющая адаптации к санкциям остается периферийной.*

В контексте евразийского пространства особую ценность представляют исследования, посвященные транспортно-логистической инфраструктуре. Работа М. Тураевой заложила основу для понимания унаследованной транспортной системы Центральной Азии и ее потенциала в условиях новой регионализации [12]. В. Егоров исследует транспортные коридоры через призму геополитики, рассматривая их как инструмент формирования зон влияния и экономической интеграции [5]. Непосредственно анализу современных транзитных коридоров Евразии, их роли в условиях разрыва традиционных связей посвящено исследование Д. Малышевой, что крайне важно для контекста данного исследования [7].

Вопросы экономической безопасности и стратегического управления в новых условиях глубоко проработаны в фундаментальном труде под редакцией В. Сенчагова, где логистическая составляющая рассматривается как один из ключевых элементов национальной и региональной устойчивости [13].

Однако комплексный анализ трансформации парадигм международной торговли во взаимосвязи с формированием санкционно устойчивой логистики в евразийском пространстве остается недостаточно разработанным. Это дает основание авторам более подробно остановиться на данном аспекте поставленной проблемы.

Теоретические основы новой парадигмы: от деконструкции классических теорий к концепции логистического суверенитета

Кризис классических парадигм в условиях геоэкономической турбулентности. Фундаментальная трансформация мирохозяйственных связей, многократно усиленная как по размерам, так и по скорости пандемическими шоками и санкционным противостоянием, выявила методологическую ограниченность классических теорий международной торговли для ее объяснения. Анализ их базовых предпосылок в контексте современных вызовов позволяет выявить три ключевых лакуны.

Во-первых, теории, основанные на принципах сравнительных преимуществ (Д. Рикардо) [8] и факторной обеспеченности (Э. Хекшер [16], Б. Олин [19]), исходят из предпосылки о беспрепятственном движении товаров и факторов производства. Их ядром является максимизация глобальной эффективности через специализацию. Однако в условиях целенаправленного разрыва логистических цепочек, введения торговых и финансовых барьеров, эта предпосылка теряет силу. Санкционный режим, как отмечает Д. Дрезнер [15], эволюционировал от тотальных эмбарго к точечным «умным» мерам, избирательно нарушающим именно наиболее эффективные, отлаженные цепочки. В результате сравнительные преимущества, основанные на издержках производства, нивелируются новым, принудительно формируемым сравнительным преимуществом – логистической доступностью и устойчивостью. Товар, который дешевле произвести в стране А, может стать экономически нецелесообразным, если его логистический маршрут в страну Б удлинится, удорожается или становится непредсказуемым из-за санкционных рисков.

Во-вторых, новые торговые теории (П. Кругман, Э. Хелпман) [17], акцентирующие внимание на экономии от масштаба и дифференциации продукта в условиях монополистической конкуренции, также не учитывают императив безопасности. Их модель предполагает, что глобальные цепочки создаются бизнесом для минимизации издержек и максимизации доступа к рынкам. Однако они не рассматривают сценарий, когда государство как актор целенаправленно использует зависимость от этих цепочек в качестве инструмента принуждения. Как показывает практика санкций 2022–2024 гг., глобально оптимизированная цепочка, выстроенная по принципу «точно в срок», оказывается наиболее уязвимой к шокам. Бизнес-логика эффективности вступает в противоречие с государственной логикой безопасности, и в условиях кризиса последняя получает приоритет. Это приводит к фрагментации глобальных

цепочек создания стоимости и их регионализации, но не по критерию экономической эффективности, а по критерию снижения политических и логистических рисков.

В-третьих, ни одна из классических парадигм не рассматривает логистическую инфраструктуру как активный, стратегический актив, формирующий конкурентные преимущества. В их рамках транспорт – это нейтральный фактор, пассивно снижающий транзакционные издержки. В новой реальности, как верно отмечает В. Егоров [5], транспортные коридоры становятся инструментом геополитического влияния и геоэкономической интеграции. Контроль над ключевыми узлами (порты, сухопутные переходы, логистические хабы) и артериями (международные транспортные коридоры) позволяет не только обслуживать торговлю, но и формировать его новые направления, создавая зависимости и союзы. Все это говорит о том, что классические теории не дают ответа на вызовы, порожаемые санкциями и разрывом цепочек поставок. Нужна новая теоретическая рамка, где логистика трактуется не как вспомогательная функция, а как структурирующий элемент международной торговли.

В условиях турбулентности мирохозяйственных связей традиционные постулаты о сравнительных преимуществах и глобальной эффективности дают сбой – возникает «эффект рикошета», когда санкции против одной страны оборачиваются ростом цен и перестройкой потоков в масштабах всего рынка [11]. Поэтому анализ торгово-логистических систем требует выхода за рамки чистой экономики и учета геоэкономических факторов и факторов безопасности.

Логистический протекционизм как новая парадигма конкурентного преимущества. В основе этой смены парадигмы – переопределение источников конкурентного преимущества. Если в классической модели Хекшера-Олина [16; 19] ключевым конкурентным преимуществом был доступ к факторам производства, то теперь на первый план выходит контроль над критической логистической инфраструктурой – портами, железными дорогами, сухопутными переходами, цифровыми платформами управления грузопотоками. Этот феномен можно определить как *логистический протекционизм* – стратегию, при которой конкурентное преимущество и экономическая безопасность обеспечиваются не через максимизацию открытости, а через суверенизацию и управление ключевыми узлами и коридорами товародвижения.

Этот переход находит свое отражение в изменении приоритетов торговой политики. На смену идее снижения тарифных барьеров приходит протекционизм правил и стандартов, что особенно ярко проявляется в создании технологически замкнутых логистических экосистем, например, в рамках цифровой повестки ЕАЭС [2]. Контроль над цифровыми

платформами отслеживания грузов, системами электронного документооборота и таможенного администрирования становится новым нетарифным инструментом, обеспечивающим технологический суверенитет и снижающим риски внешнего давления.

Следовательно, логистический протекционизм смещает фокус с конкуренции товаров и услуг на конкуренцию логистических моделей и экосистем.

Концепция санкционно устойчивой логистики в евразийском контексте. Развивая теоретические положения Д. Дрезнера [15] о санкционной устойчивости, в данном исследовании предлагается концепция санкционно устойчивой логистики. Под ней понимается свойство логистической системы сохранять функциональность и выполнять свои задачи в условиях целенаправленного внешнего ограничительного давления за счет комплекса превентивных и адаптационных механизмов.

Ключевыми элементами такой системы применительно к евразийскому пространству являются:

1) диверсификация маршрутов и видов транспорта: создание избыточности в логистических цепях для нивелирования рисков блокировки отдельных направлений;

2) развитие импортозамещающей логистики: создание собственных конкурентоспособных услуг и технологий в сфере транспорта, складирования и управления цепями поставок;

3) формирование альтернативных финансовых механизмов: обеспечение бесперебойности расчетов, что находит свое выражение в росте доли взаиморасчетов в национальных валютах стран ЕАЭС, ШОС, БРИКС [1].

4) гармонизация регуляторных сред и создание общих цифровых платформ как основы для снижения внутренних транзакционных издержек и повышения конкурентоспособности региона в целом.

Формирующаяся парадигма международной торговли в евразийском пространстве характеризуется синтезом элементов логистического протекционизма, теории геоэкономических коридоров и концепции санкционной устойчивости. Из предложенного теоретического подхода вытекает гипотеза: санкционные шоки меняют не только объемы, но и содержание торгово-логистических связей России и Центральной Азии – страны региона перестают быть просто поставщиками сырья или рынками сбыта, они становятся активными хабами новой, принудительно регионализируемой системы.

Для проверки данного предположения был проведен многоэтапный анализ. На первом этапе рассматривался макроконтекст: как изменилась география внешней торговли России в целом и какое место в ней заняла Центральная Азия. Затем – микроэкономический срез: анализ товарной структуры взаимных потоков был призван показать, чем

обусловлен рост – углублением кооперации или реэкспортными операциями. И наконец, выявленные тренды были систематизированы в рамках SWOT-анализа, позволяющего перейти от констатации фактов к оценке потенциала и ограничений формирующейся логистической системы.

Макроконтекст трансформации: структурный сдвиг в географии внешней торговли России (2010–2024 гг.)

В соответствии с предложенной последовательностью была проведена оценка макроконтекста – общего перераспределения торговых потоков России в ответ на санкционные шоки, что позволило определить место и относительную значимость центральноазиатского вектора в новой геоэкономической конфигурации.

Данные ниже (см. табл. 1) свидетельствуют о тектоническом сдвиге в географии российской торговли, который можно структурировать в виде ключевых трендов в географии внешней торговли России.

Таблица 1

Динамика товарооборота России с ключевыми партнерами, млрд долл. США

Страна	2010	2013	2014	2019	2020	2021	2022	2024
Китай	55,5	89,3	95,3	110,9	107,6	145,7	190,3	244,6
ЕС	386,8	505,2	437,3	322,2	262,9	357,5	284,9	80,0
Индия	5,0	6,2	6,4	9,1	8,5	12,0	43,6	69,2
Турция	26,2	33,3	31,6	27,3	22,3	34,7	68,2	52,6
ЦА	15,0	32,4	28,7	29,1	26,9	36,2	40,5	50,0
ОАЭ	1,3	2,3	2,7	3,7	2,6	5,2	10,8	11,5
США	32,5	39,0	35,2	29,0	22,7	37,1	16,8	3,8
Иран	0,8	1,1	0,9	1,6	1,6	2,1	2,2	3,2
Прочие страны	102,7	133,5	146,2	133,7	113,7	155,4	193,8	203,2
Весь товарооборот	626	842	784	667	569	786	851	718

Примечание: показатели за 2022–2024 гг. получены на основе зеркальной статистики стран-партнеров (база International Trade Map); категория «прочие страны» отражает совокупный товарооборот со всеми остальными торговыми партнерами России.

Источник: рассчитано авторами по: база данных международной торговой базы International Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 16.12.2025).

1. *Коллапс западного вектора.* В 2013 г. товарооборот России с ЕС и США достиг 544 млрд долл., а к 2024 г. упал до 84 млрд – в 6,5 раза. Это наглядная иллюстрация того, как санкции и контрмеры перекро-

или структуру российской внешней торговли, высвободив огромные объемы товарных и финансовых потоков.

2. *Утверждение новой иерархии с доминированием Китая.* КНР не просто заместила западное направление, но и многократно нарастила взаимодействие: в 2024 г. ее доля в товарообороте России достигла 34,1%, а абсолютный объем – 244,6 млрд долл., что превышает все остальные направления вместе взятые (кроме ЕС в его докризисном состоянии). Однако, как справедливо отмечается в докладе ИЭ РАН [9], такая перестройка не означает диверсификации. Напротив, доля первой десятки торговых партнеров выросла с 58,8% в 2021 г. до 70,1% в 2024 г. – внешняя торговля стала более концентрированной, а значит, и более уязвимой для внешнего давления.

3. *Формирование «пояса роста» на Юге и Востоке.* Группа стран, включающая Турцию, Индию, ОАЭ, Иран и государства Центральной Азии, демонстрирует взрывной рост товарооборота после 2021 г. Особенно показателен случай Индии (рост в 5,8 раза к 2024 г. по сравнению с 2021 г.), что указывает на полицентричный, а не моноцентричный характер новой системы. В этой системе страны Центральной Азии выступают не изолированно, а как совместные участники в переориентации торговых потоков на восточные и южные направления.

Произошедшая структурная перестройка географии внешней торговли России, вопреки распространенным оценкам, не привела к диверсификации торговых партнеров. Как показано в докладе ИЭ РАН [9], концентрация товарооборота на ограниченном числе стран существенно возросла, что в условиях геополитической нестабильности создает дополнительные уязвимости для российской экономики.

Анализ на первом этапе показал тектонический сдвиг и формальный рост значимости Центральной Азии, однако он оставляет открытым содержательный вопрос о природе этого роста. Является ли он индикатором реальной экономической интеграции или же логистической адаптации? Для ответа необходимо перейти от анализа общих объемов к исследованию товарной наполненности взаимных потоков.

Структурная трансформация товарных потоков: углубление кооперации и феномен реэкспорта (2019–2024 гг.)

Установленный на макроуровне рост товарооборота требует качественной расшифровки. Является ли он индикатором реальной экономической интеграции или же логистической адаптации? Для ответа необходим анализ товарной структуры взаимной торговли, позволяющий выявить два ключевых, потенциально разнонаправленных тренда: углубление производственной кооперации и формирование реэкспортных каналов.

Эволюция российского экспорта в ЦА: от сырьевой основы к диверсификации переработки. Данные в табл. 2 указывают на два ключевых структурных сдвига в российском экспорте в ЦА: резкое усиление доминирования энергетического сырья и дивергенция в обрабатывающем секторе.

Первый тренд – резкое усиление энергосырьевой составляющей: доля минерального топлива (группа 27) выросла с 11,9% до 22,3%, а стоимостной объем увеличился в 3,1 раза. Это свидетельствует о стратегической переориентации потоков ТЭК с европейского рынка на центральноазиатское направление, который стал для России и буфером, и критическим рынком сбыта.

Второй тренд – дивергенция в обрабатывающей промышленности. На фоне стагнации высокотехнологичного машиностроения (группы 84, 85) наблюдается рост экспорта продукции средней переработки: сахара и кондитерских изделий (группа 17) – в 4 раза, химической продукции (группа 28) – в 3 раза, а также древесины и изделий из нее (группа 44) рост на 70%. Это говорит о том, что российские производители успешно замещают на рынках ЦА товары из третьих стран, а кооперация углубляется в тех сегментах, где решающую роль играют логистическая доступность и массовый спрос. Экспортная модель эволюционирует от сырьевой монозависимости к трехуровневой структуре: укрепленное энергетическое ядро, быстрорастущий слой переработанных товаров и – пока – небольшой сегмент высоких технологий.

Трансформация российского импорта из ЦА: коллапс традиционной модели и доминирование реэкспорта. Если экспорт отражает стратегию рыночного проникновения, то импорт служит точнейшим индикатором глубинных логистических сдвигов. Табл. 3 демонстрирует радикальную смену парадигмы.

Коллапс традиционного сырьевого импорта. Поставки энергоносителей (группа 27) сократились в 3,6 раза, утратив лидирующую позицию. Это подтверждает перестройку глобальных цепочек, в которой ЦА как источник сырья теряет прежнюю роль.

Аномальный рост реэкспорта как системный феномен. На первый план вышли товары, не производимые в ЦА в соответствующих объемах: импорт машин и оборудования (84) вырос в 7,8 раза, электрических машин (85) – в 5,2 раза, оптических инструментов (90) – в 37 раз. География потоков (Кыргызстан, Узбекистан) однозначно указывает на организацию параллельных импортных цепочек из Китая и Турции в обход санкционных ограничений.

Сохранение нишевой специализации. Устойчивый рост импорта хлопка, фруктов и текстиля подтверждает сохранение традиционной аграрной и промышленной специализации отдельных стран ЦА.

Таблица 2

Сравнительная структура российского экспорта в ЦА: ключевые товарные группы в 2019 и 2024 г., млрд долл. США

HS код 2	Описание	2019	2024
27	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	2,5	7,8
72	Черные металлы	2,0	3,3
73	Изделия из черных металлов	1,3	2,2
84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	1,8	1,7
44	Древесина и изделия из нее; древесный уголь	1,0	1,7
39	Пластмассы и изделия из них	0,8	1,3
85	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	1,0	1,1
86	Железнодорожные локомотивы или трамвайные моторные вагоны, подвижной состав и их части; путевое оборудование и устройства для железных дорог или трамвайных путей и их части; механическое (включая электромеханическое) сигнальное оборудование всех видов	0,4	0,9
17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	0,2	0,8
28	Продукты неорганической химии; соединения неорганические или органические драгоценных металлов, редкоземельных металлов, радиоактивных элементов или изотопов	0,3	0,8
71	Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты	0,3	0,7
15	Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	0,5	0,6
19	Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; мучные кондитерские изделия	0,3	0,6
87	Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, их части и принадлежности	1,3	0,5
21	Разные пищевые продукты	0,3	0,5
Прочие		6,9	10,4

Примечание: данные за 2024 г. получены на основе зеркальной статистики стран-партнеров (база International Trade Map); группировка товаров приведена по двузначным кодам ТН ВЭД.

Источник: рассчитано авторами по: база данных международной торговой базы International Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 16.12.2025).

Таблица 3

**Сравнительная структура российского импорта из стран ЦА:
ключевые товарные группы в 2019 и 2024 г., млрд долл. США**

HS код 2	Описание	2019	2024
28	Продукты неорганической химии; соединения неорганические или органические драгоценных металлов, редкоземельных металлов, радиоактивных элементов или изотопов	0,6	2,3
72	Черные металлы	1,0	1,3
84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	0,2	1,2
61	Предметы одежды и принадлежности к одежде, трикотажные машинного или ручного вязания	0,3	1,1
26	Руды, шлак и зола	1,4	0,8
85	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	0,2	0,8
52	Хлопок	0,3	0,7
8	Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых или дынь	0,2	0,6
27	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	1,6	0,4
63	Прочие готовые текстильные изделия; наборы; одежда бывшая в употреблении и тряпье; лоскуты	0,1	0,4
39	Пластмассы и изделия из них	0,3	0,4
79	Цинк и изделия из него	0,2	0,3
87	Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, их части и принадлежности	0,1	0,3
7	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	0,1	0,3
60	Трикотажные полотна машинного или ручного вязания	0,1	0,3
Прочие		1,5	3,7

Примечание: данные за 2024 г. получены на основе зеркальной статистики стран-партнеров (база International Trade Map); группировка товаров приведена по двузначным кодам ТН ВЭД.

Источник: рассчитано авторами по: база данных международной торговой базы International Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 16.12.2025).

Анализ товарной структуры (см. табл. 2, табл. 3) выявил две разнонаправленные тенденции. Мы видим асимметрию: экспорт из России в ЦА растет за счет сырья и переработки, а импорт из ЦА в Россию заполнен товарами, которые в самом регионе не производятся, – машинами, оборудованием, электроникой. Это прямое свидетельство того, что через Кыргызстан и Узбекистан выстраиваются каналы

реэкспорта. Такая асимметрия ложится тяжелым бременем на транспортную систему: порты Каспия, пограничные переходы (Петухово, Достык) и железнодорожные магистрали работают с перегрузкой. Их способность одновременно пропускать и сырье, и сложные реэкспортные цепочки становится определяющим фактором устойчивости всей конструкции. Поэтому следующий шаг нашего исследования – стратегический анализ самой логистической системы, ее сильных и слабых сторон, возможностей и угроз.

Трансформация логистических систем Евразии: вызовы и потенциал в контексте новой парадигмы. Выявленная двойственность товарных потоков – углубление кооперации, с одной стороны, и реэкспортный бум, с другой – создает принципиально новые требования к логистической инфраструктуре региона. Для комплексной оценки способности транспортно-логистической системы Евразии ответить на эти вызовы и реализации концепции санкционно устойчивой логистики был проведен SWOT-анализ. Его результаты систематизируют ключевые внутренние и внешние факторы, определяющие траекторию развития евразийской логистической системы в ближайшие годы (см. табл. 4).

SWOT-анализ (см. табл. 4) выявил главное противоречие евразийской логистики. С одной стороны, регион обладает мощным потенциалом: единая колея 1520 мм, активная цифровизация, растущий транзитный спрос – все это создает основу для полноценных геоэкономических коридоров. С другой стороны, мы сталкиваемся с системными ограничениями: хроническая перегрузка переходов, дефицит паромов на Каспии, высокие транзакционные издержки и риск вторичных санкций. Если эти проблемы не решать, регион рискует навсегда остаться зоной дорогого и неэффективного транзита.

Таким образом, разрешение данной дилеммы и реализация концепции санкционно устойчивой логистики возможны только через целенаправленное усиление синергии между сильными сторонами и возможностями при одновременном сдерживании слабостей и угроз. Это требует перехода от стихийной адаптации к шокам к скоординированной стратегии, основанной на логистическом суверенитете и глубокой региональной кооперации. Сформулированные в результате анализа приоритеты – от устранения «узких мест» и ускорения технологической модернизации к гармонизации регуляторной среды – задают конкретные векторы для такой стратегии, что позволяет перейти к итоговым выводам исследования.

Таблица 4
Результаты SWOT-анализа логистической системы Евразии в контексте новой торговой парадигмы

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
<i>Инфраструктурное единство.</i> Наличие сети железнодорожных магистралей с шириной колеи 1520 мм, связывающей Россию, Казахстан и другие страны ЕАЭС, создает основу для беспрепятственного движения грузов на значительной части евразийского пространства. <i>Активная цифровизация.</i> Внедрение электронного документооборота, цифровых платформ ЕАЭС («Единое окно»), систем прослеживаемости грузов и навигационных платформ. <i>Институциональная гармонизация.</i> Унификация таможенных и технических регламентов в рамках ЕАЭС, создание «зеленых коридоров» для ускорения транзита. <i>Развитие альтернативных коридоров.</i> Рост грузопотока и инвестиций в МТК «Север–Юг» и МТК «Восток–Запад». <i>Возрастающий транзитный статус ЦА.</i> Превращение стран региона в ключевые логистические хабы для переориентированных потоков (особенно Кыргызстана и Узбекистана как реэкспортных платформ).	<i>Критические «узкие места».</i> Хроническая перегрузка пограничных переходов (особенно Петухово, Достык), дефицит паромных мощностей на Каспии, а также износ инфраструктуры на ряде участков. <i>Технологическая зависимость.</i> Сохраняющаяся высокая зависимость от импорта логистического программного обеспечения, контейнерного парка и специального подвижного состава западного производства. <i>Региональные диспропорции.</i> Существенный разрыв в уровне развития транспортной сети между Казахстаном и странами, не имеющими прямого выхода к морю (Таджикистан, Кыргызстан). <i>Институциональные барьеры.</i> Длительные и административно сложные процедуры на внутренних границах Центральной Азии, сохраняющиеся коррупционные риски при оформлении транзитных документов. <i>Запаздывание «зеленого» перехода.</i> Отставание во внедрении экологических стандартов (учет углеродного следа), что в перспективе может снизить конкурентоспособность коридоров на фоне ужесточения глобальных требований.

Окончание табл. 4

Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
<i>Технологический рынок.</i> Применение искусственного интеллекта для прогнозирования грузопотоков и оптимизации маршрутов, использование блокчейна для обеспечения прозрачности таможенных операций, внедрение Big Data в управление цепями поставок. <i>Углубление интеграции.</i> Реализация цифровой повестки ЕАЭС, создание единого логистического оператора для ключевых маршрутов, гармонизация экологических и технических стандартов. <i>Благодаря ритмичной конъюнктура.</i> Устойчивый спрос на альтернативные маршруты доставки грузов из Азии в Европу (и обратно), стимулирующий частные и государственные инвестиции в логистическую инфраструктуру региона. <i>Мультимодальные решения.</i> Создание портов и логистических хабов (в Алматы, Ташкенте) для консолидации и перераспределения грузов между разными видами транспорта. <i>Геоэкономический запрос.</i> Стратегическая заинтересованность ключевых игроков (Россия, Китай, Иран) в развитии логистической сети, независимой от контроля западных стран и институтов.	<i>Риск вступительных санкций.</i> Распространение санкционных ограничений на финансовые институты и логистические компании стран-транзитеров. <i>Экономическая нестабильность.</i> Снижение глобального спроса на перевозки в периоды кризисов, рост стоимости финансирования инфраструктурных проектов на фоне высоких ставок и санкционных рисков. <i>Обострение конкуренции.</i> Конкуренция между коридорами («Север-Юг» против Транскаспийского маршрута) и между странами-хабами за транзитные потоки, что может привести к нескоординированному развитию и избыточным мощностям. <i>Геополитическая турбулентность.</i> Риски нестабильности в странах-участниках коридоров (включая возможные изменения транзитной политики), прямо влияющие на надежность поставок и инвестиционную привлекательность. <i>Нормативные разрывы.</i> Ужесточение и фрагментация глобальных экологических и технологических стандартов, требующих от стран региона дополнительных затрат на адаптацию инфраструктуры и подвижного состава.

Источник: составлено авторами.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Классические теории (Рикардо, Хекшер–Олин) перестают работать в условиях санкционных шоков. Сравнительные преимущества начинают определяться не издержками производства, а логистической доступностью. Предложенный авторами синтез трех концепций – логистического протекционизма, геоэкономических коридоров и санкционно устойчивой логистики – позволяет трактовать логистику не как нейтральную инфраструктуру, а как активный стратегический актив. Это и есть ядро постлиберальной парадигмы.

Анализ макроконтекста зафиксировал структурный сдвиг. За 2013–2024 гг. товарооборот России с ЕС и США упал в 6,5 раза (с 544 до 84 млрд долл.), а его место заняли Китай (рост доли с 18,5% до 34,1%) и «пояс роста» на Юге и Востоке (Турция, Индия, ЦА). Однако, как показано в докладе ИЭ РАН [9], это не диверсификация, а концентрация: доля первой десятки партнеров выросла с 58,8% до 70,1%, что повышает уязвимость экономики.

Главным доказательством качественной трансформации стали результаты микроэкономического анализа товарных потоков на уровне 2-значных кодов ТН ВЭД, выявившие их дивергентную природу. С одной стороны, российский экспорт в Центральную Азию демонстрирует движение от сырьевой зависимости к модели углубленной кооперации: наряду с усилившейся энергетической основой наблюдается взрывной рост поставок продукции химической, пищевой и лесной переработки. С другой стороны, структура российского импорта из региона является прямым количественным подтверждением его новой логистической функции – феноменальный рост ввоза машин, оборудования и высокотехнологичных товаров через Кыргызстан и Узбекистан служит неопровержимым доказательством формирования масштабных реэкспортных цепочек. Таким образом, страны Центральной Азии трансформируются из периферийных сырьевых придатков в активные логистические хабы новой, санкционно-устойчивой архитектуры.

Результаты комплексного SWOT-анализа позволили систематизировать потенциал и риски этого перехода. Выявлена ключевая стратегическая дилемма: противоречие между мощным синергетическим потенциалом (инфраструктурное единство колеи 1520 мм, цифровизация, растущий транзитный спрос) и системными ограничениями (перегруженность пограничных переходов, дефицит паромных мощностей на Каспии, технологическая зависимость, риск вторичных санкций). Разрешение этой дилеммы и реализация концепции санкционно

устойчивой логистики возможны только через целенаправленное усиление синергии между сильными сторонами и возможностями при одновременном сдерживании слабостей и угроз. Это требует перехода от стихийной адаптации к шокам к скоординированной стратегии, основанной на принципах логистического суверенитета.

Полученные результаты позволяют сформулировать основные направления данной стратегии:

1. Приоритетное устранение инфраструктурных «узких мест»: концентрация инвестиций и регуляторных усилий на развитии портовой и паромной инфраструктуры Каспия, модернизации ключевых пограничных переходов (Петухово, Достык) и создании обходных железнодорожных маршрутов (проект «Китай–Кыргызстан–Узбекистан»).

2. Ускорение технологической модернизации и цифровой гармонизации: активное внедрение сквозных цифровых платформ ЕАЭС («Единое окно»), технологий ИИ и блокчейна для таможенного администрирования и управления цепями поставок, что является основой для снижения транзакционных издержек и роста конкурентоспособности коридоров.

3. Дифференциация стратегий взаимодействия со странами ЦА с учетом их кластеризации: углубление производственной кооперации с Казахстаном; развитие легальных и прозрачных режимов для транзитных операций с Кыргызстаном и Узбекистаном; укрепление сырьевого и аграрного партнерства с Таджикистаном и Туркменистаном.

4. Формирование общего регуляторного и технологического пространства в рамках евразийской интеграции, включая гармонизацию «зеленых» стандартов, взаимное признание цифровых документов и создание совместных логистических операторов для ключевых коридоров («Север-Юг», «Восток-Запад»).

Таким образом, формирующаяся сегодня модель торгово-логистических связей в Евразии с теоретической точки зрения – это синтез неомеркантилизма, региональной интеграции и логистического протекционизма. В ней эффективность определяется не только экономическими показателями, но и устойчивостью к внешним шокам, а конкурентное преимущество создается через контроль над инфраструктурой, данными и ключевыми маршрутами. Заложенные в модели принципы могут быть основой для разработки актуальной на сегодня политики экономической безопасности и развития транспортных коридоров в евразийском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития». 2024. [Analytical report “On the Macroeconomic Situation in the Member States of the Eurasian Economic Union and Proposals for Ensuring Sustainable Economic Development”. 2024. (In Russ.).] https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroec_pol/doklad_2025.pdf (дата обращения: 15.12.2025).
2. Аналитический доклад «О принципах и подходах цифровой логистики в сфере транспортных услуг государств – членов Евразийского экономического союза». М.: Департамент транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, 2020. [Analytical report “On the Principles and Approaches of Digital Logistics in the Field of Transport Services of the Member States of the Eurasian Economic Union”. Moscow: Department of Transport and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission, 2020. (In Russ.).] https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/289/AD-O-printsipakh-i-podkhodakh-tsifrovoy-logistiki-v-sfere-transportnykh-uslug-gosudarstv-_chlenov-EAES.pdf (дата обращения: 15.12.2025).
3. Вардомский Л.Б. Страны Центральной Азии в процессах международной регионализации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 4. С. 7–22. [Vardomskiy L.B. Central Asian countries in the processes of international regionalization // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 4. Pp. 7–22. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2022_4_7_22. EDN: FRMEHM.
4. Винокуров Е. (рук. авт. кол.), Амангельды С., Ахунбаев А., Забоев А., Кузнецов А., Малахов А. Евразийский транспортный каркас: Доклад № 24/6. Алматы: Евразийский банк развития, 2024. [Vinokurov E. (head of the author team), Amangeldy S., Akhunbaev A., Zabojev A., Kuznetsov A., Malakhov A. Eurasian transport framework: Report No. 24/6. Almaty: Eurasian Development Bank, 2024. (In Russ.).]
5. Егоров В.Г. Геополитика транспортных коридоров // Геоэкономика энергетики. 2021. № 2 (14). С. 6–31. [Egorov V.G. Geopolitics of transport corridors // Geoeconomics of Energetics. 2021. No. 2 (14). Pp. 6–31. (In Russ.).] DOI: 10.48137/2687-0703_2021_14_2_6.
6. Кузнецов А.В. Ускорение экономического разворота России на Глобальный Юг в 2022 году // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 241. № 3. С. 158–164. [Kuznetsov A.V. Acceleration of Russia’s economic pivot to the Global South in 2022 // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2023. Vol. 241. No. 3. Pp. 158–164. (In Russ.).] DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-158-164. EDN: GJRSAW.
7. Малышева Д. Россия и транзитные коридоры Евразии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № II (LIX). С. 91–102. [Malysheva D. Russia and Eurasian transit corridors // Russia and New States of Eurasia. 2023. No. II (LIX). Pp. 91–102. (In Russ.).] DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-91-102.
8. Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения / пер. Н. Рязанов. М.: Юрайт, 2019. [Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation / transl. by N. Ryazanov. Moscow: Yurait, 2019. (In Russ.).]
9. Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития: Научный доклад / Под ред.

- М.Ю. Головнина. М.: Институт экономики РАН, 2025. [The Russian economy under sanctions pressure: interim results (2022-2025) and development prospects: Scientific Report / Ed. by M.Yu. Golovnin. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2025. (In Russ.).]
10. *Спартак А.Н.* Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 7–29. [*Spartak A.N.* Transition to a new world economic order: stages, key features, challenges and solutions for Russia // Russian Foreign Economic Journal. 2022. No. 7. Pp. 7–29. (In Russ.).] DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29. EDN: SOLIAZ.
 11. *Спартак А.Н.* Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. №5. [*Spartak A.N.* Consequences of digital transformation for international trade // Russian Foreign Economic Journal. 2018. No. 5. (In Russ.).] <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-tsifrovoy-transformatsii-dlya-mezhdunarodnoy-torgovli> (дата обращения: 15.12.2025).
 12. *Тураева М.О.* Транспортная инфраструктура стран Центральной Азии в условиях современной регионализации: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. [*Turaeva M.O.* Transport infrastructure of Central Asian countries in the context of modern regionalization: Report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2014. (In Russ.).] EDN: UDPTSJ.
 13. Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. 6-е изд. М.: Лаборатория знаний, 2020. [Economic Security of Russia. General Course: textbook / Ed. by V.K. Senchagov. 6th ed. Moscow: Laboratory of knowledge, 2020. (In Russ.).]
 14. *Baldwin R.* The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016.
 15. *Drezner D.W.* The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
 16. *Heckscher E.F.* The Effect of Foreign Trade on the Distribution of Income // *Economisk Tidskrift*. 1919. Vol. 21. Pp. 497–512.
 17. *Helpman E., Krugman P.* Market Structure and Foreign Trade: Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy. Cambridge: MIT Press, 1985.
 18. *Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A.* Economic Sanctions Reconsidered. 3rd ed. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2007.
 19. *Ohlin B.* Interregional and International Trade. Cambridge: Harvard University Press, 1933.
 20. *Rodrigue J.-P.* The Geography of Transport Systems. 5th ed. N.Y.: Routledge, 2020.
 21. *Taleb N.N.* The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. N.Y.: Random House, 2007.

Дата поступления рукописи: 08.06.2026 г.

Дата принятия к публикации: 13.08.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мигранян Аза (Азгануш) Ашотовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая сектором экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН; заведующая кафедрой политической экономии имени В.Ф. Станиса РУДН имени П. Лумумбы, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6014-5955
a.mihranyan29@gmail.com

Литвинов Андрей Игоревич – аспирант кафедры международных экономических отношений РУДН имени П. Лумумбы, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2633-3850
landronik@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Aza (Azganush) A. Mihranyan – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Economic Research Sector, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the RAS; Head of the Department of Political Economy named after V.F. Stanis, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6014-5955
a.mihranyan29@gmail.com

Andrei I. Litvinov – Postgraduate Student of the Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2633-3850
landronik@yandex.ru

TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL TRADE PARADIGMS AND FORMATION OF SANCTIONS-RESILIENT LOGISTICS IN THE "RUSSIA – CENTRAL ASIA" SYSTEM

The article examines how the sanctions shocks of 2022-2024 and the transition to a polycentric model of the world economy are reshaping theoretical approaches to international trade and the practical organization of logistics. The authors point out that the new emerging paradigm of international trade in Eurasia is characterized by a synthesis of elements of logistics protectionism, the theory of geoeconomic corridors, and the concept of sanctions resilience. The methodology of the study combines a critical review of classical theories (from Ricardo to Krugman), a quantitative assessment of structural shifts in Russia's trade with Central Asian countries over 2010–2024, and a SWOT analysis of the region's logistics infrastructure. The analysis of empirical data reveals a divergent transformation: on the one hand, industrial cooperation is deepening; on the other, Central Asia is emerging as a re-export hub. The key finding is that overcoming the contradiction between growing transit potential and infrastructure constraints requires a coordinated strategy of logistics sovereignty. The research findings can serve as a theoretical and applied basis for developing economic security policies and transport corridors in Eurasia.

Keywords: *international trade, logistics protectionism, sanctions-resilient logistics, geo-economic corridors, economic sanctions, transport corridors, Eurasian Economic Union (EAEU), Central Asia, logistics sovereignty, re-export, SWOT analysis.*

JEL: F51, L91, R40.

В.Ю. ЧЕРНОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ЕАЭС

В статье анализируется влияние ближневосточного кризиса 2026 г. на международную продовольственную безопасность и через какие каналы этот шок транслируется в продовольственные параметры ЕАЭС. Методический аппарат исследования включает индексную оценку ценовой динамики (инфляционные индексы потребительских цен на продовольствие), расчет коэффициентов душевого производства и метод построения многовариантных матричных сценариев для оценки вероятностного влияния каскадных внешних шоков на логистику и продовольственную безопасность исследуемого макрорегиона. Показано, что суммарный эффект для ЕАЭС неоднозначен: так, для ЕАЭС, как для нетто-экспортера зерна, масла и удобрений, открываются новые экспортные возможности, но одновременно возрастают инфляционные и логистические риски, растет значимость технологической и инфраструктурной кооперации внутри Союза, а также внешнеторговой диверсификации. Оригинальность данного исследования заключается в органично осуществленном автором синтезе ретроспективного анализа развития АПК ЕАЭС с новейшими эмпирическими данными за I квартал 2026 г., отражающими реакцию глобальных рынков на блокаду ближневосточных торговых путей. Это позволило автору не только показать текущее состояние отрасли, но и выявить глубинные механизмы абсорбции внешних шоков экономиками стран ЕАЭС.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, ЕАЭС, Ближний Восток, энергетический шок, удобрения, морская логистика, продовольственная инфляция, сценарии.

УДК: 339.54

EDN: UUUQFQ

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_176_197

Введение

Современная архитектура глобальной экономики и системы международного разделения труда переживает период беспрецедентной структурной турбулентности. Эскалация геополитической напряженности, катализатором которой стала радикальная трансформация логистических, финансовых и санкционных режимов в 2022 г., приобрела новое, еще более разрушительное измерение в связи с полномасштабным ближневосточным кризисом, разразившимся в феврале–марте 2026 г. Блокада Ормузского пролива, являющегося критической кровеносной артерией мировой торговли энергоносителями и минеральными удобрениями, спровоцировала классическую цепную реакцию предложения (second-order supply shock), транслирующуюся в беспрецедентный рост транзакционных и производственных издержек для агропромышленных комплексов по всему миру [7]. В этих сложных макроэкономических условиях Евразийский экономический союз (ЕАЭС: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия), обладающий уникальным сельскохозяйственным, водным и природно-ресурсным потенциалом, объективно трансформируется из сугубо регионального интеграционного объединения в одного из ключевых системных гарантов глобальной продовольственной устойчивости.

Данное исследование направлено на комплексный многоуровневый анализ агропродовольственного потенциала государств – членов ЕАЭС, в том числе на оценку динамики формирования внутреннего рынка и внешней торговли Союза, а также на выявление стратегических последствий текущего ближневосточного кризиса 2026 г. для логистических цепочек и экспортных позиций Евразийского макрорегиона¹. Особое внимание в рамках работы уделяется оценке влияния экзогенного шока на переформатирование Международного транспортного коридора «Север – Юг» (International North-South Transport Corridor, INSTC) и формированию научно обоснованных сценарных траекторий развития агропромышленного комплекса (АПК) ЕАЭС в краткосрочной и среднесрочной перспективе до 2027 г.

Структурные характеристики и ресурсобеспеченность АПК государств ЕАЭС

Фундаментальным эндогенным фактором, детерминирующим возрастающую роль ЕАЭС в мировом разделении труда и обеспечении глобальной продовольственной безопасности, является колоссальная ресур-

¹ Под Евразийским макрорегионом в статье понимается регион, включающий в себя все страны – члены ЕАЭС: Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россию.

сообеспеченность макрорегиона. На долю государств – членов Союза приходится около 10% мирового сельскохозяйственного земельного фонда и лишь 3% населения планеты [4]. Подобная асимметрия в распределении факторов производства создает уникально высокую обеспеченность земель на душу населения, что выступает естественной предпосылкой для производства значительных объемов продовольствия не только для покрытия внутренних нужд макрорегиона, но и для формирования масштабных экспортных потоков. Данный тезис находит подтверждение в статистическом сопоставлении обеспеченности стран ЕАЭС земельными ресурсами с общемировыми показателями (см. табл. 1).

Таблица 1

Обеспеченность стран ЕАЭС земельными ресурсами

Страна	Площадь сельскохозяйственных земель, млн га	Площадь пахотных земель, млн га	Население, млн человек	Сельскохозяйственные земли на душу населения, га/человек	Пахотные земли на душу населения, га/человек
Армения	1,65	0,44	2,94	0,56	0,15
Беларусь	8,09	5,61	9,12	0,89	0,61
Казахстан	214,27	29,67	20,33	10,54	1,46
Кыргызстан	10,60	1,29	7,07	1,50	0,18
Россия	215,49	121,65	145,44	1,48	0,84
ЕАЭС	450,1	158,66	184,9	2,43	0,86
Мир	4809,93	1382,25	8091,73	0,59	0,17

Источник: составлено автором по данным FAOSTAT²

Как показывает анализ данных табл. 1, Россия и Казахстан выступают абсолютными лидерами макрорегиона по площади пахотных земель, многократно превосходя среднемировые показатели подушевой обеспеченности (1,46 и 0,84 га/человек в Казахстане и России соответственно против 0,17 га/человек в среднем по миру). Эти показатели формируют основу их экспортной специализации на экстенсивных ресурсоемких культурах, прежде всего зерновых и масличных. В то же время страны с меньшей земельной обеспеченностью, такие как Армения (0,15 га/человек пашни) и Кыргызстан (0,18 га/человек), объективно тяготеют к развитию трудоемких отраслей сельского хозяйства – садоводства, овощеводства и виноградарства.

² FAOSTAT. Data. <https://www.fao.org/faostat/en/#data> (дата обращения: 07.07.2026).

С начала 1990-х годов роль сельского хозяйства в экономике государств евразийского пространства претерпела серьезные структурные изменения. Удельный вес аграрного сектора в структуре валового внутреннего продукта (ВВП) закономерно снизился и продолжает плавно снижаться вследствие ускоренного роста сервисных секторов и промышленности. Статистика демонстрирует эту трансформацию предельно наглядно: в Армении доля АПК сократилась с 48,8% в 1993 г. до 7,9% в 2024 г., в Кыргызстане – с 46,3% в 1996 г. до 8,8% в 2024 г., в Казахстане – с 29,5% в 1991 г. до 4,5% в 2024 г., в Беларуси – с 19,7% в 1991 г. до 6,9% в 2024 г., в России – с 13,5% в 1991 г. до 3,4% в 2024 г.³

Данная динамика полностью соответствует общемировой тенденции экономического развития, описываемой закономерностями структурной трансформации (закон К. Кларка – А. Фишера). Доля агросектора в мировом ВВП в 2023 г. составила 4,3%. При этом в странах, являющихся крупнейшими производителями агропродукции, она находится на сопоставимо низком уровне: в Канаде – 1,7%, в КНР – 7,8%, в США – 0,9%, в Бразилии – 5,5%⁴. Снижение доли сельского хозяйства в ВВП не означает абсолютной деградации отрасли – напротив, оно сопровождается ростом производительности труда, механизацией и переходом к капиталоемким методам хозяйствования.

Тем не менее для Кыргызстана, Армении и Беларуси АПК остается стратегически важным сектором не только в макроэкономическом, но и в социально-демографическом контексте. В аграрном секторе данных государств по-прежнему занята значительная часть трудоспособного населения. Это особенно характерно для менее крупных экономик Союза: если в России занятость в сельском хозяйстве упала до 5,8% от общей численности работающих, то в Армении занятость в агропродовольственном секторе превышает 56%, в Кыргызстане составляет 39%, а в Беларуси – 22%⁵. Эти цифры говорят о том, что развитие агропромышленного комплекса в этих странах выполняет критическую функцию абсорбции избыточной рабочей силы, будучи ключевым источником занятости и доходов сельского населения, а также фактором удержания территорий от депопуляции.

В 2025 г., по предварительным данным ЕЭК, производство сельскохозяйственной продукции во всех без исключения странах ЕАЭС продемонстрировало синхронный рост, увеличившись совокупно на 4,6% по сравнению с показателями 2024 г. (в частности, в Армении

³ FAOSTAT. Data. <https://www.fao.org/faostat/en/#data/MK> (дата обращения: 03.03.2026).

⁴ World Food and Agriculture – Statistical Yearbook 2025 // FAO. 2025. Rome. <https://doi.org/10.4060/cd4313en>

⁵ FAOSTAT. Data. <https://www.fao.org/faostat/en/#data/OEA> (дата обращения: 03.03.2026).

рост составил 105,6% к уровню предыдущего года, в Беларуси – 100,2%, в Казахстане – 105,9%, в Кыргызстане – 102,2%, в России – 104,9%)⁶. Этот рост происходил в условиях значительной волатильности мировых рынков, что свидетельствует о высокой степени институциональной адаптивности аграрных систем ЕАЭС. Россия при этом выступила в качестве крупнейшей аграрной экономики Союза, располагая более чем половиной всех пашен и производя свыше 73% всей агропродукции ЕАЭС; за ней следуют Казахстан (13%) и Беларусь (8%)⁷.

Отраслевая специализация и внутрисоюзное разделение труда в АПК

Устойчивость коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС обеспечивается не только валовыми объемами производства, но и высокой степенью взаимодополняемости национальных агропромышленных комплексов. Каждая из пяти стран ЕАЭС обладает своей уникальной отраслевой специализацией, обусловленной природно-климатическими условиями и исторически сложившимся технологическим укладом. Эта специализация находит отражение в показателях производства основных продуктов на душу населения (см. табл. 2).

Таблица 2

Производство основных продуктов сельского хозяйства на душу населения в странах ЕАЭС (2020–2024 гг.)

	2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
	Зерновые, кг					Семена подсолнечника				
ЕАЭС	886	792	1 027	926	872	76	90	95	100	101
Армения	83	52	81	98	72	0,6	0,5	0,4	0,1	0,1
Беларусь	923	787	943	835	913	0,2	0,8	1,1	0,6	0,5
Казахстан	1 070	862	1 122	859	1 250	45	54	66	62	91
Кыргызстан	298	213	286	245	306	2	1	1	1	1
Россия	904	825	1 074	991	861	90	106	112	118	116

⁶ О производстве сельскохозяйственной продукции в государствах – членах Евразийского экономического союза. Январь – декабрь 2025 г. https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/Agriculture/Agriculture_2025_12.pdf (дата обращения: 3.03.2026).

⁷ Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. М.: 2025.

Окончание табл. 2

	2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
	Скот и птица, кг					Молоко, л				
ЕАЭС	76	76	77	80	82	261	263	251	259	263
Армения	36	37	35	34	35	221	226	210	200	189
Беларусь	137	134	132	139	147	827	840	853	908	958
Казахстан	62	65	53	56	58	323	329	171	175	180
Кыргызстан	34	34	36	36	35	248	248	249	250	253
Россия	76	77	80	82	84	218	220	225	231	233
	Сахарная свекла, кг					Картофель, кг				
ЕАЭС	209	247	291	319	282	157	146	153	151	135
Армения	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	148	123	118	123	111
Беларусь	427	416	458	528	542	395	366	418	438	341
Казахстан	25	17	16	26	63	214	212	208	103	131
Кыргызстан	67	53	67	87	133	197	188	183	181	165
Россия	230	280	333	363	309	133	122	128	138	122
	Овощи, кг					Бахчевые, кг				
ЕАЭС	124	120	124	123	120	24	27	25	26	24
Армения	234	209	206	205	214	43	44	42	39	40
Беларусь	298	293	310	305	304	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1
Казахстан	245	251	244	222	188	129	146	130	141	122
Кыргызстан	168	163	167	171	170	39	33	32	33	39
Россия	94	89	93	95	95	11	13	11	12	11
	Плоды и ягоды, кг					Яйца, шт				
ЕАЭС	29	30	33	31	31	295	294	299	302	303
Армения	93	109	117	122	113	255	240	252	247	238
Беларусь	82	66	89	70	78	372	379	375	375	407
Казахстан	19	19	18	18	16	270	255	231	222	222
Кыргызстан	41	39	39	39	48	84	82	87	97	109
Россия	25	27	29	29	27	304	305	314	319	319

Источник: составлено автором по данным: ЕЭК. Статистика ЕАЭС. Сельское хозяйство. Динамические ряды https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/series/ (дата обращения: 20.07.2026).

Анализ подушевых показателей производства выявляет четкую макрорегиональную специализацию, создающую естественный фундамент для внутрисоюзной торговли. Россия за последние годы безоговорочно превратилась в глобального лидера по производству и экспорту зерновых (пшеница, ячмень, кукуруза) и масличных культур (семена подсолнечника) [8]. При высоких внутренних потребностях российское сельское хозяйство формирует колоссальный экспортный профицит. Политика импортозамещения последних лет также стимулировала взрывной рост производства мяса птицы, свинины и тепличных овощей, позволив стране снизить уязвимость от импорта продовольствия и даже начать экспансию мясомолочной продукции в соседние страны [10].

Беларусь, обладая существенно меньшими площадями сельскохозяйственных угодий, сумела создать высокоэффективный интенсифицированный агропромышленный комплекс с упором на глубокую переработку сырья. По уровню производства молока на душу населения (958 л в 2024 г.) Беларусь почти в четыре раза превосходит средний по Союзу уровень (263 л), выступая негласным «молочным хабом» всего постсоветского пространства. Страна полностью обеспечивает свои потребности в молоке, мясе, сахаре, картофеле и значительную часть производит на экспорт, удовлетворяя внутренний спрос прежде всего российского рынка⁸. Беларусь и Казахстан являются единственными странами Союза, стабильно имеющими положительное сальдо аграрной торговли.

Казахстан, располагающий обширными степными и пастбищными ресурсами, традиционно специализируется на производстве зерновых и масличных культур, а также на экстенсивном животноводстве (скотоводство и овцеводство). Казахстанская пшеница и мука исторически конкурентоспособны на региональных рынках Центральной Азии. Казахстан стабильно входит в десятку крупнейших глобальных экспортеров пшеницы (отправляя на внешние рынки 4–5 млн т ежегодно) и выступает гарантом зерновой безопасности для партнеров по ЕАЭС в центральноазиатском регионе [10]. Однако по позициям сахара, молока, мяса птицы и отдельных категорий овощей Казахстан остается нетто-импортером, зависимым от поставок из России и Беларуси.

Аграрный сектор Армении и Кыргызстана имеет ярко выраженную нишевую направленность: Армения капитализирует свои климатические преимущества в садоводстве, виноградарстве и производстве высококачественных плодоовощных консервов, вин и табака. В то же

⁸ Белоруссия добилась самообеспечения мясом на 140% – эксперт // TV Brics. 17.04.26. <https://tvbrics.com/news/belorussiya-dobilas-samoobespecheniya-myasom-na-140-ekspert/> (дата обращения: 03.03.2026).

время по зерну и растительным маслам республика критически зависит от импорта (преимущественно из России). В Кыргызстане сельское хозяйство также ориентировано на экспорт экологически чистых овощей, орехов, хлопка и мяса, находящихся рынки сбыта в Казахстане и России⁹. Обе страны глубоко заинтересованы в бесперебойном функционировании единого аграрного рынка ЕАЭС для покрытия собственных дефицитов в сырьевых категориях.

Таким образом, комплементарность и сопряженность экономик ЕАЭС создает прочную объективную основу для взаимовыгодной кооперации. Преимущества одних стран в производстве какого-то вида сельскохозяйственного сырья (Россия, Казахстан) дополняются перерабатывающими мощностями других (Беларусь, Армения, Кыргызстан), формируя замкнутый контур коллективной продовольственной безопасности.

Архитектура взаимной торговли и институциональная адаптация к внешним шокам (2022–2025 гг.)

Эволюция интеграционных процессов в рамках ЕАЭС привела к трансформации структуры товарооборота. Экспортная структура стран Союза, за исключением России и Армении, характеризуется умеренной степенью диверсификации. Если в России в 2022 г. более 50% экспорта АПК приходилось исключительно на пшеницу и продукты ее перемола (см. табл. 3), а в Армении свыше 31% экспорта формировали алкогольные напитки, то в Беларуси и Кыргызстане экспортная корзина более сбалансирована.

Институциональное снятие барьеров и гармонизация технического регулирования обусловили практически двукратный рост взаимной торговли агропродовольственными товарами за десятилетний период¹⁰. Так если в 2015 г. внутренняя торговля продовольствием измерялась единицами миллиардов долларов, то в 2024 г. ее объем вплотную приблизился к 20 млрд долл. Как свидетельствуют данные табл. 4, Россия сохраняет статус центрального узла евразийской торговли продукцией АПК.

Колоссальная доля России во внешнеторговых операциях генерирует асимметричную зависимость продовольственных рынков стран

⁹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. <https://stat.gov.kg/ru/publications/sbornik-selskoe-hozyajstvo-kyrgyzskoj-respubliki/> (дата обращения: 14.03.2026).

¹⁰ Ten Years of the EAEU: Trade Wars Rumble on Against Backdrop of GDP Growth. <https://timesca.com/ten-years-of-the-eaeu-trade-wars-rumble-on-against-backdrop-of-gdp-growth/> (дата обращения: 14.03.2026).

Таблица 3

Основные экспортные и импортные товары стран ЕАЭС (доли в %, 2022 г.)

Импорт	%	Экспорт	%
Армения			
Пшеница и продукты	33,10	Напитки, алкогольные	31,87
Молоко (кроме сливочного масла)	12,24	Томаты и продукты	13,91
Кукуруза и продукты	7,41	Овощи, прочее	9,56
Сахар (в сыром эквиваленте)	5,35	Фрукты, прочее	8,69
Овощи, прочее	3,93	Молоко (кроме сливочного масла)	5,50
Беларусь			
Пшеница и продукты из нее	11,52	Овощи и др.	6,35
Рапс и горчичное семя	7,08	Рапсовое и горчичное масло	5,75
Фрукты и др.	5,91	Сахар (в сыром эквиваленте)	5,18
Кукуруза и продукты из него	5,37	Картофель и продукты из него	4,66
Ячмень и продукты из него	5,05	Подсластители и др.	3,37
Казахстан			
Молоко (кроме сливочного масла)	16,03	Ячмень и продукты	6,54
Овощи, другие	7,77	Масличные культуры, прочее	4,80
Сахар (в сыром эквиваленте)	6,97	Семя подсолнечника	2,66
Фрукты, другие	5,37	Подсластители, прочее	2,32
Подсластители, другие	3,75	Картофель и продукты	1,86
Кыргызстан			
Подсластители и др.	8,92	Фрукты и другие	11,58
Сахар (в сыром эквиваленте)	8,74	Кукуруза и продукты	10,54
Овощи и др.	6,93	Овощи и другие	10,34
Орехи и продукты	6,02	Фасоль	9,92
Горох	5,60	Молоко (кроме масла)	9,51
Россия			
Молоко (кроме сливочного масла)	18,59	Пшеница и продукты из нее	50,45
Фрукты и другие	8,77	Кукуруза и продукты из нее	5,84
Овощи и другие	7,53	Подсолнечное масло	5,46
Соевые бобы	6,61	Демерсальная рыба	4,02
Бананы	6,44	Ячмень и продукты из него	3,98

Источник: рассчитано автором по данным FAOSTAT. Data. <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TM> (дата обращения: 20.07.2026).

Таблица 4

**Взаимный экспорт сельскохозяйственной продукции стран ЕАЭС
в 2024 г., млн долл.**

	Арме- ния	Беларусь	Казахстан	Кыргыз- стан	Россия
Армения	—	23,0	14,0	2,7	649,0
Беларусь	24,4	—	243,5	12,6	н/д
Казахстан	6,3	30,8	—	331,7	545,3
Кыргызстан	0,2	1,7	77,0	—	92,9
Россия	453,9	н/д	3265,4	369,9	—

Источник: составлено авторам по данным FAOSTAT. Data. Detailed trade matrix. <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TM> (дата обращения: 20.07.2026).

ЕАЭС от макроэкономической стабильности внутри России. Геополитические потрясения 2022 г., сопровождавшиеся жестким санкционным давлением Запада на Россию и Беларусь, стали первым масштабным стресс-тестом для аграрных рынков Союза. Ограничение доступа к западным рынкам вынудило российских производителей форсированно переориентировать экспортные потоки на внутренний рынок ЕАЭС. В краткосрочной перспективе это вызвало определенные ценовые дисбалансы: профицит дешевого российского и белорусского продовольствия на рынках Казахстана и Кыргызстана создал давление на местных фермеров [3; 6].

Высокая турбулентность глобальных рынков логистических услуг и энергоносителей, вызванная фрагментацией мировой торговли, привела к импорту инфляции. В 2022 г. продовольственная инфляция достигла 125,3% в Казахстане и 117,1% в Кыргызстане, что вызвано высокой импортозависимостью этих стран по базовым продуктам, таким как сахар, и падением курса национальных валют (см. табл. 5).

Таблица 5

Индекс потребительских цен на продовольственные товары

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
ЕАЭС	107,4	110,7	112,2	107,8	109,9
Армения	105,5	112,5	109,9	96,5	102,2
Беларусь	106,2	111,4	113,8	106,8	106,5
Казахстан	111,3	109,9	125,3	108,5	105,5
Кыргызстан	115,8	113,0	117,1	104,7	106,4
Россия	106,7	110,6	110,3	108,2	111,1

Источники: ЕЭК, 2025. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза// Евразийская экономическая комиссия. М., 2025.

Тем не менее в стратегическом плане шоки 2022–2023 гг. сыграли роль катализатора институциональной интеграции. Государства перешли от исключительно двустороннего взаимодействия к формированию элементов «частично согласованной аграрной политики» с наднациональным контуром. Была внедрена практика разработки совместных прогнозов и балансов спроса и предложения на критические виды продовольствия [5]. Появились механизмы координации экспортных ограничений во избежание взаимного ущерба¹¹.

Особое внимание было уделено достижению технологического суверенитета в АПК. Уход западных транснациональных корпораций – поставщиков селекционного материала, средств защиты растений (СЗР) и техники актуализировал риски критической зависимости. В ответ были запущены процессы локализации и импортозамещения. Например, благодаря интеграционным преференциям и мерам господдержки к 2024 г. доля белорусских зерноуборочных комбайнов на рынке России достигла 34%¹², частично компенсировав дефицит западной техники. Было принято решение о субсидировании процентных ставок по кооперационным инвестпроектам в АПК за счет бюджета ЕАЭС. К началу 2025 г. Союз практически полностью адаптировался к санкционным реалиям, нарастив поставки продовольственных товаров на общий рынок на 20% по сравнению с предыдущим годом¹³.

Внешний трек также претерпел изменения. Произошел масштабный разворот торговли на Глобальный Юг – в страны Азии, Ближнего Востока и Африки. Вступление в силу полноформатного Соглашения о свободной торговле (ССТ) с Ираном (устранившего тарифные барьеры по 87% товаров) открыло колоссальные ниши для экспорта евразийского зерна и масел. К 2035 г. ЕАЭС потенциально способен обеспечивать продовольствием до 600 млн человек по всему миру [4].

¹¹ Подписано Соглашение о гармонизированной системе определения происхождения товаров, вывозимых с таможенной территории ЕАЭС. https://eec.eaeunion.org/news/podpisano-soglashenie-o-garmonizirovannoy-sisteme-opredeleniya-proiskhozhdeniya-tovarov-vyvozymykh-s/?sphrase_id=325812 (дата обращения: 07.03.2026).

¹² Доля белорусских зерноуборочных комбайнов на рынке РФ составила 34% в 2024 году // Поле. РФ. 16 мая 2025. <https://поле.рф/journal/publication/dolya-belorusskikh-zernouborochnykh-kombaiynov-na-rynke-rf-sostavila-34-v-2024-godu> (дата обращения: 07.03.2026).

¹³ ЕЭК подвела итоги макроэкономического развития ЕАЭС // Евразия сегодня. 17.02.2026. <https://eurasia.today/news/eeek-podvela-itogi-makroekonomicheskogo-razvitiya-eaes/> (дата обращения: 07.03.2026).

Ближневосточный кризис 2026 г. как каскадный шок глобальной продовольственной архитектуры

Если адаптация АПК ЕАЭС к санкционным шокам 2022 г. считалась в целом завершенной к концу 2025 г.¹⁴, то февраль–март 2026 г. ознаменовался новым, потенциально значительно более разрушительным макроэкономическим кризисом. Прямое вооруженное столкновение США и Израиля с Ираном привело к фактической военной блокаде Ормузского пролива, являющегося стратегически важным транспортным узлом планеты не только для поставок нефтегазовых, но и для агрохимических товаров. Через Ормузский пролив в нормальных условиях ежедневно транзитом проходило около 20 млн баррелей нефти (до 35% глобального морского потока), до 25% сжиженного природного газа (СПГ) и, что наиболее критично для сельского хозяйства, от 30% до 46% всех мировых объемов минеральных удобрений, поставляемых морским путем¹⁵.

В течение нескольких дней после начала эскалации транзит коммерческих танкеров через пролив обрушился более чем на 90% [6]. Глобальный страховой рынок отреагировал мгновенно: ввиду расширения зон повышенного риска страховые премии от военных угроз для торговых судов подскочили с базовых 0,25% до заградительных 10% от стоимости судна, требуя при этом еженедельного пересмотра тарифов¹⁶. Подобный паралич ключевого транспортного узла запустил классический шок предложения второго порядка (second-order supply shock) [12], механизм которого многомерен и напрямую угрожает глобальной продовольственной безопасности.

Во-первых, произошел коллапс рынка азотных удобрений. Страны Персидского залива (Катар, Саудовская Аравия, Иран, Оман) исторически формировали глобальный хаб по производству карбамида (мочевины), аммиака и серы. Физическое блокирование отгрузок (до 3–4 млн т удобрений в месяц оказались заперты в регионе) привело к экспоненциальному ценовому скачку [7]. В период с февраля по март 2026 г. цены на карбамид взлетели почти на 46% в месячном исчислении. Дополнительным инфляционным драйвером стал рост цен на природный газ в Европе и Азии (на 50–75%), который является основ-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Beyond oil: 9 commodities impacted by the Strait of Hormuz crisis // World Economic Forum. <https://www.weforum.org/stories/2026/04/beyond-oil-9-commodities-impacted-closure-hormuz-strait/> (дата обращения: 07.03.2026).

¹⁶ Impact of the Middle East war on food systems in the GCC // Agroberichten Buitenland. <https://www.agroberichtenbuitenland.nl/actueel/nieuws/2026/03/31/impact-of-the-middle-east-war-on-food-systems-in-the-gcc> (дата обращения: 07.03.2026).

ным сырьем для синтеза азотных удобрений, что сделало производство вне Ближнего Востока критически дорогим [7].

Во-вторых, сформировался беспрецедентный *рост логистических и операционных издержек*. Удорожание нефти марки Brent на 20–35% транслировалось в резкий скачок стоимости бункерного топлива для судов. Это спровоцировало цепную реакцию повышения ставок фрахта во всех без исключения морских бассейнах, даже на тех маршрутах, которые не пересекают конфликтный регион. Рост энергозатрат моментально отразился на всей цепочке создания стоимости в АПК – от механизированной обработки полей до ирригации, переработки и хранения в системах «холодовой цепи»¹⁷.

В-третьих, возникла реальная угроза *критического падения урожайности* из-за структурного дефицита удобрений в преддверии посевных кампаний. Временной лаг между шоком на рынке удобрений и кризисом на продовольственном рынке составляет от шести до девяти месяцев¹⁸. Сельскохозяйственный цикл не терпит пауз: американские фермеры, чье весеннее окно посадки приходится на март-апрель, столкнулись с дефицитом именно тогда, когда поставки из Персидского залива должны были прибыть в порты Мексиканского залива¹⁹. Прогнозируется, что из-за нехватки и дороговизны азота фермеры в США могут сократить посевы влаго- и азотолюбивой кукурузы на 1,5 млн акров в пользу менее требовательной сои. Аналогичные риски масштабного снижения урожаев фиксируются в Индии, Бразилии и Австралии²⁰.

Результатом этих процессов стал *рост цен на продовольственные товары*. По данным FAO, индекс цен на продовольствие в марте составил в среднем 128,5 процентных пункта, что на 2,4% больше, чем в феврале, и на 1,0% выше уровня 2025 г. Умеренный рост цен на продовольствие с начала конфликта обусловлен достаточными мировыми запасами зерновых. Однако затягивание конфликта при высоких затратах на ресурсы приведет к снижению урожайности, переходу фермеров

¹⁷ Экспорт и импорт АПК – влияние ормузского кризиса с марта 2026. <https://oleoscope.com/analytics/vliyanie-ormuzskogo-krizisa-na-jeksport/> (дата обращения: 11.04.2026).

¹⁸ Former Russian Central Bank Official Warns: Fertilizer Crisis Will Trigger Global Food Price Shock in 6 to 9 Months // Bitget 2026/03/23. <https://www.bitget.com/news/detail/12560605292925> (дата обращения: 11.04.2026).

¹⁹ The Iran war's economic fallout won't stop at oil-agriculture and aluminum are next. <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/the-iran-wars-economic-fallout-wont-stop-at-oil-agriculture-and-aluminum-are-next/> (дата обращения: 11.04.2026).

²⁰ Chief Economist warns of severe global food security risks from disruption to Strait of Hormuz trade corridor // FAO 26/03/2026 <https://www.fao.org/newsroom/detail/fao-chief-economist-warns-of-severe-global-food-security-risks-from-disruption-to-strait-of-hormuz-trade-corridor/en> (дата обращения: 11.04.2026).

на выращивание культур, требующих меньше удобрений²¹. Кроме того, возник эффект перекрестного влияния рынков: рост цен на нефть сделал более рентабельным производство биотоплива (этанола и биодизеля), что привело к оттоку части урожая кукурузы и растительных масел из продовольственного баланса в энергетический, еще больше разгоняя продовольственную инфляцию [7].

Последствия этого каскадного шока для уязвимых экономик Глобального Юга оцениваются как катастрофические: если кризисная динамика сохранится до середины 2026 г., то, согласно прогнозу Всемирной продовольственной программы (WFP), еще 45 млн человек в мире будут ввергнуты в состояние острой нехватки продовольствия. Это накладывается на уже имеющуюся проблему: 52 млн человек в Западной и Центральной Африке и свыше 87 млн в Восточной Африке уже находятся на грани голода из-за перманентных конфликтов и изменений климата на Земле²². Страны Африки к югу от Сахары (Судан, Мозамбик, Кения) и Южной Азии (Индия, Бангладеш), импортировавшие львиную долю удобрений именно из Персидского залива, оказались в эпицентре надвигающегося голода.

Трансформация логистики и экспортных балансов ЕАЭС под влиянием шока 2026 г.

Для государств Евразийского экономического союза разворачивающийся кризис носит ярко выраженный двойственный и противоречивый характер: он, с одной стороны, максимизирует коммерческие экспортные доходы сырьевого блока, но с другой – наносит тяжелейший удар по выстраиваемым годами альтернативным логистическим коридорам и обнаруживает скрытые уязвимости в продовольственном импорте.

1. «Удобренческая рента» и сверхдоходы экспортно ориентированных отраслей. Блокировка Ближнего Востока, наряду с протекционистскими мерами Китая по ограничению вывоза собственных фосфатов, превратила Россию и Беларусь в практически безальтернативных макродоноров глобального рынка минеральных удобрений²³.

²¹ Food Price Index rises in March as Near East conflict raises energy costs // FAO. 03/04/2026. <https://www.fao.org/newsroom/detail/fao-food-price-index-rises-in-march-as-near-east-conflict-raises-energy-costs/en> (дата обращения: 11.04.2026).

²² Food Security Update. World Bank Solutions to Food Insecurity // FAO. March 20, 2026. <https://www.worldbank.org/en/topic/agriculture/brief/food-security-update> (дата обращения: 11.04.2026).

²³ Hormuz Closure Threatens the Global Food Supply – Why Grocery Price Hikes Are Coming? // thefulcrum.us/economy/global-food-security-crisis (дата обращения: 11.04.2026).

Россия, являясь вторым в мире производителем удобрений с долей 19% в мировом экспорте²⁴, оказалась бенефициаром ценового ралли. Поскольку балтийские и черноморские порты РФ остались вне зоны физического влияния конфликта в Ормузском проливе, спрос экстренно перераспределился на северные маршруты.

В результате цены на российские удобрения к середине марта 2026 г. подскочили на 39–40%²⁵. По оценкам экспертов, сохранение подобной ценовой конъюнктуры (рост на 50% к базовому уровню) способно генерировать для российской экономики значительные экспортные доходы. Однако извлечение сверхдоходов несет риск импорта инфляции во внутренний контур ЕАЭС. Рост мировых котировок неизбежно провоцирует рост внутренних цен на удобрения (которые с начала года внутри России подорожали на 30%), что прямо угрожает рентабельности фермеров перед посевной. Для купирования этой угрозы правительства стран Союза были вынуждены прибегнуть к нерыночным инструментам регулирования: так, в России был введен временный запрет на экспорт аммиачной селитры (с 21 марта по 21 апреля 2026 г.) и до конца мая установлены жесткие квоты на вывоз азотных и сложных удобрений²⁶.

Давление кризиса заставило страны Запада де-факто признать незаменимость ЕАЭС: ради предотвращения глобального коллапса администрация США пошла на беспрецедентный шаг, приостановив действие части санкций в отношении трех белорусских производителей калийных удобрений и ослабив рестрикции на транспортировку российской продукции²⁷. Это де-факто легитимизировало экспортную инфраструктуру Союзного государства в глазах мирового сообщества.

2. Деструкция логистики и кризис МТК «Север – Юг» (INSTC). Наиболее болезненным институциональным и инфраструктурным ударом кризиса 2026 г. для ЕАЭС стала фактическая заморозка флагманского проекта – Международного транспортного коридора «Север – Юг» (INSTC). С 2022 г. этот мультимодальный 7200-километровый маршрут, связывающий Россию со странами Персидского

²⁴ Производство удобрений в 2026 году: глобальное лидерство, ценовой паритет и битва за внутренний рынок // АгроСервер. 16 марта 2026. <https://agroserver.ru/articles/7964.htm> (дата обращения: 11.04.2026).

²⁵ Экспорт и импорт АПК – влияние ормузского кризиса с марта 2026. <https://oleoscope.com/analytics/vlijanie-ormuzskogo-krizisa-na-jeksport/> (дата обращения: 11.04.2026).

²⁶ Commodity Windfalls Are Rolling into Russia From War in Iran // Bloomberg. April 1, 2026. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-04-01/commodity-windfalls-are-rolling-into-russia-from-war-in-iran> (дата обращения: 11.04.2026).

²⁷ США решили снять санкции с «Беларуськалия», двух банков и Минфина Белоруссии // Коммерсантъ. 19.03.2026. <https://www.kommersant.ru/doc/8516085> (дата обращения: 11.04.2026).

залива и Индией через территорию Ирана, выступал главным геоэкономическим инструментом «разворота на Восток» и диверсификации поставок в обход западных санкций [9]. Аналитические центры прогнозировали рост грузооборота по МТК до 15–25 млн т к 2030 г. (из которых до 12,8 млн т должно было составить зерно)²⁸.

Нанесение воздушных ударов по ключевым иранским портовым хамам (Бендер-Аббас, Чабахар) и объявление Ираном пролива военной зоной парализовали транзитные возможности коридора²⁹. По оценкам профильных ведомств, российские и евразийские логистические компании – операторы INSTC начали нести прямые убытки в размере 40–60 млн долл. ежемесячно. Ожидается, что совокупный грузооборот на иранском направлении может обрушиться на 25% по итогам года, перечеркивая многолетние усилия по выстраиванию южного торгового вектора³⁰.

Кризис форсировал поиск альтернатив. Транзитные потоки АПК ЕАЭС экстренно переориентируются на Средний коридор (Транскаспийский международный транспортный маршрут) в обход иранской территории (объем перевалки зерна через Каспий в марте составил лишь 320 тыс. т), а также на сухопутные погранпереходы с Китаем. Статистика фиксирует резкий рост: в январе 2026 г. экспорт российского зерна в КНР по железнодорожной сети увеличился в 2,2 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, составив 676 тыс. т³¹. Тем не менее инфраструктурная емкость альтернативных маршрутов ограничена: они способны абсорбировать не более 70% выпадающего объема INSTC, при этом стоимость логистики возрастает на 20–30%, а сроки доставки увеличиваются вдвое – с 18 до 60 дней³². Это критически снижает маржинальность экспорта скоропортящихся и объемных сельскохозяйственных грузов.

3. Структурные уязвимости импорта продовольствия. Несмотря на декларируемую высокую степень самообеспеченности по базо-

²⁸ Грузопоток по МТК «Север–Юг» к 2030 году может вырасти до 35 млн тонн – Марат Хуснуллин // ПортНьюс. 18 мая 2023. <https://portnews.ru/news/347550/> (дата обращения 11.04.2026).

²⁹ Iran Conflict Derails Eurasian Transport Development – Indian Strategic Studies. <https://www.strategicstudyindia.com/2026/04/iran-conflict-derails-eurasian.html> (дата обращения 11.04.2026).

³⁰ Danger in Iran comes at a cost for Russian INSTC exporters. <https://www.railfreight.com/beltandroad/2026/03/17/danger-in-iran-comes-at-a-cost-for-russian-instc-exporters/> (дата обращения: 11.04.2026).

³¹ Экспорт и импорт АПК – влияние ормузского кризиса с марта 2026. <https://oleoscope.com/analytics/vlijanie-ormuzskogo-krizisa-na-jeksport/> (дата обращения: 11.04.2026).

³² Danger in Iran comes at a cost for Russian INSTC exporters. <https://www.railfreight.com/beltandroad/2026/03/17/danger-in-iran-comes-at-a-cost-for-russian-instc-exporters/> (дата обращения: 11.04.2026).

вым калориям продовольствия, кризис высветил острые уязвимости ЕАЭС в сегменте импорта витаминной и плодоовощной продукции. Макрорегион исторически зависим от поставок из стран Ближнего Востока. По данным аналитических центров, Иран закрывал более 90% потребностей российского и евразийского рынков в фисташках, 75–80% в салатных культурах, баклажанах и киви, а также 50% в финиках и сладком перце. Другой участник конфликта, Израиль, выступал поставщиком трети всех импортируемых в ЕАЭС авокадо и значительной доли цитрусовых³³. Разрушение логистики и остановка платежей вызвали локальные шоки предложения и резкие скачки цен на данные товарные группы внутри ЕАЭС, диктуя необходимость экстренного импортозамещения путем создания и развития отечественных тепличных комплексов (в южных регионах России, Армении и в Казахстане).

Сценарное моделирование траекторий развития глобальной продовольственной архитектуры (2026–2027 гг.)

Степень влияния текущего кризиса на средне- и долгосрочные параметры аграрных рынков ЕАЭС будет зависеть от продолжительности блокады Ормузского пролива и глубины разрушения региональной энергетической инфраструктуры. Основываясь на методологии сценарного прогнозирования [1], можно выделить три базовых сценария развития событий в горизонте 2026–2027 гг.

Сценарий 1. Институциональная стабилизация и коррекция рынков («Окно возможностей»). Данный сценарий предполагает достижение дипломатического консенсуса, деэскалацию конфликта и деблокирование Ормузского пролива к лету 2026 г. В этом случае глобальные котировки на углеводороды и фрахт постепенно скорректируются до предкризисных уровней. Однако из-за специфики производственного цикла в АПК (невозможность компенсировать уже упущенные сроки внесения удобрений) «премия за риск» на рынках продовольствия и агрохимии может сохраняться.

Последствия для ЕАЭС. Макрорегион максимизирует приток финансовой ликвидности от экспорта удобрений и зерна по пиковым ценам. Работа МТК «Север – Юг» возобновляется во второй половине 2026 г., но с полным осознанием его геополитических рисков. Это стимулирует масштабные инвестиции капиталов Союза в развитие дублирующей транспортной инфраструктуры (модернизацию Транскаспийского маршрута, БАМа и Транссиба для выхода на рынки АТР) [13].

³³ Экспорт и импорт АПК – влияние ормузского кризиса с марта 2026. <https://oleoscope.com/analytics/vlijanie-ormuzskogo-krizisa-na-jeksport/> (дата обращения: 11.04.2026).

Глобальный эффект. Продовольственная инфляция нанесет удар по развивающимся странам, но глобальной стагфляции удастся избежать. ЕАЭС укрепит свои переговорные позиции в рамках БРИКС+, позиционируя себя как надежный антикризисный хаб.

Сценарий 2. Стагфляция и структурный дефицит («Евразийский якорь»). Сценарий реализуется в случае затяжной (свыше года) перманентной блокады судоходства в Персидском заливе. Из-за физической недоступности удобрений в период критических окон посадки (весна-лето 2026 г. в Северном полушарии, осень 2026 г. в Южном) глобальные урожаи кукурузы, риса и пшеницы 2026–2027 сельскохозяйственного года могут сокращаться.

Последствия для ЕАЭС. На фоне катастрофического падения производства в США, Индии и Латинской Америке, ЕАЭС (в первую очередь Россия, Беларусь и Казахстан) превращается в практически безальтернативного макрорегионального донора продовольствия, а также калийных и азотных удобрений. Это позволит использовать экспорт АПК как инструмент геополитики, формируя вокруг Союза коалицию зависимых от продовольствия государств (Египет, страны Магриба, Южная Азия). Однако угроза бесконтрольного перетока мировых инфляционных шоков во внутренний контур ЕАЭС вынудит органы ЕЭК ввести режим «полузакрытой» экономики с жестким квотированием экспорта, экспортными пошлинами и директивным ценообразованием на внутреннем рынке для защиты собственного населения. INSTC будет признан стратегически нежизнеспособным, грузопотоки окончательно развернутся на восток³⁴.

Сценарий 3. Усиление фрагментации и продовольственный национализм («Автаркия»)

Сценарий, предполагающий эскалацию конфликта с целенаправленным физическим разрушением заводов по производству удобрений и терминалов СПГ в странах Персидского залива. Мировая торговля агрохимией разрушается. Охваченные паникой правительства стран – производителей продовольствия (Индия, КНР, Бразилия, ЕС, Аргентина) синхронно вводят тотальные эмбарго на экспорт любой сельскохозяйственной продукции для защиты национальных рынков [14].

Последствия для ЕАЭС. Для ЕАЭС продовольствие и удобрения могут стать инструментом для прорыва санкционной блокады (ограничений логистики, финансовых расчетов и экспорта), причем, в отличие от нефти, на долгосрочную перспективу. Поставки продовольствия и удобрений на рынки Азии, Африки и Ближнего Востока

³⁴ The price of silence: How India's grand ambitions got lost in the Gulf. <https://thecradle.co/articles/the-price-of-silence-how-indias-grand-ambitions-got-lost-in-the-gulf> (дата обращения: 11.04.2026).

укрепляют политические связи и снижают эффективность западных санкций [2]. Освоение новых рынков продукции АПК дает дополнительные возможности для восстановления и расширения внешних связей [11].

Выводы

Проведенный комплексный анализ демонстрирует, что архитектура агропромышленного комплекса ЕАЭС, сформировавшаяся к 2025 г., обладает высочайшей степенью институциональной резистентности и производственной комплементарности. Исходная обеспеченность земельными ресурсами, помноженная на эффективную внутрисоюзную специализацию, где Россия и Казахстан выступают гарантами зерновой и масличной независимости, а Беларусь – перерабатывающим и мясомолочным ядром, создала фундамент устойчивости, позволивший ЕАЭС избежать катастрофической импортируемой продовольственной инфляции, поразившей западные рынки.

Ближневосточный кризис 2026 г., парализовавший Ормузский пролив, выступает глобальным историческим катализатором передела агропродовольственных рынков. Выбытие до трети мировых объемов минеральных удобрений и экстренная эскалация фрахтовых издержек формируют неотвратимую угрозу острой нехватки продовольствия для десятков миллионов людей в развивающихся странах. В этом макроэкономическом контексте ЕАЭС объективно кристаллизуется как один из немногих самодостаточных макрорегионов планеты, способных не только поддерживать собственную продовольственную безопасность на уровне 80–95% самообеспеченности, но и системно выполнять функции глобального донора продовольствия и критически важных агрохимических технологий.

Для максимизации стратегических дивидендов и минимизации логистических уязвимостей, ярко проявившихся в виде паралича иранского вектора транзита (INSTC) и обнажения дефицита импорта отдельных категорий товаров, органам наднационального управления ЕАЭС необходимо предпринять ряд научно обоснованных шагов.

Во-первых, критически важно форсировать инфраструктурную диверсификацию. Требуется снизить зависимость от классического маршрута МТК «Север – Юг», перенаправив инвестиционный капитал на развитие портовых мощностей Транскаспийского (Среднего) коридора и расширение трансконтинентальной железнодорожной инфраструктуры на восточном (китайском) направлении.

Во-вторых, необходимо углубление наднациональной координации распределительных механизмов. Практику ситуативного реагирования (национальные квоты и эмбарго на вывоз удобрений) сле-

дует трансформировать в создание полноценного Единого балансового фонда стратегических ресурсов (семенного материала, азотных и калийных удобрений, зернового фонда) на наднациональном уровне Евразийской экономической комиссии.

В-третьих, императивом становится достижение абсолютного технологического суверенитета в АПК. Зависимость от импортной генетики, средств защиты растений и специализированной сельхозтехники должна быть нивелирована через системное расширение механизмов наднационального субсидирования кооперационных инвестиционных проектов из бюджета ЕАЭС.

Вступление мировой экономики в эпоху перманентной институциональной турбулентности и структурного дефицита ресурсов требует от ЕАЭС перехода от парадигмы «интеграции ради свободной торговли» к концепции «интеграции ради совместного технологического, ресурсного и продовольственного суверенитета». При успешной реализации данного институционального направления ЕАЭС имеет все фундаментальные предпосылки для закрепления статуса системообразующего полюса глобальной продовольственной стабильности.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Белоусов Д.Р. О сопоставлении структурного и морфологического подходов к сценарированию долгосрочных социально-экономических процессов // Проблемы прогнозирования. 2024. № 5 (206). С. 59–71. [Belousov D.R. On the comparison of structural and morphological approaches to the scenario of long-term socio-economic processes // Studies on Russian Economic Development. 2024. No. 5 (206). Pp. 59–71. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-206-59-71
2. Богданов К.В., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. Гонка на Глобальном Юге, или Битва за мировое большинство. Перспективы России // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 80–97. [Bogdanov K.V., Frumkin B.E., Kobrinskaya I.Ya. A Race for the Global South or a Battle for the Global Majority: Russia's Prospects // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. No. 5. Pp. 80–97. (In Russ.).] DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97.
3. Долженкова Е., Мохорова А. Ю. Интеграционные процессы ЕАЭС в условиях санкций: социально-экономический и демографический аспекты // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 55–65. [Dolzhenkova E., Mokhorova A. Yu. Integration processes of the EAEU under sanctions: socio-economic and demographic aspects // DEMIS. Demographic studies. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 55–65. (In Russ.).] DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.4 EDN: VUPSYZ.
4. Продовольственная безопасность и потенциал АПК евразийского региона. Аналитический доклад № 23 // ЕАБР, 2023. С. 5–12. [Food security and potential of the agro-industrial complex of the Eurasian region. Analytical report No. 23 // EDB, 2023. Pp. 5–12. (In Russ.).]
5. Ромашкин Р.А., Рыбальский Н.Г. Продовольственная безопасность Евразийского экономического союза: достижения и перспективы интеграционного

- взаимодействия // Век глобализации. 2025. № 3 (55). С. 155–175. [Romashkin R.A., Rybalsky N.G. Food security of the Eurasian Economic Union: achievements and prospects of integration interaction // Century of globalization. 2025. No. 3 (55). Pp. 155–175. (In Russ.).] DOI: 10.30884/vglob/2025.03.13.
6. *Спартак А.Н.* Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9–35. [Spartak A.N. Reformatting Russia's International Economic Cooperation in the Context of Sanctions and New Challenges // Russian Foreign Economic Journal. 2023. No. 4. Pp. 9–35. (In Russ.).] DOI: 10.24412/2072-8042-2023-4-9-35. EDN: BPMQHS.
 7. Global Agrifood Implications of the 2026 Conflict in the Middle East // FAO. Rome, Italy. 2026. <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/1aafb5d8-39d1-481a-b1f8-25facaec3051/content>
 8. *Iashina E.A., Evgrafova L.V., Dzhancharova G.K., Ukolova A.V., Kovaleva E.V.* Analysis of the dynamics of food security in the countries of the Eurasian Economic Union // Front. Sustain. Food Syst. 2023. DOI: 10.3389/fsufs.2023.1114469.
 9. *Kasturi C.S.* Is the INSTC Russia's new economic escape route? // Al Jazeera. 27 Jul 2022. <https://www.aljazeera.com/economy/2022/7/27/russias-new-economic-escape-route> (accessed: 11.04.2026).
 10. *Khitakhunov A.* Agriculture in the Eurasian Economic Union: Analysis of Trends and Challenges // Eurasian Research Journal. 2020. Vol. 2. No. 2. Pp. 37–53. <https://erj.eurasian-research.org> (accessed: 11.04.2026).
 11. *Dynkin A., V. Baranovsky* (project leads), *Kobrinckaya I., Machavariani G.* (eds). Russia and the World: 2026. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast. Moscow: IMEMO, 2026. DOI: 10.20542/978-5-9535-0649-6.
 12. *Ruch F. U., Taskin T.* Demand and Supply Shocks: Evidence from Corporate Earning Calls // World Bank. Policy Research Working Paper. 2022. No. 9922. <http://hdl.handle.net/10986/36923> (accessed: 11.04.2026).
 13. *Vinokurov E., Ahunbaev A., Zaboiev A.* International North–South Transport Corridor: Boosting Russia's «Pivot to The South» And Trans-Eurasian Connectivity // Russian Journal of Economics. 2022. No. 8 (2). Pp. 159–173.
 14. *Werz M.* The Iran War's Hidden Front: Food, Water, and Fertilizer // Council on Foreign Relations. March 13, 2026. <https://www.cfr.org/articles/the-iran-wars-hidden-front-food-water-and-fertilizer> (accessed: 11.04.2026).

Дата поступления рукописи: 11.06.2026 г.

Дата принятия к печати: 13.08.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернова Вероника Юрьевна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5951-9091
veronika_urievna@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Veronika Yu. Chernova – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5951-9091
veronika_urievna@mail.ru

THE MIDDLE EAST CRISIS AND FOOD SECURITY: IMPLICATIONS FOR THE EAEU AGRICULTURAL AND FOOD SECURITY COMPLEX

This article analyzes the impact of the 2026 Middle East crisis on international food security and the channels through which this shock is transmitted to food parameters in the EAEU. The research methodological framework includes an index assessment of price dynamics (consumer price inflation indices for food), the calculation of per capita production coefficients, and a method for constructing multivariate matrix scenarios to assess the probabilistic impact of cascading external shocks on logistics and food security in the studied macro region. It is shown that the overall impact for the EAEU is ambiguous: for the EAEU, as a net exporter of grain, oil, and fertilizer, new export opportunities are opening up, but at the same time, inflation and logistics risks are increasing, and the importance of technological and infrastructure cooperation within the Union, as well as foreign trade diversification, is growing. The study's originality lies in its seamless synthesis of a retrospective analysis of the EAEU's agricultural sector development with the integration of the latest empirical data from the first quarter of 2026, reflecting the reaction of global markets to the disruption of Middle East trade routes. This allows the author not only to assess the current state of the industry but also to identify the underlying mechanisms by which EAEU economies absorb external shocks.

Keywords: *food security, EAEU, Middle East, energy shock, fertilizers, maritime logistics, food inflation, scenarios.*

JEL: F15, F51, Q11, Q18, Q17.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 24.08.2026

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 150 экз.

Печать офсетная. Заказ № 4388-26

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inecon.ru

<https://vestnik-ieran.ru>

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2026

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru